

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИММ

3/2020

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС77-78825* от 30 июля 2020 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук
(ред. 01.01.2019 г.) по историческим наукам, по научным специальностям: 07.00.02 —
Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история (соответствующего периода)*

2020**Ежеквартальное издание****№ 3**

Основен в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакция

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**
доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

Международная редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,
Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)
главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)
доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,
Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИВГУ, 2020
© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2020

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage

(Registration License III № ФС77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 01.01.2019)
on historical sciences, on scientific specialties: 07.00.02 — National history,
07.00.03 — General history (the corresponding period)*

2020

Quarterly

№ 3

Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Edition

Assoc. Prof. **Vasilii Chernoperov**, Dr. of History (*Editor-in-Chief*)

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Prof. **Galina Budnik**, Dr. of History

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

International Editorial Board

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of History,

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)

Editor-in-Chief of the “Russian almanac” **Zorislav Paunkovic**, Serbia (Belgrade)

Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of History,

University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.

No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, jurnal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2020

© Ivanovo State University, 2020

Редакционный совет

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторак** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- Г. С. Смирнов** Ивановский государственный университет
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный университет

Editorial Board

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotaryov	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University of Chemistry and Technology
A. V. Repnikov	Russian State Archive of Social and Political History (Moscow)
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiryakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Solovyev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Миронова Е. В.* Становление земской учительской интеллигенции в Лаишевском уезде Казанской губернии 7
- Ахунзянова Ф. Т.* «Во чужом пиру похмелье»: драма русской интеллигенции начала XX в. 21
- Комиссаров В. В.* Журналы фантастики и приключений «Уральский следопыт» и «Искатель» как источники по истории советской интеллигенции 34

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Репников А. В.* Лев Тихомиров на фоне его дневника (1911 г.) 49
- Калистратов А. Ю.* Африка начала XX в. в записках и эпистолярных германского врача Людвига Кюльца 68

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Соловьев А. А.* Академик Е. Е. Голубинский в интерьере эпохи 101
- Корнилов А. А.* Педагог С. Н. Боголюбов и его заметки о работе приходских школ Русской зарубежной церкви в штатах Нью-Йорк и Пенсильвания (1962—1968 гг.) 115
- Федотов А. А.* Архиепископ Амвросий (Щуров) в воспоминаниях представителей православной интеллигенции Ивановской области 129
- Аннотации и материалы для цитирования** 143
- Информация для авторов* 165

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Mironova E. V.* Formation of the zemstvo's teaching intelligence in Laishevsky district of Kazan province 7
- Akhunzyanova F. T.* "In a strange feast hangover": the drama of the Russian intelligentsia of the early 20th century 21
- Komissarov V. V.* Magazines of science fiction and adventure "Ural Pathfinder" and "Seeker" as sources on the history of the Soviet intelligentsia 34

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Repnikov A. V.* Lev Tikhomirov against the background of his diary (1911) 49
- Kalistratov A. Yu.* Africa of the beginning of the 20th century in the notes and epistolary of the German physician Ludwig Kühlz 68

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

- Solovev A. A.* Academic E. E. Golubinsky in the interior of the era 101
- Kornilov A. A.* Educator S. N. Bogolyubov and his remarks about the parish schools of the Russian Orthodox Church in the states of New York and Pennsylvania (1962—1968) 115
- Fedotov A. A.* Archbishop Ambrose (Shchurov) in the memoirs of representatives of the orthodox intelligentsia of Ivanovo region 129
- Annotations and materials for citing** 150
- Information for authors* 165

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

DOI: 10.46725/IW.2020.3.1

Е. В. Миронова

СТАНОВЛЕНИЕ ЗЕМСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЛАИШЕВСКОМ УЕЗДЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Введение

1 января 1864 г. было издано «Положение о губернских и уездных земских учреждениях»¹. Закон призывал население к участию в хозяйственных делах каждой губернии и каждого уезда посредством избранных лиц. Земства делились на губернские и уездные, состояли из земских собраний, принимавших постановления, а также их исполнительных органов — управ. Лаишевский уезд Казанской губернии являлся одним из типичных уездов Среднего Поволжья. Основные занятия населения составляли земледелие и скотоводство, бюджет земства был довольно ограничен.

Система земских образовательных учреждений в Лаишевском уезде создавалась не с чистого листа. На его территории до введения земского самоуправления функционировали церковно-приходские школы, училища Министерства государственных имуществ и другие виды учебных заведений. Часть из них в 60-х гг. XIX в. была преобразована в начальные народные училища, обучение в которых было доступно для детей всех сословий и вероисповеданий. Финансирование этих училищ осуществлялось как самим земством, так и государством и населением.

© Миронова Е. В., 2020

Миронова Елена Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов Республики Татарстан, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, yelena.mironova@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher at the Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the Republic of Tatarstan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan).

Цель статьи заключается в изучении становления земской педагогической интеллигенции в Лаишевском уезде во второй половине XIX — начале XX в. В связи с этим автор ставит следующие задачи: установить численность учителей, показать источники их пополнения, проанализировать образовательный ценз и рассмотреть социально-экономическое положение.

Основная часть

Земские училища стали новым типом учебных заведений в пореформенный период. По объему преподавания они представляли собой одноклассные народные училища с трехгодичным курсом. Лаишевское земство открывало новые школы или брало под свое управление уже существовавшие сельские училища. Однако первое время уездные органы самоуправления, занятые организационными вопросами, не уделяли школьному делу должного внимания. В итоге некоторые образовательные учреждения, перешедшие в ведение земства, не финансировались и закрывались. Продолжили существование только те школы, которые содержались на частные средства, в них работали учителя-энтузиасты, не получавшие никакого жалованья².

В 1866 г. земское пособие было назначено только двум школам, еще шесть перешли на субсидирование через год³. Но в целом лаишевское земство довольно быстро наращивало количество подведомственных учебных заведений. Если в 1869 г. одно училище приходилось на 245 кв. верст, то спустя десятилетие — на 99 кв. верст⁴. Денежной поддержки удостаивались наиболее перспективные сельские школы. Так, в 1873 г. на содержание земства перешла приходская школа в с. Мансурово Сараловской волости, действовавшая с 1861 г. А в 1876 г. статус земского получило начальное училище с. Шармаши Ключищенской волости, открытое на средства прихожан местным священником еще в 1868 г.⁵

Общее количество земских школ в Лаишевском уезде в 1888 г. составило 48, из них 2 в городе, а в 1907-м — 92. Вместе с учреждением школ постепенно пополнялись ряды учительства. На каждое учебное заведение приходилось не более одного преподавателя светских дисциплин, поэтому количество учителей соответствовало числу училищ.

Для трудоустройства в земскую школу достаточно было иметь начальное образование и сдать экзамен на звание сельского учителя. В 1878 г. на долю таких земских преподавателей приходилось 84,5 %. Однако при найме старались отдавать предпочтение лицам со средним образованием, о чем свидетельствуют следующие статистические сведения. В 1878 г. на долю учителей со средним образованием приходилось только 15,5 %. Среди них имелись выпускники непрофильных учебных заведений. Так, в Державинском училище свыше 10 лет проработал местный житель, фельдшер по образованию. А учитель Рождественского училища окончил курс в военной прогимназии⁶. Но за десятилетие качественный состав педагогов значительно улучшился. В 1888 г. 43,7 % учителей являлись выпускниками учительских семинарий и Казанской земской школы, еще по 4 % приходилось на окончивших гимназии и духовную семинарию⁷.

Для подготовки кадров каждое земство старалось направлять своих стипендиатов в Казанскую земскую школу, открытую в 1871 г. Однако в ней не успевали готовить учительский персонал, спрос на который увеличивался по всей губернии. В 1888 г. в Лаишевском уезде насчитывалось всего 18 выпускниц данного учебного заведения. И все чаще вакансии в открываемых школах занимали бывшие гимназистки. Этому же способствовали действовавшие законы. «Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного образования» 1870 г. предоставляло ученицам прогимназий право получения звания «первоначальных учительниц и учительниц народных училищ»⁸, если они в течение полугода работали помощницами в начальной школе.

Приток воспитанниц гимназий и прогимназий в земскую школу отразился на квалификационном составе учителей. В 1907 г. на их долю приходилось 31,5 % преподавателей. Такой же процент педагогов имели диплом специальных педагогических учебных заведений. 14 % учителей вышли из епархиальных училищ. Но этих специалистов не хватало, и земство продолжало нанимать лиц с начальным образованием, допущенных к должности через экзамен. Они составляли свыше 20 % земских учителей. А один человек и вовсе не обладал правом преподавания⁹.

Увеличение числа преподавателей с гимназическим образованием вело к численному преобладанию учительниц в школьном

коллективе. Если к середине 1880-х гг. соотношение земских учителей обоих полов было одинаковым, то в 1907 г. доля женщин увеличилась до 70 %, причем количество мужчин не изменилось.

Поскольку в школу приходили люди с разным уровнем профессиональной подготовки, земство уделяло большое внимание повышению квалификации кадров. Одним из направлений этой деятельности стало учреждение учительских библиотек. Учебники и книги для внеклассного чтения закупали со скидкой в книжном магазине А. А. Дубровина в Казани, книги духовного содержания — в Училищном совете при Святейшем синоде. Но при отдельных школах библиотек не существовало, поэтому учителя пользовались передвижной библиотекой. Вторым важным способом повышения профессионального мастерства кадров стали образцовые уроки, которые проводили более опытные педагоги или инспекторы, выявлявшие недостатки в преподавании земских учителей.

Но самым значительным событием в жизни земской школы стало создание учительских курсов. Для повышения квалификации учителей начальных школ, половина которых имели только начальное образование, лаишевское земство в 1915 г. предложило организовать педагогические курсы. Инициатива получила поддержку губернских властей. В земство на эти цели из Министерства народного просвещения поступили 3 тыс. руб. Курсы стали проводиться с лета 1916 г.¹⁰

Кроме преподавателей светских дисциплин, в штате были законоучители. В основном ими становились священнослужители местного прихода. По данным на 1885 г., из 46 преподавателей Закона Божьего только один не имел священного сана, остальные 44 являлись священниками и один дьяконом. Приглашение на эту должность человека, не имевшего духовного звания, было вызвано нехваткой священнослужителей. Так, в 1890 г. законоучителем в с. Венета стала крестьянка, окончившая Казанскую земскую школу.

Довольно часто законоучители вели занятия бесплатно, поскольку обучение детей прихожан было одной из традиционных обязанностей. Касалось это главным образом тех священников, которые преподавали в церковно-приходских школах, позднее ставших земскими. От оплаты труда священника могли отказаться и сами жители. Например, Алексеевское мужское училище

обеспечивалось приходом, но после его принятия земством в свое ведение в 1867 г. все хозяйственные расходы легли на сельское общество. Раскольники, входившие в общину, не собирались отдавать своих детей на обучение, поэтому отказались участвовать в содержании школы. Общество не смогло составить приговор, только на основании которого земство должно было назначить содержание. По этой причине законоучитель Иаков Воронов работал бесплатно.

Среди преподавателей Закона Божьего встречалось немало священнослужителей, имевших богатый педагогический и административный опыт. Так, до прихода в Белкинское земское училище местный священник успел проработать на поприще народного образования почти 40 лет. Тремя десятками лет исчислялся педагогический стаж его коллег, взятых в Алексеевское и Лаишевское мужские училища. В этой связи показателен пример выпускника духовной семинарии приходского священника с. Шармаши П. П. Соколова. В основанной им школе на протяжении 21 года он безраздельно являлся «и учителем, и законоучителем, и руководителем, и воспитателем»¹¹. Когда же учебное заведение перешло под управление земства, то о. Павел занял должность второго учителя, а в качестве основного педагога была приглашена учительница со специальным педагогическим образованием, окончившая курс в Казанской учительской женской семинарии. Однако возникшие расхождения в методике преподавания породили конфликты с новым педагогом, что вынудило Соколова подать прошение о том, чтобы за ним оставили только его основной предмет — Закон Божий¹².

Законоучители, уступившие первенство новому поколению учителей, сохранили за собой роль духовных наставников для школьников и их родителей. И там, где удавалось достичь согласия с прихожанами, совместными усилиями открывали новые школы. К примеру, выпускник духовной семинарии бывший священник с. Селенгуш Лаишевского уезда Ф. Н. Сосунцов, перейдя в каймарский приход в Казанском уезде, открыл в с. Хотня школу в собственном доме и бесплатно вел занятия несколько лет. Затем, вернувшись в селенгушский приход, вновь взялся за народное образование и преподавал Закон Божий в православной школе Братства св. Гурия в с. Альведино, в Селенгушском

земском училище и в двух школах Селенгушской волости, которые он основал на деньги прихожан в 1886—1887 гг. Независимо от местности, в которой жил и работал о. Федор, ему удавалось найти общий язык с учителями-коллегами, чему способствовали природная мягкость характера, деликатное отношение к окружающим. По свидетельству современников, его поведение сформировалось в период близкого общения с хотнинскими помещиками Перцовыми: «В кругу интеллигентного общества молодой о. Федор, вместе с умением держать себя, приобрел знание жизни и людей, охоту к чтению и навык в литературной разговорной речи, свободной от бурсацких выражений...»¹³

Но некоторые священнослужители никогда не преподавали в церковно-приходских школах, в земском училище начиналась их педагогическая карьера. Например, священник Павел Трофимов поступил законоучителем в Анатъшское училище в 1892 г., практически сразу по окончании Казанской духовной семинарии. Выпускник Уфимской духовной семинарии всю жизнь проработал только в Лаишевском мужском земском училище, прийдя сюда в 1875 г.¹⁴

Каждая школа становилась учебным центром для целой округи. К примеру, начальное земское училище в с. Венета Аркатовской волости посещали дети из окрестных деревень: 3 мальчика и 4 девочки были из соседней Ермоловки, находившейся в одной версте от школы, такое же расстояние преодолевали 11 мальчиков и 1 девочка из Красногорки, еще по 1 ребенку приходили из Андреевки и Михайловки¹⁵. Всего же при 23 селениях в Аркатовской волости насчитывалось лишь 3 земских училища. Аналогичная ситуация сложилась в Алексеевской, Бетьковской, Державинской волостях. Но были благополучные волости, например Астраханская, в которой на 8 селений приходилось 5 земских училищ, а также имелись церковно-приходская школа, школа грамотности и мектеб.

Недостаточное количество земских учебных заведений приводило к тому, что в одной школе обучалось по полсотни и более детей. В зависимости от численности учащихся могли приглашаться помощники, как это было, например, в Алексеевском мужском училище, где обучалось больше 120 мальчиков. Здесь в 1887 г. эту должность заняла молодая дворянка Зиновья Пантелева¹⁶, окончившая курс в чистопольской прогимназии. Но, как

правило, педагоги были вынуждены обходиться своими силами. Это касается Шумковского, Ошняковского, Верхнесердинского, Урахчинского училищ и Казыльского соединенного училища, насчитывавших довольно много детей — по 60—80 человек¹⁷. Поэтому требовался педагог, который мог заниматься хотя бы с младшим отделением. В 1885 г. на весь уезд приходилось всего 10 помощников, но по мере возможности земство расширяло штат, доведя их число до 20 в 1905 г. Круг обязанностей помощников не был строго очерчен, и это порождало конфликты со старшими учителями. Более того, оба педагога вынуждены были вести занятия в одном классном помещении, что, конечно же, снижало эффективность образовательного процесса. Как следствие, возникали «путаница и взаимное сваливание педагогических грехов друг на друга»¹⁸.

Большое количество желающих обучаться в бесплатной земской школе вынуждало отказывать в приеме детей, и лишь некоторые учителя на свой страх и риск набирали классы сверх возможностей помещения училища, вводя вторую смену. Учителю приходилось вести занятия практически весь день — с девяти до часу для первой группы учеников и с часу до пяти — для второй. Это сказывалось на эффективности преподавания. Например, учитель Белкинского (Чертовского) земского училища не справился с возросшей часовой нагрузкой, что привело к снижению успеваемости. Там же, где удавалось найти благодетелей, начальные школы переводили в более просторные дома. Например, из-за тесноты училища в с. Большая Елань несколько ребят пропускали уроки до тех пор, пока не была обустроена новая школа в здании, пожертвованном г-жой Новиковой¹⁹. А закрытая в 1891 г. школа в д. Сокуры через год возобновила свою деятельность в отдельном доме, построенном на средства землевладелицы О. А. Лебедевой²⁰. Другие помещики Лаишевского уезда также участвовали в устройстве школ. В частности, П. И. Берстель предоставил здание под школу в с. Казыли.

Очевидным было, что выбор здания для школы во многом определял успех учебного процесса, влиял на посещаемость занятий, успеваемость детей. По свидетельству Лаишевской земской управы, лучшие в плане санитарно-гигиенической обстановки училища находились в селениях Смолдиярове, Емельянове, Люткине.

Довольно удовлетворительно оценивалось мужское училище в г. Лаишево, но отмечался недостаток вентиляции, из-за чего к концу занятий воздух застаивался и отрицательно сказывался на самочувствии учеников и педагогов. По этой причине врачи требовали строить школы, руководствуясь их указаниями, поскольку даже новый дом мог иметь грубые и непоправимые недостатки. Иллюстрацией может служить Алексеевское мужское училище, которое разместилось в прекрасном здании с высокими потолками, но окна располагались неправильно: свет, проникавший в комнату, бил прямо в глаза, что, по мнению доктора А. Амстердамского, плохо отражалось на зрении и внимании учеников.

Преобладающая часть образовательных учреждений находилась в ветхих избушках, а не в специально выстроенных зданиях, поэтому достаточным содержанием воздуха не могла похвастаться ни одна из школ²¹. А кроме отсутствия вентиляции, имелась масса других проблем. К примеру, Шуранская школа была «сырая, низкая, темная, очень холодная, с задхлым воздухом»²², помещение класса тесное, окна небольшие. Имелось всего три скамьи и парты, и те были устроены кое-как; парты без всякого наклона располагались так, что ученик загораживал свет. Сельские общества неохотно исполняли свои обязательства, и почти во всех училищах уезда хозяйственная часть школьного обихода велась беспорядочно и случайно. А пребывание в некоторых школах становилось опасным для жизни. К числу аварийных относились здания Пановского, Уреево-Челнинского, Анатышского, Кульгинского училищ: они протекали и могли обрушиться в любой момент, а зимой отапливались неисправно. Но сельские старосты не пытались привести их в надлежащий порядок. В начале XX в. школ, малопригодных для обучения, насчитывалось полтора десятка.

Некоторые земства по собственной инициативе проводили серьезные исследования санитарного состояния в училищах, стараясь с учетом полученных результатов внести улучшения. Например, в Слободском уезде Вятской губернии земство детально изучило гигиеническую обстановку в земских школах с научных позиций. Но на общероссийском уровне соответствующей нормативно-правовой базы не существовало до начала XX в. Лаишевское земство довольно формально относилось

к благоустройству классных комнат, ограничивая проверку осмотром без должного анализа. По итогам ревизий члены управы давали в своих отчетах короткие справки о вентиляции, освещенности, вместимости помещений и температуре в них, при этом не учитывали современные требования школьной гигиены.

В городах материально-техническое обслуживание школы иногда возлагали на учителя. Например, в 1885 г. учительница Лаишевского женского земского училища за дополнительную плату в размере 60 руб. отапливала помещение. А в сельской местности учителя могли обязать следить за отхожими местами и своевременно нанимать крестьян для их очистки²³.

Поскольку размер здания и общее его состояние влияли на набор школьников, лаишевское земство поделило все подведомственные училища на три разряда в соответствии с численностью детей. Эта же классификация отразилась на оплате труда, поскольку учитывала нагрузку педагогов. В 1890 г. размер оклада варьировался от 156 до 240 руб. К 1-му разряду были причислены 13 школ с годичным жалованьем преподавателя 240 руб., помощникам было назначено по 144 руб., законоучителям — по 60. В школах 2-го и 3-го разрядов помощников не было, значительно ниже был и оклад: учителя получали по 180 и 156 руб. соответственно. Вознаграждение законоучителей в школах этих разрядов составляло 40 руб.

Например, максимальный оклад в 240 руб. получал учитель Казыльского училища, отнесенного к 1-му разряду. Здесь к началу 1898/99 учебного года числилось 60 мальчиков и девочек. А минимальный оклад в 156 руб. получал учитель Балахчинского училища, насчитывавшего к началу занятий 20 детей и входившего в 3-й разряд.

В трех учебных заведениях размер окладов был особый. К ним относились Алексеевское мужское училище и два училища в г. Лаишево. Так, по данным на 1898/99 учебный год, 300 руб. получал учитель Алексеевского училища, по 180 руб. — два помощника и 60 — законоучитель. Годовой оклад преподавателя Лаишевского мужского земского училища составлял 300 руб., двух помощников — по 120 руб., законоучителя — 105 руб. А вот учительнице Лаишевского женского училища вдове чиновника Агнии Николаевне Мордвиновой, работавшей в нем

с 1871 г., был назначен повышенный оклад в размере 420 руб. Ее помощница получала 240 руб., законоучитель — 120. Для сравнения: учитель Лаишевского мужского городского училища зарабатывал 675 руб.

Положив в основу формирования заработной платы численность школьников, лаишевское земство проигнорировало такой важный фактор, как уровень образования педагогов. На деле это приводило к тому, что учитель, окончивший начальное училище, мог получать жалованье выше своего коллеги со средним образованием.

Низкие оклады приводили к несерьезному отношению к учительским обязанностям. Крестьяне с. Венета были крайне недовольны молодым учителем, нанятым на работу в только что открытой местной школе сразу после окончания им уездного училища. По их отзывам, вчерашний студент мало занимался с детьми, приходил в училище поздно, часто отлучался домой, а ученики оставались одни²⁴. Зато в последующем многие преподаватели этого училища были отмечены за свое трудолюбие и знание дела. Такими учителями стали Афанасий Сперанский и Григорий Тренин, проработавший в Венетинской школе с 1 ноября 1873 по 1883 г.²⁵ В условиях дефицита учительских кадров земская управа ограничивалась воспитательным воздействием на нерадивых педагогов. Например, учительница Егорьевского училища на время проверки, проводимой инспектором народных училищ, отпросилась в отпуск, а ранее поступали жалобы на неаккуратность в проведении занятий. Поэтому члены Училищного совета перевели ее в другую школу с целью осуществления постоянного наблюдения за ее преподаванием.

Со временем земство пришло к пониманию того, что ответственных педагогов следует удерживать рублем, и ввело надбавки, благодаря чему количество опытных учителей в Лаишевском уезде было значительным. К 1907 г. каждый второй преподаватель получал 5 %-ную надбавку за стаж. До 20 % земских учителей имели опыт, исчислявшийся 5—10 годами. 13 % учителей проработали свыше 10 лет. А больше 15 % педагогов преподавали с 80-х гг. XIX столетия. Чтобы поощрить ветеранов педагогического труда, земство не скупилось на подарки и денежные награды. Разовые вознаграждения для учителей со стажем свыше

четверти века достигали 150 руб.²⁶ Среди таких педагогов были Попова-Яковлева, Устинов, Иванов, Бурмакин. В 1908 г. Министерство народного просвещения установило минимальный оклад в 360 руб. Однако лаишевское земство не могло довести до этой планки содержание преподавателей, составлявшее к этому времени 210 руб., и ограничилось его повышением на 30 руб.

Квартирные расходы учителей брало на себя земство, выплачивая 60 руб. в деревне и 80 руб. в городе. Нередко преподаватель проживал в том же здании, где вел уроки. Например, землевладелец Н. И. Мертваго, по просьбе которого в 1875 г. было открыто Карноуховское земское училище, не только выделил в своем доме удобную классную комнату с мебелью и необходимыми учебными принадлежностями, но и обустроил квартиру для учительницы, обеспечив ее всем необходимым, включая питание. Но были и прямо противоположные условия проживания педагогов. Так, крохотная квартирка учительницы в с. Шураны помещалась через дощатую стену в другой половине школьного дома. А расположенное на открытой местности здание продувало со всех сторон. «Нести тяжкий ответственный труд и не иметь порядочной комнаты для отдыха от классной пыли и сутолоки, это надрывает учительские силы раньше времени», — признавали члены управы²⁷.

Но земство старалось обеспечить поддержку учителям и их семьям, о чем свидетельствуют многочисленные примеры. Вдове бывшего учителя Некрасовского училища Комарова было выдано пособие на воспитание дочери в Казанской земской женской учительской семинарии — 120 руб. Семье умершего учителя Ошняковского земского училища Ананиева, прослужившего около 25 лет, было назначено единовременное пособие в 100 руб., а трое детей помещены на стипендии от земства в различные учебные заведения. Сын учительницы Емельяновского училища Поповой-Яковлевой зачислен на стипендию лаишевского земства в пансионат казанского общества вспомоществования, также регулярно выдавались средства на содержание ее дочери в пансионате Общества попечения о детях учителей и учительниц начальных школ в Казанской губернии. А учителю Мансуровского земского училища Кобызеву, утратившему всё имущество во время пожара, было выдано 100 руб.

Без преувеличения можно сказать, что учитель являлся ключевой фигурой учебного процесса. Так, по итогам 1900/01 учебного года не состоялись выпускные экзамены в Сорочьегорском училище вследствие продолжительной болезни учителя. Были даже случаи перехода в земскую школу из церковно-приходской. Успех преподавания определялся количеством выпускников. Но, кроме профессионального мастерства, существовали факторы, на которые учителя никак не могли повлиять. Так, в 1901 г. три училища — Каинское, Нижнесердинское и Шуранское — выпустили только по три ученика. И всему виной стали семейные обстоятельства: привлечение родителями детей к выполнению сельскохозяйственных работ, элементарное отсутствие зимней одежды и обуви и т. д.

Выводы

К началу XX в. образовательный уровень учителей земских народных училищ Лаишевского уезда значительно повысился. Если в 1870-х гг. преобладали преподаватели с начальным образованием, то в начале XX в. 75 % всего педагогического состава были выпускниками средних учебных заведений. Земство заботилось о повышении квалификации учителей, организовывало для них библиотеки, образцовые уроки, посылало на курсы.

Но социально-экономическое положение учительства уезда продолжало оставаться на низком уровне. Невысокое жалование, плохие жилищные условия, большую загруженность могли выдерживать лишь люди, чувствовавшие призвание к профессии учителя, или те, кто не имел возможности устроиться в более прибыльной сфере. Причем последних было немало. Небольшая оплата труда и сравнительная легкость трудоустройства часто приводили в эту профессию случайных людей, что вызывало недоверие к педагогам как со стороны крестьян, так и со стороны образованных слоев. Например, губернский предводитель дворянства С. С. Толстой-Милославский, критично относившийся к земцам, считал, что они «настроили скверных школ, напустили туда недоучек-учителей» и оставили их на попечение «третьего элемента»²⁸. Но такой взгляд представляется нам односторонним. В рядах земских учителей были и опытные преподаватели,

работавшие на совесть. Их старались поддерживать материально и обеспечивали семью учителя в случае его смерти. Но все же следует признать, что профессия сельского учителя требовала кропотливого труда, однако была не слишком престижной и доходной.

В то же время учительство открыло женщинам доступ к профессиональной деятельности. Становление земского образования совпало с началом эмансипации, и преподавание стало сферой общественной жизни, за работу в которой женщины не осуждались. В результате начал формироваться образ женщины не только как хранительницы очага, но и как профессионала своего дела.

Примечания

- ¹ Полное собрание законов Российской империи: собрание 2. СПб., 1864. Т. 39. № 40457. С. 1. Далее: ПСЗ: собр. 2.
- ² *Ивановский В. В.* Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России: уезды — Слободской Вятской губернии и Лаишевский Казанской губернии. Казань, 1881. С. 256.
- ³ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1867/68 г. Казань, 1868. С. 22.
- ⁴ *Ивановский В. В.* Указ. соч. С. 255.
- ⁵ Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их: Лаишевский уезд / сост. И. А. Износков. Казань, 1893. С. 31, 679.
- ⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Т. 188. С. 77.
- ⁷ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1888/89 г. Казань, 1889. С. 29.
- ⁸ ПСЗ: собр. 2. Т. 39. № 40457. С. 1.
- ⁹ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1907/08 г. Казань, 1908. С. 107.
- ¹⁰ *Хайрутдинов А. Г., Сулейманова Я. Р.* Из истории школьного образования в городе Лаишево (XIX — начало XX в.). URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/administrativno-territorialnoe-delenie-rossijskoj-imperii/gubernii-rossii/kazanskaya-guberniya/uezdy-kazanskoj-gubernii/laishevskij-uezd/исторические-документы-лаишевский-уезд-казанской-губернии/из-истории-школьного-образования-в-городе-лаишево-хix-начало-хх-вв.html> (дата обращения: 30.04.2020).

- ¹¹ *Боголюбов А.* Воспоминания по поводу одного юбилея // Известия по Казанской епархии. 1904. № 21 (1 июня). С. 678.
- ¹² Там же.
- ¹³ Священник Ф. Н. Сосунцов: (некролог): (продолжение) // Известия по Казанской епархии. 1906. № 43 (15 ноября). С. 1366.
- ¹⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 91. Оп. 3. Д. 415. Л. 14. Далее: РГИА.
- ¹⁵ Материалы для истории народного образования в Лаишевском уезде. Казань, 1887. С. 34.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 415. Л. 20.
- ¹⁷ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1889/90 г. Казань, 1890. С. 27.
- ¹⁸ Там же. С. 109.
- ¹⁹ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1885/86 г. Казань, 1886. С. 29.
- ²⁰ *Саматова Ч. Х.* Из истории организации и функционирования сельских учебных заведений на территории Лаишевского района Республики Татарстан во второй половине XIX — начале XX в. URL: <http://www.vipstd.ru/index.php/en/series-humanities-sciences/series-humanities-sciences-2016/гуманитарные-науки-2016-май/339-a-11> (дата обращения: 30.04.2020).
- ²¹ Там же.
- ²² Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1890/91 г. Казань, 1891. С. 26.
- ²³ Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Т. 158. С. 176.
- ²⁴ Материалы для истории народного образования в Лаишевском уезде. Казань, 1887. С. 34.
- ²⁵ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1909/10 г. Казань, 1910. С. 26—27.
- ²⁶ Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства и о действиях уездной управы в 1894/95 г. Казань, 1895. С. 96.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Мельников Н. А.* 19 лет на земской службе: (автобиографический очерк и воспоминания). Йошкар-Ола, 2008. С. 64.

Ф. Т. Ахунзянова

**«ВО ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ»:
ДРАМА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА XX В.**

Введение

Сознание русской интеллигенции начала XX в. неразрывно связано с космологическими лейтмотивами преобразования Хаоса в Космос, где Хаос — реальная действительность, Россия, человечество в целом, а Космос — это некое «Третье Царство». На примере жизни и творчества различных мыслителей можно видеть устойчивую потребность, зафиксированную в феномене «океанического» чувства — чувства единения с мировым целым, сопровождаемого акцентуацией его ценности. Эта потребность приобретает интертекстуальный характер, перетекая во взаимодействие идей и культурных кодов, ведущих к обретению статуса *Homo Cosmicus*. Одним из таких кодов становится пир.

Автор статьи ставит перед собой цель реконструировать жизнетворчество российской интеллигенции начала XX в. сквозь призму античного пира. Представляется, что в условиях напряженных духовных поисков, в борьбе за обретение цельности и полноты человеческого бытия обращение к античности стало по-настоящему метафизической идеей, где пир являлся значимой культурной константой. В процессе движения к высшей точке духовного развития античный пир метафорически отражает космос бытия, однако нарушение порядка пира приводит к подлинной драме.

© Ахунзянова Ф. Т., 2020

Ахунзянова Фарида Тагировна — кандидат культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет, farida.ahunzyano@mail.ru (Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University).

В связи с вышесказанным в статье ставятся следующие задачи:

1) определить обращение мыслителей начала XX в. к образу античного пира как к способу метафизического вопрошания человека о целом;

2) выявить житетворческую составляющую образа античного пира в контексте исторических событий в России начала XX в.

Аналитическая часть

Начиная с античных времен метафорический пир, пожалуй, основной мифобразующий механизм в истории человечества. Для русской культуры традиционным стало значение пира как коллективного ритуального действия, символа устойчивости миропорядка, благополучия рода, всеобщей гармонии. Пир выражал фундаментальный опыт русской социальности. Неслучайно народная мудрость накопила десятки выражений, связанных с этим словом: *пир на весь мир, пир горой, каковы гости, таков и пир*. По М. М. Бахтину, пиршественные образы в значительной мере «связаны со словом, с мудрой беседой, с веселой истиной», «между словом и пиром существует исконная связь»¹. Пир материализует истину, не позволяет ей оторваться от земли, но в то же время сохраняет ее универсалистичность и космичность. Такой архетипический «слой» позволил пиру на рубеже XIX—XX вв. и в первой половине XX в. стать не просто мифологемой, но одним из «вечных образов» метафизического вопрошания человека о целом.

Так, в стихотворении Ф. И. Тютчева «Цицерон» (начало 1830-х гг.) четко выражено восприятие пира как отражения высшего мира:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!²

По мысли поэта, человек, становящийся свидетелем исторических событий XIX в., получает уникальную возможность вести беседы с богами и делать это во время пиров, содействуя установлению миропорядка.

Примечательно, что в первоначальной публикации стихотворения в «Деннице» (1831 г.) девятый стих читался так:

Блажен, кто посетил сей мир³.

Исследователи полагают, что этот вариант был более близок поэту, однако от него пришлось отказаться ввиду того, что далее через строку появляются «всеблагие». Блаженный — человек, обладающий измененным состоянием сознания, способный на духовное странничество от мира дольного к миру горнему. Предпринимаемое им «бегство от мира» — это освобождение от разъединяющей Бога и человека «тесноты» земного «дома», во всех формах, смыслах и значениях этого понятия, начало возведения человеком внутри самого себя того духовного града, где только и возможны «пиры с всеблагими», где можно обрести горизонты грядущего.

В другом стихотворении Ф. Тютчева — «Кончен пир, умолкли хоры...» (1850 г.) — мысль о пире несколько трансформируется:

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты —
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали —
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...
Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем,
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дольным чадом,
В горнем выпренном пределе,

Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами⁴.

Апокалиптические настроения усиливаются. Земной мир — «беспокойный», «шумный», «бессонный» — пирует без богов, они в «горнем выпрессенном пределе». Но трапеза неслучайно проходит в «светлой» зале, а участники пира взыскивают к богам взглядами. «Звезды чистые» отвечают людям, ибо сказано: «ищите, и обрящете, толщьте, и отверзется». В таком контексте пир также символизирует трансцендентное ожидание грядущего обновления мира.

Идеи Ф. И. Тютчева получили активное развитие в философии и поэзии Серебряного века. В 1884 г. выходит стихотворение Д. С. Мережковского «Пир (Отрывок)»

...Кончался пир, и утро приближалось.
В хрустальной вазе тихо умирал
Букет цветов от знойного угара,
И зеркала тускнели в дымке пара.
Над бархатом корсета выступал
Упругий очерк груди обнаженной,
И локоны с головки наклоненной
Покрыли чашу, падая на дно,
Как золото, в пурпурное вино.
В одеждах дам виднелся шелк измятый;
На канделябрах пламень почернел;
И яркий сок разрезанной гранаты,
Как кровь, на белой скатерти алел.
Ворвалось утро меж портьер тяжелых
И брызнуло холодной струей
Над рядом лиц насильственно веселых,
Над жалкой смертью оргии ночной...
И веера под нежным пухом скрыли
Стыдливый мрамор голого плеча,
И мы рукой невольно заслонили
Усталый взор от бледного луча...⁵

Камертоном стихотворения звучит мысль о том, что современное Д. С. Мережковскому общество пребывает в упадке, «тихо умирая от знойного угара». Жизнь никому не приносит удовольствия: лица «насильственно веселы», а пир

уподоблен «оргии ночной». Казалось бы, утро должно принести очищение, радость жизни, но нет, участники пира слишком устали от разгула.

В отличие от Д. С. Мережковского, А. Белый, размышляя о трех кризисах — жизни, мысли и культуры, пытался разглядеть очертания грядущих откровений и видел смысл бытия художника в том, что именно ему, избранному, суждено открыть путь «от прошлого “пира” к мистерии будущей “Вечери” через пустую зиму... в грядущее нашей культуры; оставленный пир — Ренессанс, Возрождение, земная весна и земная любовь»⁶.

Тютчевские мотивы ускользающего пира присутствуют у О. Мандельштама в стихотворении «Концерт на вокзале» (1921 г.):

На звучный пир в элизиум туманный
Торжественно уносится вагон⁷.

Вагон пересекает неясную границу, и открывается «Элизиум туманный» — другой вокзал, но поэт опоздал на этот поезд, ему страшно, он испытывает метафизическое удушье от земной суеты. Между строк звучит ощущение приближающейся катастрофы, чаемый пир превращается в «тризну милой тени», где «в последний раз нам музыка звучит».

Как видим, уже в конце XIX в. отечественная интеллигенция поднимает вопрос о духовном кризисе и визуализирует его разрешение в числе прочего через обращение к метафорической модели пира. Спасение культуры видится прежде всего в возврате к классическим традициям, к античности, именно там можно найти полную, никогда уже в истории не повторившуюся гармонию человека с природой. Как никогда актуальными становятся платонические традиции, в том числе в представлениях о пире. Полагаем, что это справедливо в первую очередь потому, что для отечественной интеллигенции было характерно стремление к обретению высших духовных истин, а Платон задал эстетический модус подлинно идеального пира аристократов духа. Античная праздность в форме пиршественной игры духа воспринималась как высшая форма божественной жизни.

Напомним, что «Пир» Платона в своей основной части представляет собой череду речей, произносимых участниками праздничного застолья — *συμπόσιον*/symposion, устроенного по этому Агафоном, продолжавшим отмечать, уже в узком кругу, получение им накануне литературной премии. Все присутствующие на пиру — афиняне; в беседе участвовали и произносили речи Федр, Павсаний, Эриксимах, Аристофан, сам Агафон и Сократ. Когда все речи были уже закончены, к собравшимся присоединился Алкивиад. Состав участников знаменитого застолья свидетельствовал о том, что у Агафона собрались люди одного круга, связанные более или менее тесными личными и эмоциональными узами, но представлявшие разные интеллектуальные направления. Речи были посвящены Эросу и тому, что он олицетворяет, — любви. Так, Сократ, в основном воспроизводя в своей речи поучения жрицы Диотимы, утверждал, что любовь есть устремленность человека к совершенству, в любви подлинно влюбленный восходит к божественной красоте. Высказываемые в застольном обсуждении взгляды порой расходились, иногда участники диалога прямо вступали в полемику друг с другом. Особенно в этом отличился Сократ, который в свойственной ему манере подверг критике, хотя и не всегда явной, высказанные взгляды и вслед за этим развернул свою философию любви.

В подобной картине легко узнается «пиршество» русской интеллигенции начала XX в., при котором мыслители активно, зачастую полемично передавали свое субъективное восприятие духовного опыта.

Так, значимым вектором стали многолюдные вечера по средам на «Башне» Вяч. Иванова. Собрания проходили в форме подчеркнуто платоновского пира: «Каждая вечеря должна заранее обдумываться и протекать по сообщая выработанной программе. Свободное общение друзей периодически прерывается исполнением очередных номеров этой программы, обращающих внимание всех к общине в целом. Этими номерами будут стихи, песни, музыка, танец, сказки и произнесение изречений, могущих служить и тезисами для прений; а также некоторые коллективные действия, изобретение которых будет составлять также обязанность устроителя вечера — архонта. Необходимость

покоя и промежутков между свиданиями продолжительностью от 3 до 5 недель»⁸.

После ужина приглашенные возлежали на коврах и подушках, пили вино и беседовали, соединяя шутовское с глубоким, засиживаясь с обсуждениями до 3—4 часов утра. Об одном из таких вечеров М. Кузмин сообщал: «Иванов был уже одет, Сомов одевал других, он врожденный костюмер. Пожалуй, всех декоративней был Бердяев в виде Соломона. Я не ожидал того чувства начинания, которое пронеслось в молчании, когда Иванов сказал: “Incipit Hafiz”. И платья, и цветы, и сиденье на полу, и полукруглое окно в глубине, и свечи снизу — все располагало к какой-то свободе слова, жестов, чувств. Как платье, непривычное имя, “ты” меняют отношения... И беседа, и все казалось особенным, и к лучшему особенным»⁹. Участники получали соответствующие имена: жена поэта Л. Д. Зиновьева-Аннибал (появлявшаяся на таких вечерах в хитонах и пеплумах) называлась Диотимой, М. Кузмин — Антиномем, В. Нувель — Петронием. Этот факт имел особенное значение, поскольку в эстетике демиургов нового мира, аналогично представлениям древних греков, номинация, имя воспринимались как символы этого мира и разворачивались в целостный миф.

Настоящие пиры проходили в кабаре «Бродячая собака» (1910—1915). За короткое время неприглядный петербургский подвал превратился в изысканно-таинственное обиталище, расписанное диковинными цветами, птицами, Пьеро, Арлекинами, Коломбинами, красавицами, геометрическими фигурами в духе кубизма. Здесь собирались близкие по духу влюбленные в искусство люди, чтобы отдохнуть и повеселиться. Г. Иванов очень точно описал атмосферу этого места: «Четыре-пять часов утра. Табачный дым, пустые бутылки. Час назад было весело и шумно — кто-то пел, подыгрывая сам себе, глупые куплеты, кто-то требовал еще вина. Теперь шумевшие либо разошлись, либо дремлют. В подвале почти тишина... Не все ли равно, что там на улице, в Петербурге, в мире... От выпитого вина кружится голова, дым застилает глаза... И вдруг — оглушительная, шалая музыка. Дремавшие вздрагивают. Рюмки подпрыгивают на столах. Пьяный музыкант ударил изо всех сил по клавишам. Ударил, оборвал, играет что-то другое, тихое и грустное. Лицо

играющего красно, потно. Слезы падают из его блаженно-бесмысленных глаз на клавиши, залитые ликером... Пятый час утра. “Бродячая собака”...»¹⁰ Думается, что это описание созвучно упомянутому нами выше стихотворению Д. Мережковского. В воздухе чувствовалось кипение, и лишь некоторые понимали, что это кипение предсмертное.

По сути, античными пирами представляются Религиозно-философские собрания, инициаторами которых были Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус. А. Н. Бенуа вспоминал: «Мы все были в те годы мучительно заинтересованы загадкой бытия и искали разгадку ее в религии и в общении с людьми, посвятившими себя подобным же поискам»¹¹. В русле такой рефлексии религия была вполне соотносима, а часто и отождествима с платоновской темой любви. Д. С. Мережковский был одним из тех, кто настаивал на «плотском» отношении к христианству и на «обожении» плоти. Его супруга З. Гиппиус писала: «“Нерешенной” загадкой пола все были отравлены. И многие хотели Бога для оправдания пола»¹².

На протяжении более двух десятков собраний за «длиннейшим зеленым столом» звучали предельно возможные рассуждения, порой не совсем трезвые, в духе текущей эпохи. Эти собрания возбуждали большой общественный интерес, однако со временем стало ясно, что они все больше и больше приобретают пустословный характер. В. Розанов замечал: «...мы, в сущности, узурпировали в претензиях права вечности и всемирности. Вот отчего тогда “не удалось”»¹³. По общему мнению, цель Собраний не была достигнута: единения интеллигенции и Церкви не произошло, однако важно то, что на них при всей разнице мнений и позиций дискурс отечественной интеллигенции складывался в некий идейный диалог, позволяющий хотя бы спросить об истине и целостно представить феномен духовных исканий.

Между тем пир как жанр и пир как жизнь уподобляются друг другу. И в том и в другом случае пир заканчивается, потому что вваливается толпа гуляк, пьянство становится неудержимым, прежний порядок ломается. Все, что казалось истиной, явилось ложью и пустословием, пиршественное — высокое — слово обесценилось, речи приобрели характер святотатства.

Отсюда среди отечественной интеллигенции угнетенность вместо веселья, не ощущение единства во время пира, а тоска и одиночество, оторванность от всех и вся. Традиционно обряд преломления хлеба за одним столом членами семьи, определенного сообщества был связан с идеей воскресения: пир должен вести от значений хаоса к значениям гармонии и целостности, в противном случае пир превращается в оргию и несет разрушение. Так происходит в российской действительности первой половины XX в.: платоновский пир превращается в вульгарный пир «рабов плоти» Петрония.

Среди отечественной интеллигенции революционные события воспринимались сначала как нечто единственно нужное, светлое, практически святое. От революции ожидали перемен и освобождения. Выражаясь языком Петрония, этого времени желали как дней «долгожданного свободного пира», и как только пир был объявлен, значительная часть интеллигенции охотно согласилась в нем участвовать.

Следует вспомнить, что «Пир Трималхиона» в «Сатириконе» Петрония принципиально был создан как зеркально перевернутое отражение платоновского «Пира». Автор повествует, как сначала приглашенные с нескрываемым удивлением рассматривают имеющиеся у хозяина в доме роскошества и диковинки, подаваемые блюда своей изысканностью вызывают рукоплескания. Насытившиеся гости начинают беседы, все находится в приятном расположении духа. На этом фоне почти незамеченной остается реплика о том, что вокруг засуха, поля заброшены, народ голодает: оратору советуют выразиться «приличнее», зато вполне приличными выглядят рекомендации хозяина пира по поводу удовольствия и пользы освобождения от газов: «Никто из нас не родился запечатанным. Я лично считаю, что нет большей муки, чем удерживаться. Этого одного сам Юпитер запретить не может»¹⁴.

Нескончаемая череда сменяющихся блюд оборачивается настоящим мучением для приглашенных, а затем и вовсе полной вакханалией, когда пиршественную залу заполняет прислуга: «Челядь переполнила триклиний, так что нас едва не сбросили с ложа. <...> “Друзья, — сказал восхищенный этим пререканием Трималхион, — рабы — тоже люди; одним с нами

молоком вскормлены, и не виноваты они, что Рок их обездолил. Однако, по моей милости, скоро все напьются вольной воды. Я их всех в завещании своем отпускаю на свободу»¹⁵. Избранные уравниваются с рабами, что неудивительно: ведь и сам Трималхион, и ряд его гостей были вольноотпущенниками — бывшими рабами. Разными путями они становятся богатыми гражданами, но всячески подчеркивают свое происхождение, тем самым демонстрируя перед знатными гостями свое превосходство, ведь боги на их стороне: Марс «любит равенство»¹⁶, а Фортуна такова, что «кто был лягушкой, станет царем»¹⁷. Аналогия с российскими революционными событиями 1917 г. напрашивается сама собой: за короткое время в авангард были выведены люмпенизированные слои населения, повсюду декламировались свобода и социальное равенство, а строка из «Интернационала» «Кто был ничем, тот станет всем», ставшая после революции крылатой, абсолютно дублировала по смыслу античное выражение.

На пиру Трималхиона откровенный натурализм происходящего, режущие ухо завывания рабов, собачья грызня повергают присутствующих в ужас, но сбежать они не могут, домоправитель поясняет им: «Ошибаетесь, если думаете, что отсюда можно уйти так же, как пришли. Никого из гостей не выпускают через те же самые двери. В одни приходят, в другие уходят»¹⁸. Эта фраза очень хорошо описывает состояние представителей отечественной интеллигенции начала XX в., когда сквозь пиршественный угар они начинали прозревать. Сначала их позиция была достаточно радикальной. «Пируя» с эсерами и «неонародниками», многие мыслители искренне считали, что революция не только не противоречит христианству и религиозным взглядам, но, напротив, вытекает из них, что революция и религия — понятия чуть ли не синонимичные, что нельзя быть верующим человеком и не мечтать о революционном изменении мира. Но уже в ноябре 1909 г. Д. С. Мережковский в письме О. А. Флоренской сообщает: «Никогда не было такой смерти в России, как сейчас». Тогда вышла его программная статья «Грядущий Хам», где удивительно пророчески звучат слова писателя: «Одного бойтесь — рабства худшего из всех возможных рабств — мещанства и худшего из всех мещанств — хамства,

ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт, — уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам»¹⁹. В том же году А. Белый написал, что «скоро радости пира развеются; зала пира окажется колдовским погребком»²⁰. Сравним с античным текстом:

Но окончился текст, и окончились роли смешные,
Лик настоящий воскрес, лик балаганный пропал²¹.

В 1917 г., как гости Петрония, российская интеллигенция попала в новый лабиринт, пир сменился тризной, на которой «грядущие хамы» XX в., увлеченные революционной оргией, поглощали все вокруг, не понимая, что их наслаждение — лишь временная иллюзия торжества жизни. У З. Гиппиус есть строки, чрезвычайно точно передающие ощущение случившегося:

Блевотина войны — октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое похмелье
О бедная, о грешная страна!
Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил — засек кнутом?
Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!²²

В январе 1918 г. в статье «Интеллигенция и революция» А. Блок писал: «Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую немало равных себе по величию. Вспоминаются слова Тютчева: “Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...”»²³. Блок полностью процитировал вторую строфу приводимого нами в начале работы стихотворения Ф. Тютчева. В статье поэтом создан образ эпохи, близкий возникшему в тютчевском «Цицероне», при этом стилистика самого названия статьи переключалась с работой Ф. Тютчева «Россия и революция», в которой поэт XIX в. заявлял о пагубной неизбежности революции.

А. Блок, осознавая стихийность и жестокость уже случившейся революции, словно оправдывается перед потомками, указывая на величие ее значения. Однако историческая правда оказалась неумолимой: после революции отечественная интеллигенция собственными чаяниями очутилась на чужом для себя пиру, где ей не нашлось места, а «похмелье» стало слишком тяжелым.

Выводы

Таким образом, представители интеллигенции начала XX в. создали целый ряд культурфилософских построений, связанных с решением вопросов о формообразующих началах, одним из которых стала модель античного пира, ассоциирующаяся с идеей воскресения, ведущего от значений хаоса к значениям гармонии и целостности. В контексте античности было очевидно, что при нарушении гармонии пир превращается в оргию и несет разрушение. Именно так происходит в российской действительности первой половины XX в.: платоновский пир духовных исканий превращается в вульгарный пир «рабов плоти» Петрония.

Примечания

- ¹ *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 310.
- ² *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. / сост. В. Н. Касаткина. М., 2002. Т. 1. С. 122.
- ³ Денница: альманах на 1831 г. М., 1831. С. 40. См. об этом: *Тютчев Ф. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 242, 377.
- ⁴ *Тютчев Ф. И.* Указ. соч. 2003. Т. 2. С. 10.
- ⁵ *Мережковский Д. С.* Полное собрание сочинений: в 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 149.
- ⁶ *Белый А.* Кризис культуры. Пб., 1920. С. 34—35. (На перевале; [кн.] 3).
- ⁷ *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. М., 2009. Т. 1: Стихотворения. С. 121.
- ⁸ *Иванов Вяч.* Дневник, 1906. URL: <http://ivanov.lit-info.ru/ivanov/dnevnik/dnevnik-1906.htm> (дата обращения: 20.05.2020).

- ⁹ Кузмин М. А. Дневник, 1905—1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова, С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 139—140.
- ¹⁰ Иванов Г. Петербургские зимы // Собрание сочинений: в 3 т. М., 1993. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. С. 58.
- ¹¹ Бенуа А. А. Мои воспоминания: в 5 кн. / отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1980. Т. 2, кн. 4, 5. С. 291.
- ¹² Гиппиус З. Н. О бывшем // Гиппиус З. Н. Дневники. Воспоминания. М., 1999. Т. 1. С. 93.
- ¹³ Розанов В. В. Мимолетное. М., 1994. С. 87—89.
- ¹⁴ Петроний. Сатирикон. Лукиан. Лукий, или Осел. Л., 1991. С. 35.
- ¹⁵ Там же. С. 55.
- ¹⁶ Там же. С. 25.
- ¹⁷ Там же. С. 61.
- ¹⁸ Там же. С. 57.
- ¹⁹ Мережковский Д. С. Грядущий Хам // Полное собрание сочинений. Т. 14. С. 37.
- ²⁰ Белый А. Указ. соч. С. 25.
- ²¹ Петроний. Указ. соч. С. 64.
- ²² Гиппиус З. Веселье // Гиппиус З. Н. Живые лица: стихи и дневники. Тбилиси, 1991. С. 149.
- ²³ Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6: Проза, 1918—1921. С. 11.

В. В. Комиссаров

**ЖУРНАЛЫ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» И «ИСКАТЕЛЬ»
КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Предварительные замечания

Период хрущевской «оттепели» характеризуется оживлением общественной жизни в СССР, которое так или иначе затронуло все слои населения, и в особенной степени интеллигенцию. Деятели науки и культуры, инженерно-технические работники, иные группы интеллигенции достаточно активно проявляли себя в разных областях социальной жизни. К рубежу 1950—1960-х гг. относится открытие новых театров, оживление в литературе и в кинематографе, фейерверк достижений в науке и технике, которые вывели Советский Союз на лидирующие позиции в мире. Одним из проявлений «оттепели» в культуре стало быстрое развитие научно-фантастического искусства, получившее определение золотого века советской фантастики. После публикации в 1957 г. романа И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» появляется плеяда молодых и не очень молодых авторов, работающих в научно-фантастическом жанре. В среде интеллигенции начинается формирование клубов любителей фантастики, к научной фантастике обращается советский кинематограф. Популярность жанра отмечается на достаточно высоком административном уровне. Например, секретарь ЦК ВЛКСМ Л. В. Карпинский говорил на открытии семинара молодых фантастов в мае 1961 г.: «Мы смотрели по библиотекам

© Комиссаров В. В., 2020

Комиссаров Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. К. Беляева, cosh-kin@mail.ru (Dr. Sc. (History), Docent, Professor at the Department of General Education Disciplines, Ivanovo State Agricultural Academy).

и установили, что пять лет тому назад по запросам молодежи на каждые 226 детективных произведений, детективно-приключенческих произведений 90 запросов приходилось на научно-фантастические произведения. Теперь, в частности, по библиотеке имени Ленина количество запросов колеблется так: на каждые 250 запросов на научно-фантастические произведения приходится около ста запросов на детективные произведения, т. е. научно-фантастическая литература за последнее время (это радостный процесс) вытесняет детектив»¹.

Следует заметить, что рост популярности жанра поставил вопрос о создании специализированного журнала фантастики. В западных странах журналы подобного рода получили наименование фэнзинов (от англ. *fantastic magazine* — журнал фантастики)². История фэнзинов началась в США в период между мировыми войнами. Первый журнал фантастики стал выходить в 1926 г., а на рубеже 1930—1940-х гг. начинается взрывной рост численности фэнзинов: в 1938 г. было 5 изданий, в 1939 г. — 13; в 1941 г. — 22³. В СССР потребность в специализированном журнале фантастики назрела в первое послереволюционное десятилетие. Во многом это было связано с тем, что в условиях нэповской экономики возникают кооперативные издания, ориентированные на публикацию коммерчески успешных произведений. На этой базе даже зарождается специфический жанр фантастико-приключенческих текстов, получивший полушутливое наименование «красный Пинкертон». В подавляющем большинстве произведения этого псевдожанра оказались откровенной халтурой и ныне совершенно забыты. Но среди них были жемчужины. Так, в стилистике «красного Пинкертона» созданы «Гиперболоид инженера Гарина» А. Толстого, некоторые романы А. Грина («Бегущая по волнам»), А. Беяева («Продавец воздуха», «Властелин мира», «Голова профессора Доуэля»). Именно в эпоху «красного Пинкертона» в Советской России активно издаются журналы, публикующие фантастические и приключенческие произведения: «Всемирный следопыт», «В мастерской природы», «Борьба миров», «30 дней»⁴. Но среди них так и не появился специализированный журнал фантастики. Свертывание

новой экономической политики подводит финальную черту под изданиями, жившими за счет «красного Пинкертона».

Наступление в конце 1950-х гг. золотого века советской фантастики вновь ставит вопрос о специализированном журнале. Но, как и в 1920-х гг., эта задача так и не была решена. Исследователь советской фантастики литературовед А. Ф. Бритиков сокрушался по этому поводу: «Наши издательства все еще недооценивают это острое идеологическое оружие. Между тем журнал фантастики объединил бы сильный отряд наших писателей-фантастов... журнал сократил бы издержки... Журнал мог бы сыграть немаловажную роль и в изучении научной фантастики»⁵. Автор данных строк в одной из своих прежних публикаций уже выражал несогласие с точкой зрения А. Ф. Бритикова. Появление специализированного журнала могло герметизировать аудиторию, привело бы к замыканию любителей фантастики. А в СССР научная фантастика стала тем жанром, который объединял самые широкие слои советских читателей, так как фантастические повести и рассказы публиковались в разнообразных литературных и популярных журналах. Схожую позицию высказал шведский писатель и исследователь фантастики Сэм Люндваль, который отмечал, что советские любители фантастики не нуждаются в специализированном издании, поскольку к их услугам большое количество разнообразных журналов⁶.

Тем не менее усилия по созданию специализированного журнала фантастики не пропали даром. В конце 1950-х гг. в СССР стали выходить два издания, сыгравшие заметную роль в развитии фантастического и приключенческого жанров. Речь идет об «Уральском следопыте» и «Искателе».

Постановка проблемы

Цель настоящей работы — изучение источникового потенциала журналов «Уральский следопыт» и «Искатель» применительно как к истории отечественной интеллигенции, так и другим аспектам развития советского общества. Следует уточнить, почему указанные издания рассматриваются в рамках общего анализа.

«Искатель» и «Уральский следопыт» появились почти одновременно на рубеже 1950—1960-х гг. Их создание стало ответом на запрос читающей публики, прежде всего интеллигенции, на журналы фантастики и приключений. Этот запрос сформировался давно и первое время удовлетворялся существовавшими популярными изданиями «Вокруг света», «Знание — сила» и «Техника — молодежи». Однако в период «оттепели» активизировались не только читатели, но и авторы. Как уже отмечалось, возникла плеяда новых молодых авторов, писавших в жанре научной фантастики и быстро нашедших своих почитателей. Эта тенденция и была учтена комсомольским и административным руководством, без которого появление подцензурного издания в СССР было бы невозможно. Таким образом, журналы создавались в одинаковых общественно-политических условиях. Даже в их названиях присутствует определенное сходство («следопыт» и «искатель»), вытекающее из общей романтической эстетики периода хрущевской «оттепели».

В этот период возникли и другие популярные журналы. Так, с 1956 г. выходит «Юный техник». Он изначально создавался как универсальный научно-популярный журнал, печатавший в числе прочего фантастику и приключения. Однако издание было ориентировано на определенную возрастную группу читателей — младших и средних школьников. Это обусловило специфическую форму подачи материала, и по данной причине журнал остается за пределами нашего анализа.

В начале 1960-х гг. появился альманах «Юный моделист-конструктор». После выхода 13 выпусков в 1966 г. он был преобразован в ежемесячный журнал «Моделист-конструктор». Но это издание предназначалось для конкретной аудитории, в нем принципиально не публиковали беллетристику — приключения и фантастику.

С середины 1960-х гг. издавалась «Химия и жизнь». И хотя журнал создавался как отраслевой, его появление совпало с началом так называемой косыгинской экономической реформы. Один из хозяйственных экспериментов реформаторов проводился во второй половине 1960-х гг. на Щекинском химкомбинате в Тульской области и освещался в журнале. Появление на страницах «Химии и жизни» материалов по либеральной

экономической реформе придает изданию соответствующую репутацию. Редакция активно публиковала научную фантастику, научно-популярные материалы. Без преувеличения, во второй половине 1970-х гг. «Химия и жизнь» стала центром прогрессивной научной фантастики, в ней печатались такие опальные авторы, как братья Стругацкие или Станислав Лем. Но это издание по формальным признакам уже выходит за хронологические рамки периода «оттепели». Кроме того, оно носит выраженный отраслевой характер (хотя и считается научно-популярным), что не позволяет поставить его в один ряд с «Искателем» и «Уральским следопытом».

Учреждение новых фантастико-приключенческих изданий в СССР на рубеже 1950—1960-х гг.

Журнал «Уральский следопыт» имел давнюю предысторию. Это было не первое уральское издание подобного рода. В 1932—1941 гг. в Свердловске выходил журнал «Техника — смене». На его страницах печатались в основном футуристические очерки о науке и технике недалекого будущего. Но вместе с тем это издание уделяло внимание фантастико-приключенческим произведениям. В 1938 г. на его страницах увидел свет рассказ Р. Онцевера «Короткое замыкание» о беспроводной передаче электроэнергии, а в 1941 г., накануне Великой Отечественной войны, появилась повесть Б. Рябинына «Подарок Будды» о военном применении радиоактивности⁷.

В 1935 г. в Свердловске была предпринята первая попытка издания журнала «Уральский следопыт». Инициатором его создания, организатором и первым редактором стал В. А. Попов. До 1917 г. он был сотрудником известного издателя И. Д. Сытина и специализировался на приключенческой и фантастической литературе, в частности, подготовил к печати собрания сочинений Эдгара По, Майн Рида, Генриха Сенкевича, Виктора Гюго, редактировал «Вокруг света». В период нэпа В. А. Попов работал в популярном в 1920-х гг. журнале «Всемирный следопыт». И «Уральский следопыт» задумывался им как популярное региональное издание с большой долей приключенческих и фантастических публикаций. Новый журнал просуществовал недолго, после выхода нескольких номеров

в том же 1935 г. издание «Уральского следопыта» было прекращено. Таким образом, через личность В. А. Попова в истории журнала проявилась преемственность традиций — от эпохи «красного Пинкертон» к золотому веку советской фантастики.

Только после XX съезда КПСС возникли политические предпосылки для возрождения журнала. Первый номер нового «Уральского следопыта» вышел в свет в апреле 1958 г. Конечно, в конце 1950-х гг. это был уже иной журнал, воплотивший ожидания читателей периода «оттепели». Не следует забывать, что к тому времени на Урале концентрировались объекты военной промышленности, центры оборонной и мирной науки. Этому в немалой степени способствовала Великая Отечественная война, в годы которой неукротимый маховик эвакуации забросил на Урал гиганты индустрии, затем советский атомный проект привел к появлению в регионе новых наукоемких производств. Уральская интеллигенция становится заметным региональным отрядом советской интеллигенции. Она и явилась главным потребителем нового журнала. «Уральский следопыт» создавался как областное издание, но сразу же неофициально приобрел региональный, а затем и республиканский статус. Спустя несколько лет он получил общесоюзную известность. В юбилейном сборнике, выпущенном к 20-летию журнала, отмечалось: «Основные подписчики журнала — уральцы, сибиряки, дальневосточники. Значительно меньше экземпляров достается жителям европейской части Союза. “Охотятся” за журналом и в республиках, особенно в Казахстане и на Украине»⁸.

Другое издание, появившееся в период «оттепели», — «Искатель» — впервые увидело свет в 1961 г. Оно создавалось как литературное приложение к журналу «Вокруг света» («Искатель» обрел самостоятельность только в 1996 г.). Подготовительная организационная работа проходила в рамках отделов ЦК ВЛКСМ, заметную роль в создании «Искателя» сыграл уже упоминавшийся секретарь ЦК комсомола Л. В. Карпинский. Облик нового издания определился не сразу. 20 мая 1960 г. секретариат ЦК ВЛКСМ опубликовал постановление № 50, предусматривавшее издание неперiodического приложения к «Вокруг света» объемом в 10 печатных листов и тиражом в 200 тыс. экземпляров⁹. Буквально через месяц, 28 июня, выходит новое

постановление секретариата ЦК комсомола № 52. Здесь уже идет речь о периодическом издании, выпускаемом 6 раз в год. Объем сокращен до 5 листов, тираж установлен в 100 тыс. экземпляров. Цена одного экземпляра журнала определена в два рубля (в масштабе цен до 1961 г.). Этим же постановлением сформирована редколлегия, в которую вошли известные писатели-фантасты того времени А. П. Казанцев, И. А. Ефремов, В. С. Сапарин. Последний возглавлял журнал «Вокруг света». «Искатель» не имел самостоятельной редакции, для его издания в штате «Вокруг света» были предусмотрены должности старшего редактора с окладом 1600 руб. в месяц и литературного редактора с месячной зарплатой 1400 руб.¹⁰ Организация журнала потребовала немалых финансовых вливаний. Так, 19 октября 1960 г. ЦК ВЛКСМ разрешил дополнительно израсходовать на нужды «Искателя» 7 тыс. руб., из них 5,5 тыс. на внешнее редактирование, рецензирование и переводы и 1,5 тыс. на массовую работу¹¹. Несмотря на участие в редколлегии маститых фантастов, «Искатель» так и не стал специализированным журналом, на его страницах научная фантастика соседствовала с приключенческой и детективной литературой. Тем не менее появление подобного издания не следует недооценивать. А. Ф. Бритиков отмечал: «Отпочковавшийся от журнала “Вокруг света” полуприключенческий “Искатель” не заменил, конечно, хорошо поставленного периодического издания научной фантастики, но само его возникновение свидетельствует, что фантастике тесно в приемьшах»¹².

Как и «Уральский следопыт», «Искатель» приобрел общесоюзную известность. Однако читатели продолжали жаловаться на недоступность журнала. Так, в начале 1980-х гг. некто С. В. Возов написал в газету «Правда» письмо, в котором отмечал отсутствие издания даже в библиотеках. Письмо центральный партийный орган печати перенаправил в редакцию «Вокруг света», откуда последовал ответ, подготовленный заведующим отделом «Искателя» В. Рыбиным, объяснявшим проблемы с тиражом нехваткой в стране бумаги¹³. Аналогичный вопрос о недоступности «Искателя» для массового читателя поднимался и в письме жителя Смоленской области А. Алибекова. В. Рыбин дал ему ответ, аналогичный предыдущему¹⁴.

Это при том, что тираж журнала в 1980-х гг. вырос с 250 до 300 тыс. экземпляров — по современным меркам совершенно фантастические показатели.

Содержательная сторона «Уральского следопыта» и «Искателя»

Между двумя анализируемыми изданиями существовало принципиальное различие. «Искатель» изначально создавался как литературное приложение, поэтому на его страницах мы не увидим научно-популярных, историко-публицистических материалов. «Уральский следопыт», напротив, возник как универсальное популярное издание. Журнал печатал много материалов по географии, краеведению, истории освоения Урала и Сибири, экологии и природоохранной деятельности. Тем не менее в каталоге «Союзпечати» за 1965 г. он отнесен к группе «комсомольско-молодежных» изданий¹⁵, что в определенной степени роднит его с «Искателем». Естественно, в те годы «Уральский следопыт» много внимания уделял политико-идеологическим моментам, в том числе связанным с воспитанием и профориентацией молодежи. В журнале действовали такие рубрики, как «Рассказы о профессиях», «Юноше, обдумывающему житье», «Найти себя», «Требуются специалисты». Следует заметить, что советским изданиям приходилось работать под плотной опекой цензуры, представленной широкой сетью край- и обллитов (краевых и областных управлений по охране гостайн в печати), руководимых Главлитом. Фактически было две внутривнутриполитические темы, в пределах которых в те годы допускались критические материалы: недостатки сферы услуг и природоохранная деятельность. Учитывая специфику журнала, необходимо сказать, что «Уральский следопыт» мог разрабатывать только последнюю проблему, чем активно пользовался. Так, почти два года (1969—1971) на его страницах существовала рубрика «Операция Ч», в рамках которой проводилась кампания по защите природы в бассейне реки Чусовой. Создателем рубрики был писатель-публицист Б. С. Рябинин. Итогом этой журнальной кампании стало обсуждение проблемы на коллегии Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР. Это не значит, что экологические публикации были выведены за рамки

цензуры. Например, в 1976 г. в журнале напечатан историко-художественный очерк о деятельности Петра I по созданию и сохранению заповедных лесов в начале XVIII в.¹⁶ Этот очерк привлек наше внимание потому, что несколькими годами ранее, в 1972-м, материал аналогичного содержания пытался разместить центральный журнал «Знание — сила». Та публикация была остановлена Главлитом по причинам идеологического характера. По мнению цензоров, в публикации Петр I представлен не как жестокий и властный правитель, а как мудрый и выдающийся государственный деятель, способный стать образцом для потомков¹⁷. Подобный пафос в оценке личности императора сохранился и в уральской публикации. Этот эпизод, кроме прочего, свидетельствует о том, что контроль над региональными изданиями, осуществляемый местными органами цензуры, мог быть слабее, чем в центре.

Литературно-художественные рубрики «Уральского следопыта» были представлены многими известными именами. Еще в 1935 г. писатель-фантаст Александр Беляев создал по просьбе редактора В. А. Попова рассказ «Слепой полет», переизданием которого в 1958 г. сопровождалось возрождение журнала. На страницах «Уральского следопыта» начинал свою писательскую деятельность Владислав Крапивин, очень скоро ставший признанным мастером детской романтической и приключенческой повести. Аркадий Стругацкий под псевдонимом Ярославцев печатал в «Следопыте» свою «Экспедицию в преисподнюю».

«Искатель», как уже отмечалось, предназначался для художественных произведений. Каждый выпуск содержал два больших раздела: в первом публиковались приключенческие, детективные рассказы и повести, произведения на военно-патриотическую тему; второй раздел включал научно-фантастическую литературу. Впрочем, на страницах «Искателя» были материалы, основанные на реальных событиях. Так, одним из активных авторов журнала стал Валентин Аккуратов — знаменитый полярный штурман, участник высадки на полюс папанинцев в 1937 г. В 1960-е — начале 1970-х гг. в «Искателе» появилось пять беллетризованных очерков-воспоминаний В. Аккуратова о его северных приключениях. Конечно, в публикациях

того времени было много фактов умолчания, оставляющих современным интерпретаторам широкое поле для предположений. Например, в напечатанном в 1961 г. очерке «Спор о герое» штурман рассказывал о встрече советских летчиков с двумя столырами, шедшими пешком по полярному льду с Таймыра на Диксон (более 800 километров). События происходили в 1930—1940-х гг. И хотя В. Аккуратов отмечает, что они ушли с Таймыра из-за недовольства условиями найма (их заставили работать как плотников), определенные детали в рассказе позволяют усомниться в его правдивости: услышав звук летящего самолета, ходоки поначалу спрятались за торосами, и только убедившись, что это пилоты, вышли к ним. Кого они опасались? Действительно ли это были вольнонаемные работники? Или «беглые»? В. Аккуратов об этом умалчивает. Документальную канву, дополненную некоторым художественным вымыслом, имеет рассказ писателя-фантаста А. П. Казанцева «Посадка», увидевший свет в 1968 г. В нем повествуется об умелых действиях экипажа Ту-114 во время авиационного происшествия.

Следует заметить, что состав авторов «Искателя» тоже весьма представительен. Здесь мы видим прижизненного классика советского детектива Аркадия Адамова, Олега Куваева, писавшего о советских полярниках и геологах. Известный роман братьев Вайнеров «Визит к минотавру» также увидел свет на страницах журнала в 1971—1972 гг. В «Искателе» регулярно появлялась рубрика «Листая старые страницы», в которой перепечатывались произведения из старых журналов. В ее рамках повторно вышли малоизвестные рассказы А. Грина, А. Конан-Дойля, О. Генри, Р. Киплинга, Ж. Верна и других.

Не менее солидно выглядит состав авторов научно-фантастического раздела. Активно публиковалась зарубежная фантастика. С 1961 по 1972 г. в «Искателе» дважды печатали А. Азимова, шесть раз — Р. Брэдли, пять раз — С. Лема, трижды — Р. Шеколи. Широко представлена советская научная фантастика. Мы встречаем имена Г. Альтова, Д. Биленкина, С. Гансовского, Г. Гуревича, А. Днепровца, А. Казанцева, И. Росохватского и многих других.

При нашем анализе возникает соблазн провести прямую аналогию между списком авторов исследуемых журналов и их

популярностью у советской читающей аудитории 1960—1980-х гг. И отчасти такая аналогия будет уместна. Действительно, появление писателя на страницах «Уральского следопыта» или «Искателя» позволяло приобрести общесоюзную известность, получить мощный импульс для дальнейшего творческого развития. Но вместе с тем такой подход будет неоправданным упрощением. Обращает на себя внимание отсутствие среди авторов «Искателя» некоторых знаковых имен. Например, бесспорных лидеров советской фантастики изучаемого периода А. Н. и Б. Н. Стругацких, Кира Булычева (И. В. Можейко). На заре существования «Искателя» братья Стругацкие дважды появлялись в журнале: в 1962 г. была напечатана глава из «Стажеров», в 1964 г. — отрывок из повести «Понедельник начинается в субботу». То же касается и Кира Булычева: после дебюта в 1967 г. с рассказом «Когда вымерли динозавры» его имя исчезает со страниц журнала (причем в то время он был сотрудником редакции «Вокруг света») ¹⁸. Этот факт не мог пройти мимо внимания читателей. Так, в 1981 г. в редакцию пришло письмо студентов Московского автомобильно-дорожного института Е. Л. Матусова и М. С. Соколовского, которые с явным сарказмом писали о засилье на страницах журнала одних и тех же авторов и об отсутствии произведений Стругацких и Кира Булычева ¹⁹. Ответ подписал лично главред «Вокруг света» А. Никонов, который объяснил проблему тем, что упомянутые писатели сами ничего не предлагают «Искателю» ²⁰. Но здесь главный редактор, вероятно, слукавил. С начала 1970-х гг. в советском творческом бомонде, включая научно-фантастический цех, наметился раскол на консервативную «русскую партию» и либеральное западническое крыло. Одним из организационных центров консервативного крыла советской интеллигенции стало издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», под эгидой которого печатались «Вокруг света» и «Искатель». Упомянутый А. Никонов до 1970 г. возглавлял журнал «Молодая гвардия», ставший рупором «русской партии». Он был снят с этой должности и перемещен на менее ответственное редакторство в географический журнал «Вокруг света» именно за ряд публикаций националистической направленности. В деятельности «русской партии» стали проявляться

среди прочего антисемитские настроения, что было одной из причин конфликта Стругацких (этнических евреев) с издательством «Молодая гвардия».

Следует особо отметить, что анализируемые журналы к 1980-м гг. стали олицетворять собой два противостоящих полюса советской фантастики. «Искатель», как отмечалось, являлся местом публикации авторов консервативной направленности, а их оппоненты группировались вокруг «Уральского следопыта». Именно редакция «Уральского следопыта» выступила с инициативой создания первой профессиональной литературной премии в области научной фантастики «Аэлита». Но уже первое награждение в 1981 г. стало результатом вынужденного компромисса. «Аэлиту» вручили братьям Стругацким и представителю консервативного крыла А. П. Казанцеву. Учитывая давние неприязненные отношения между старшим из братьев-писателей Аркадием и А. П. Казанцевым, организаторы премии опасались публичного скандала, который, однако, не случился во многом благодаря взаимному интеллигентскому такту писателей-оппонентов, решивших не омрачать праздник рядовым любителям фантастического жанра.

Впрочем, этот конфликт почти не затрагивал широкие круги читающей аудитории, даже не подозревавшей о столь напряженной ситуации среди советских фантастов.

Выводы

Журналы «Уральский следопыт» и «Искатель» стали важным фактором, определявшим мировоззрение советской читающей публики 1960—1980-х гг. Они занимали заметное место среди популярных и литературно-художественных изданий. Оба журнала возникли примерно в одно и то же время, в схожих общественных и морально-политических условиях «оттепели» и управляемой десталинизации. Это предопределило некоторое сходство изучаемых журналов как в содержательном плане, так и с точки зрения эстетики подачи материала. «Уральский следопыт» и «Искатель» на протяжении трех последних десятилетий истории СССР были изданиями, специализировавшимися на публикации научно-фантастических и приключенческих произведений, и пользовались огромной

читательской популярностью, особенно в среде интеллигенции. Относительно источниковой ценности анализируемых журналов можно отметить следующее.

Во-первых, «Уральский следопыт» и «Искатель» могут служить замечательными источниками по истории отечественной прессы, прежде всего популярных изданий, по изменению оформительской школы и способов подачи материала.

Во-вторых, «Уральский следопыт» способен дать информацию по развитию советской региональной журналистики, специализировавшейся преимущественно на краеведческой и экологической проблематике, вопросах воспитания и нравственного развития молодежи.

В-третьих, следует признать, что в свете интеллигентоведческих исследований источниковый потенциал журналов заметно лимитирован. Это связано с двумя факторами: цензурными ограничениями и идейным размежеванием советской интеллигенции. Не все проблемы, волновавшие советского читателя, могли быть поставлены в печати, а допущенные тексты заметно редактировались. Кроме того, присутствует определенная избирательность редакций в подборе авторов и разборчивость авторов в сотрудничестве с журналами. И исследовать эти вопросы можно только с привлечением дополнительной источниковой базы, так как в самих журналах они не освещались (даже во внутренних документах редакций).

В-четвертых, содержание журналов «Уральский следопыт» и «Искатель» позволяет сделать выводы о составе авторов фантастических и приключенческих произведений, об их сюжетной составляющей. Например, в советском детективе заметное место занимали произведения военно-патриотической тематики, когда авантюрный сюжет разворачивался на фоне событий Великой Отечественной или Гражданской войн. В этом случае, несомненно, присутствовал общественный или политический заказ. Просматривая «Искатель», исследователь может составить представление о тех зарубежных авторах, детективные и фантастические произведения которых допускались к советскому читателю и, следовательно, могли повлиять на общественные настроения.

В-пятых, публиковавшиеся в журналах приключенческие и фантастические произведения сами по себе могут использоваться в роли источников. Автор этих строк в своих прежних публикациях уже анализировал источниковую ценность научной фантастики²¹. Конечно, художественная литература, особенно в таких специфических жанрах, как детектив, приключения, фантастика, способна дать информацию по ограниченному кругу вопросов. Прежде всего это быт, нравы, общественные настроения. Например, произведения отдельных авторов вполне могут проиллюстрировать трансформацию настроений интеллигенции от романтизма «оттепели» к социальному пессимизму позднего застоя.

Примечания

¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2464. Оп. 3. Д. 777. Л. 10—11.

² Историк отечественной фантастики А. Н. Осипов определяет фэнзин исключительно как любительский журнал фантастики, отличающийся от профессиональных изданий, но с подобной точкой зрения сложно согласиться (см.: *Осипов А. Н.* Фантастика от А до Я. М., 1999. С. 318).

³ *Amis K.* *New Maps of Hell: a Survey of Science Fiction.* New York, 1960. P. 43, 48.

⁴ *Осипов А. Н.* Указ. соч. С. 197.

⁵ *Бритиков А. Ф.* Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970. С. 360.

⁶ *Lundwall S. J.* *Science Fiction: an Illustrated History.* London, 1978. P. 194.

⁷ *Бугров В. И.* 1000 ликов мечты. Свердловск, 1988. С. 213—217.

⁸ Тропы «Уральского следопыта». М., 1978. С. 4.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-79. Оп. 1. Д. 4. Л. 4. Далее: РГАСПИ.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² *Бритиков А. Ф.* Указ. соч. С. 269.

¹³ РГАСПИ. Ф. М-79. Оп. 1. Д. 48. Л. 10—13.

¹⁴ Там же. Л. 7—9.

- ¹⁵ Каталог газет и журналов (тематический): по состоянию на 19 мая 1965 г. М., 1965. С. 57.
- ¹⁶ *Благосклонов К.* «Суть плоды ума обширного...» // Уральский следопыт. 1976. № 11. Впоследствии очерк был переиздан в юбилейном сборнике к 20-летию «Уральского следопыта» (см.: Тропы «Уральского следопыта». С. 358—396).
- ¹⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 1440. Л. 7—8.
- ¹⁸ *Булычев К.* Как стать фантастом: записки семидесятника. М., 2003. С. 255—257. По утверждению И. В. Можейко, обстоятельства появления рассказа носили трагикомический характер. Он был написан за одну ночь, чтобы не пропала цветная обложка с иллюстрацией к переводному рассказу, изъятому из номера цензурой.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. М-79. Оп. 1. Д. 48. Л. 153—157.
- ²⁰ Там же. Л. 158.
- ²¹ *Комиссаров В. В.* К вопросу об источниковой ценности научно-фантастической литературы в контексте интеллигентоведческого исследования // Клио: журнал для ученых. 2008. № 1.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

DOI: 10.46725/IW.2020.3.4

А. В. Репников

ЛЕВ ТИХОМИРОВ НА ФОНЕ ЕГО ДНЕВНИКА (1911 г.)

Рукописные дневники Л. А. Тихомирова, относящиеся к периоду с 1883 по октябрь 1917 г., составляют его личный фонд, хранящийся в Государственном архиве РФ (ф. 634).

В 2008—2019 гг. автором этой статьи были подготовлены к изданию тексты дневника за 1905—1910 и 1915—1917 гг.¹ В силу ряда причин публикацию пришлось начать с 1915—1917 гг., затем обратиться к периоду 1905—1907 гг. (вторая книга дневника вышла в 2015 г., к 110-летию Первой русской революции) и далее приступить к закрытию оставшегося хронологического промежутка. Одной из проблем являлся тот факт, что заниматься работой по расшифровке рукописного текста, его набору, комментированию и прочему долгое время приходилось одному. При подготовке второй и третьей книг помощь оказывал Б. С. Котов, но в данный момент составитель изданий опять остался без помощника, и невозможно сказать, когда будет продолжена публикация столь интересного источника, как дневник Тихомирова, за 1911-й и последующие годы.

© Репников А. В., 2020

Репников Александр Витальевич — доктор исторических наук, доцент, начальник Центра документальных публикаций, Российский государственный архив социально-политической истории, repnikov@mail.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Center for Documentary Publications, Russian State Archive of Socio-Political History).

Вряд ли удастся опубликовать весь дневник Тихомирова, поскольку это требует многолетней кропотливой работы и значительных материальных затрат. «Чтение и работа с дневниками Л. А. Тихомирова, чей почерк не отличается разборчивостью, представляется задачей не простой», — справедливо отмечает А. Р. Ефименко². Вместе с тем изданные три книги дневника Тихомирова получили положительные отклики и рецензии и вошли в научный оборот.

Прежде чем перейти к событиям 1911 г., кратко поясню, как Тихомиров оказался в кресле редактора одной из старейших газет России. 14 декабря 1908 г. скоропостижно скончался редактор-издатель «Московских ведомостей» А. С. Будилович, после чего встал вопрос о кандидатуре редактора газеты. П. А. Столыпин во главе «Московских ведомостей» вполне устраивал Л. А. Тихомиров, и предложение о передаче ему газеты было поддержано. 6 января 1909 г. Столыпин принял Тихомирова уже как нового редактора, и тот отметил в дневнике, что был встречен премьером «сердечно и добродушно». Удовлетворение этим назначением подтвердил и Николай II при личном представлении ему Тихомирова 10 января 1909 г.

Сначала ничто не предвещало грозных туч на горизонте. Консервативные круги Москвы встретили назначение Тихомирова на пост редактора-издателя благожелательно, но не потому, что были рады за бывшего народовольца, получившего хорошее место. Они надеялись, что при Тихомирове смогут проводить через газету свои идеи.

Тихомиров оказался в гуще интриг. Союз русского

Л. А. Тихомиров. Фото 1910-х гг.

народа лоббировал товарища председателя Московского совета этой организации Л. Н. Боброва. В прошении на имя Столыпина Бобров указывал, что Тихомиров являлся сотрудником В. А. Грингмута «исключительно по газете и непосредственного участия в жизни монархических организаций как их член он не принимал»³. Это было правдой, Тихомиров всегда намеренно дистанцировался от правых партий, союзов и организаций. «Вот почему, — писал Бобров, — я и позволяю себе теперь просить... предоставить мне место помощника редактора, дабы я мог между прочим пополнить пробел, могущий быть в самом важном для развития монархических партий деле, что особенно важно в настоящее время, когда партии эти в силу происходящих в них беспорядков значительно ослабели»⁴. Московские монархисты не учли того, что Столыпин и поддерживаемый им Тихомиров не планировали делать «Московские ведомости» рупором какой-либо одной правой партии, союза или организации. Внепартийность Тихомирова-редактора вполне устраивала премьера. После ряда встреч со Столыпиным относительно предоставления газете субсидий, размещения выгодных коммерческих объявлений и прочего Тихомиров подписал контракт об условиях аренды «Московских ведомостей» сроком на 10 лет (до 1 января 1919 г.).

В передовице «От редактора-издателя», опубликованной в газете 8 января 1909 г., Тихомиров заявил, что будет продолжать проводить линию М. Н. Каткова, основываясь на традиционной формуле «самодержавие, православие, народность». Новый редактор дал понять, что газета «Московские ведомости» — орган исторического национального направления, а не боевой партийный листок и обязанность такого органа составляет служение всей полноте национальной жизни, а не какой-то одной партии или ее лидерам. Об этом же Тихомиров объявил на банкете, состоявшемся по случаю его назначения редактором-издателем «Московских ведомостей» 18 января 1909 г. в ресторане «Эрмитаж» (заметка о банкете 20 января появилась в «Московских ведомостях»). Отвечая на приветствия, Тихомиров подчеркнул общенациональное значение газеты, заявив, что «Московские ведомости» стоят выше партий и эта газета сама представляет своеобразную историческую организацию, руководитель которой утверждается императором⁵. Демонстративное стремление

Тихомирова стать над партийными разногласиями и соединить несоединимое (в тот период правые партии и организации увязли в интригах и публичных раздорах) обрекало его на изоляцию.

Позиция покойного В. А. Грингмута для лидеров правых партий была понятной и близкой. Он не стремился философствовать, ругал евреев и революционеров, много выступал с патриотическими речами на монархических мероприятиях и умер буквально «на боевом посту». На этом фоне часть правых смотрела на Тихомирова как на продолжателя дела Грингмута, который не только не стоял над схваткой, но и проявлял неуступчивый и решительный характер.

Убедившись, что Тихомиров вовсе не такой, как Грингмут, черносотенцы были разочарованы. А. Белый абсолютно верно уловил разницу в стилистике «Московских ведомостей» времен Грингмута и Тихомирова: «“Московские ведомости” того времени — тусклая и не крикливая скука; его [Тихомирова] карандаш зачеркнул следы если не блеска, то хоть черноты откровенной, которую ваксил... В. А. Грингмут; Дубровин, Восторгов для Льва Тихомирова — уже “таланты”: от подлости; звал не к погрому он, — в погреб свой звал: принять схиму, держать, что имеем»⁶. Собственной команды из правых публицистов и политиков Тихомиров не сколотил, а вот число врагов и завистников приумножил.

Если бы Тихомиров стремился исключительно к должности, статусу и материальному достатку, то был бы рад. Петербургский период службы дал ему чин и деньги, а газета стабильное финансовое обеспечение (семья Тихомировых купила загородный дом в Сергиевом Посаде). Раньше он часто жаловался в дневнике, что его статьи (в том числе в «Московских ведомостях») порой редактировали до неузнаваемости. Теперь же он сам стал редактором и получил возможность постоянно публиковать их в своей газете.

То, что, как казалось сначала, открывало для Тихомирова новые возможности, стало для него тяжким бременем. Ситуацию с газетой, которой он руководил, Тихомиров характеризовал так: «Насчет издательских дел — скверновато. Совсем что-то падает газета... Мы — дети прошлого, мечтаем об органах серьезных, культурных, но на это нет публики. Публика всех партий требует бойкости, хулиганства, знаний не может ценить, невежества не замечает... Я же — не имею уж прямо ни единой точки общей

с публикой»⁷. Интересно сравнить эту дневниковую запись с мнением Тихомирова, которое он выразил в письме к Б. В. Никольскому от 30 апреля 1910 г.: «Корреспонденты гонятся за сенсациями, а я только тем и живу, чтобы не погрешить против точности, и всегда скорее буду вовсе молчать, нежели рисковать обвинением в неточности. А уж и безобразие кругом, что ни возьми — то безобразиие и развал. И конца этому нет»⁸.

Крайне важное значение для Тихомирова имел тот факт, что «Московские ведомости» активно включились в кампанию, направленную против Распутина⁹. В этой истории за спиной Тихомирова стоял Столыпин. 12 декабря 1915 г. Тихомиров вспомнил в дневнике про антираспутинские публикации, отметив, что он у императора «из-за статей о Григории Распутине потерял даже и ту небольшую дозу благоволения, которой, по-видимому, пользовался»: «Это мне положительно заявил сам Столыпин... Столыпин мне сказал последний раз по поводу нежелания Государя видеть меня: “Да неужто же Вы не знаете, что Государь разгневан на Вас за статьи о Распутине? Это был с Вашей стороны подвиг, но он очень дорого Вам обошелся”»¹⁰.

1911 год, наступление которого было отмечено в семейном кругу, начался без обычного похода на церковную службу. Дочери Тихомирова болели, а сам он «так изморился, что не хватило мужества напрячь себя»¹¹. Его мысли были обращены к Столыпину, с которым он обменялся поздравительными телеграммами: «Странная душа! Давно ли мы с ним ругались? Да, он все-таки очень хороший человек, и дай ему Господь понятие православное. Это главное, что ему недостает»¹².

Ожидая в январе вызова в Царское Село, Тихомиров довольно прохладно пишет о возможной аудиенции у Николая II: «Что же, вызовут — поедем. А только, в сущности, ни к чему это. Уж если вызывать, то хоть в декабре: авось мне прибавило бы хоть пяток подписчиков, а теперь и этого не будет»¹³. Не дождавшись ответа, он записывает 6 февраля 1911 г.: «Ну, из СПб нет никаких приглашений. А я их опять огорчил. Написал статью об о. Илиодоре, начавшем “голодовку” в Царицыне. Статья-то, сам чувствую, хороша, и многие говорят, но в результате я все-таки обвиняю обер-прокурора и говорю, что Илиодора можно

оставить на месте. А говорят, будто в Царском Селе очень вооружены против Илиодора, и Столыпин за Лукьянова... Ну, Бог с ними, надоели они мне хуже горькой редьки»¹⁴.

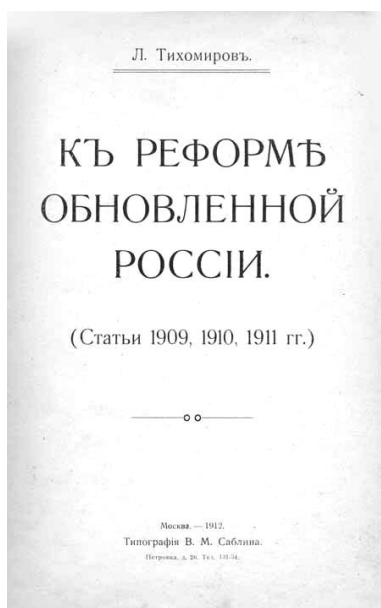
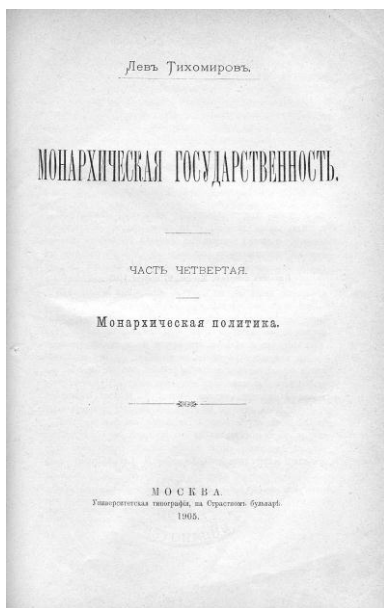
Сергей Михайлович Лукьянов, пользовавшийся поддержкой Столыпина, был в тот период обер-прокурором Святейшего синода. Его политическая звезда уже закатывалась, и 2 мая 1911 г. он был отправлен в отставку. Характерно письмо к Николаю II от 26 февраля 1911 г., в котором Столыпин просил повременить, чтобы отставку Лукьянова в обществе не связывали с борьбой против Илиодора¹⁵. Тихомиров же упрямо продолжал наносить на страницах официозного издания уколы, касающиеся «распутинской темы». При этом он понимал всю болезненность данной темы для императора, отметив в дневнике еще 10 апреля 1910 г.: «Узнал я, что Государь сказал, что “ошибся в своих ожиданиях от Тихомирова”. В чем причина разочарования — неизвестно, но можно думать (по совпадению времени), что виноваты статьи Новоселова о Григории Распутине <...> Ну уж это как угодно! Не могу я не обличать духовного разврата»¹⁶. Учтем этот факт.

Попутно Тихомиров привычно сетовал на судьбу: «А уж время как летит безумно. Ни удовольствия, ни пользы, а вечная суета с утра до ночи, не можешь и минуту опомниться, заняться собой, смыслом жизни своей. Страшная жизнь. Ни себе, ни людям. Людям то теперь, пожалуй, даже и немислимо оказать какую-нибудь пользу. Они и сами не знают, что им нужно»¹⁷. 13 февраля его огорчил епископ Евлогий (В. С. Георгиевский), читавший в Москве лекцию о Холмщине: договорился о встрече перед лекцией и не пришел. «О, эти архиереи, — записывает Тихомиров, — немислимо с ними дело иметь...»¹⁸. Приехавший в Москву А. В. Бельгард из-за занятости не спешит встретиться, чем вызывает неудовольствие. Столыпин тоже получает порцию критики из-за посмертного издания сочинений Л. Н. Толстого¹⁹. Уступки вдове писателя для Тихомирова неприемлемы: «Они прямо помешанные, эти наши власти, в своем холуйстве перед Толстым. Бельгард уже виделся с графиней, ведет какие-то переговоры... И подумать, что этим холуйством заражен Петр Аркадьевич Столыпин!»²⁰. Сетовать в дневнике на невнимание к себе (реальное или кажущееся) стало для Тихомирова уже привычным.

Эти события отступают в сторону на фоне конституционного кризиса. 4 марта П. А. Столыпин выступил в Государственном совете по вопросу о национальных отделениях в предполагаемых земствах Западного края²¹, а 5 марта подал Николаю II прошение об отставке (принята не была). Утром 7 марта Тихомиров получает из столицы телеграмму «о падении Столыпина» и записывает в дневник: «И все это из-за национальных курий в Западном земстве! Ну, Столыпин уходит с честью — за право русского народа»²². 8 марта он отправляет Столыпину телеграмму: «Приношу дань глубокого уважения до конца стойкому защитнику национальных интересов»²³. Ответная телеграмма от Столыпина гласила: «Спасибо на добром слове»²⁴.

В статьях, оперативно опубликованных в «Московских ведомостях», Тихомиров защищает Столыпина, критикуя правых деятелей Государственного совета²⁵, в том числе и своего давнего покровителя П. Н. Дурново, отметив в дневнике: «Вероятно, статья не понравится П. Н. Дурново, но не хочу подличать. Пусть Столыпин увидит, что я соображаю не с успехом, а с правдою. Я не боюсь спорить с ним, когда он был всемогущ, и не боюсь защищать его, когда его низвергли»²⁶. Получив в ответ критику со стороны А. А. Ширина-Шихматова за «поддержку» Столыпина и за «клевету», Тихомиров рассуждает о противниках Столыпина справа: «И они, дураки, еще меня ругают! Они ругают Столыпина. Но кого можно ругать, как не эту компанию дураков?»²⁷. Казалось бы, в кризисной ситуации Тихомиров твердо встал на сторону Петра Аркадьевича, но вот достается и ему: «Столыпин теперь стал тем престолоначальником, каким называл себя когда-то Витте. Собственно говоря, все-таки непостижимо, почему Государь отдал всех на расправу Столыпина и сам ему так беспредельно подчинился? <...> Теперь трудно себе представить все последствия неслыханного разгрома правой группы Совета. <...> Конечно, Столыпину теперь одна дорога — к левым. А дальше? До чего он дойдет? Видно, все действительно идет к революции... Столыпин решился взять рекорд глупости, начал проскрипции своих врагов... Пришлось мне, хотя избегал задирабельного тона, отшлифовать своего Петра Аркадьевича»²⁸. В итоге Тихомиров критикует не только оппонентов Столыпина, но и его самого: «Мы осуждены влачить это жалкое существование,

пока не явится новый руководитель... Я совершенно убежден, ничего не будет. Немножко побранятся в Совете, немножко побранятся в Думе, но все стороны останутся на своих местах, никто не полетит, останется и Дурново с прочими... и Столыпин... Думается мне, что мы осуждены на гниение в своем болоте на неопределенно долгое время... разве случится революция или война. Тогда опять все полетит вверх тормашками, и можно ли надеяться, чтобы хоть тогда Россия вышла на какой-нибудь определенный путь развития? Пожалуй, все-таки нет... Никогда не было так ясно видно непостижимое могущество Самодержавия, которое, кажется, не может разрушить только самого себя. Разве, если допустить кадетов захватить диктатуру и — водворить республику гильотиной»²⁹.

Титульные листы книг Л. А. Тихомирова

Кратко обрисуюем ситуацию с Илиодором. 20 января 1911 г. последовало постановление Священного синода о невозможности пребывания Илиодора в Царицыне и переводе его настоятелем в малоизвестный Новосильский Свято-Духов монастырь в Тульской

епархии, чему он не подчинился. Запершись с почитателями в выстроенном им храме, он объявил голодовку. Из Петербурга для убеждения Илиодора в необходимости подчиниться решению Синода прибыл епископ Тульский Парфений (10 февраля он заехал в гости к Тихомирову и подробно рассказал ему об этой истории, но Тихомиров, к сожалению, не описал ее в дневнике). Илиодор прекратил голодовку, переехал в Сердобск, где находился Гермоген, и там выслушал высочайшее повеление о переводе в Тульскую епархию, которому отказался подчиниться. Затем он самовольно направился из Сердобска в Царицын, но не был туда допущен. Вагон, в котором он ехал, был отцеплен, а ехавшие в этом вагоне переведены в другие. Илиодор был доставлен в Сердобск, после чего решил подчиниться властям. С полицией он отправился в Новосильский монастырь, куда прибыл 14 февраля 1911 г., но по позднему признанию, понял, что не сможет «развернуть там работу». Переодевшись в гражданское платье, Илиодор 9 марта бежал в Царицын. Вернувшись в свой монастырь, он начал новый этап борьбы, известный как 20-дневное сидение Илиодора с толпой поклонников в монастыре³⁰. В этой запутанной истории Тихомиров поддерживает оставление Илиодора в Царицыне, а летом 1911 г. приезжает к губернатору П. П. Стремоухову, позднее упомянувшему этот факт в беседе со Столыпиным: «Вам известно, что правая печать все время трубит в пользу Илиодора... От вашего имени приезжал ко мне раскаявшийся известный революционер Тихомиров с целью меня интервьюировать об Илиодоре, и я право не знаю, какую он примет позицию»³¹.

Неожиданностью в 1911 г. для Тихомирова становится ряд неприятностей, связанных с газетой. Можно не считать мелких сложностей, таких как привлечение к ответственности «за сообщение ложных сведений» (ошибка в расписании Московско-Нижегородской железной дороги)³² или постоянная пикировка с другими изданиями, в том числе и правыми (летом 1911 г. в «Земщине» появился ряд критических откликов на статью Тихомирова «Нужны ли принципы?»). 27 марта 1911 г. Тихомирову приносят вызов к судебному следователю на 30 марта по примирительному разбирательству с Татьяной Архиповной Окулич.

Выясняется, что это учительница, обиженная публикацией в № 48 «Московских ведомостей» письма о ее «толстовских» взглядах. 27 апреля на примирительное разбирательство у судебного следователя Окулич не является, зато туда приходит Б. М. Овчинников — помощник известного московского присяжного поверенного А. Р. Ледницкого. Тихомиров, знавший о взглядах кадета, католика и полонофила Ледницкого³³, заподозрил интригу: «Эти господа, очевидно, хотят какого-то политического скандала, а Окулич просто пешка в их руках»³⁴. Сейчас невозможно точно установить, была ли Окулич действительно так обижена, что примирение не состоялось, или за ее действиями стояли кадеты — противники «Московских ведомостей». В результате вопрос должен был решить суд. 14 февраля 1912 г. Тихомиров запишет в дневник: «Московск<ий> окр<ужной> суд (под предс<едательством> кадета Гудим-Левковича) признал сегодня меня виновным в оклеветании этой стервы Окулич и при- судил к 2 месяцам тюрьмы»³⁵.

Более подробно эти события будут описаны в следующей статье. Пока замечу, что в тюрьму Тихомиров не попал, отделавшись штрафом, но дело было не в деньгах, а в душевной ране, которую ему нанесли, о чем он с болью писал в дневнике. Судьба гонителей Тихомирова была плачевной. А. Р. Ледницкий покончил с собой в 1934 г., выбросившись в состоянии депрессии из окна здания суда в Варшаве. Имя В. П. Гудим-Левковича мы находим в списках расстрелянных большевиками (в 1919 г. эти списки опубликовал «Киевлянин»).

9 мая 1911 г. Тихомиров отбывает в Петербург, где 13 мая его в последний раз принимает Столыпин. Долгая беседа проходит эмоционально. По ее итогам Тихомиров записывает: «Расстались все-таки без ссоры, и он обещал даже исхлопотать мне представление Государю. Он, однако, прямо сказал, что и раньше говорил обо мне Государю (два раза), но Государь на это ничего не выразил, т. е., другими словами, вероятно, Ему не угодно меня принять. Это ставится в связь с моими статьями против известного “блаженного старца” (Г. Е. Распутина. — *А. Р.*), которого Он считает очень хорошим, чуть не святым... Главное же — Он не хочет, чтобы об этой личности говорили. Ну, я-то в чем же

виноват? Ведь я не знал этой воли Государя Императора»³⁶. Так Тихомиров писал весной 1911 г., а теперь вспомним процитированную выше апрельскую запись за 1910 г. Даже поняв, что публикации о Распутине вызывают гнев Николая II, Тихомиров 30 апреля 1910 г. поместил передовую статью «О Григории Распутине, иеромонахе Илиодоре и прочих», в которой уже выражена не просто позиция одного из авторов издания, а его *личная* позиция как редактора. В недогадливости Тихомирова сложно упрекнуть, и он верно связал охлаждение к нему императора и антираспутинские публикации. И вот, после беседы со Столыпиным Тихомиров, словно наивный подросток, оправдывается: «Ну, я-то в чем же виноват? Ведь я не знал этой воли Государя Императора». Остается вопрос о том, не использовал ли Столыпин в этом случае Тихомирова и его издание для критики Распутина?

5 июля 1911 г. Тихомиров обратился со страниц «Московских ведомостей» к Столыпину с письмом, в котором призывал его пересмотреть основные законы 1906 г. После убийства П. А. Столыпина его брат А. А. Столыпин опубликовал текст пометки, которую сделал Петр Аркадьевич на тихомировском письме. Она гласила: «Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции»³⁷.

Ночью 5 сентября Тихомиров обводит в дневнике в черную рамку слова «Столыпин скончался» и пишет далее: «Я чувствую себя разбитым, усталым, в какой-то внутренней апатии с наружной оживленностью. Я его очень любил. Он — один из лучших людей, каких я знал... Я постоянно ссорился с ним и никогда не разрывал. Я его не только любил, но глубоко уважал. И — чувствую какую-то отраду от сознания, что и он меня уважал, верил моей искренности... Он был лучше, чище, благороднее всех своих соперников: нельзя даже и сравнивать. У него в политике, по моему, много ошибок — коренных. Особенно печальна его церковная политика. Но, в общем, теперь, когда его уже безвозвратно нет, перед Россией открывается какая-то черная тьма неизвестности и, вероятно, жестоких бедствий <...> Не справится, вероятно, никто с положением. Мы в редакции служили молебствие о его выздоровлении. Я молился, как редко помню. Не услышал Господь. Да будет Его святая воля... Упокой, Господи,

душу усопшего раба Твоего, Петра, честного, благородного, доброго, который всегда делал то, что считал правдою»³⁸. Поразительная по искренности дневниковая запись!

8 сентября Тихомиров запишет: «Интересно, что теперь думает этот несчастный Государь?»³⁹ Ведь нет у Него ни единого человека, на которого Он мог бы опереться. Даже Дурново уже не годится... Да он и не любит Дурново... Но во всяком случае — дьявольски мерзкое положение <...> Может быть, трагическая смерть Столыпина произведет реакцию в обществе, которая временно сдержит революционеров <...> Но это, во всяком случае, может быть краткой отсрочкой. Ею умный человек может воспользоваться для более солидного укрепления положения, но где этот умный человек? Уж не Коковцов же <...> Его ум совсем иного сорта. На это не годится... Скверно! Все характеры ушли в революцию. Впрочем, и у них только разбойники, а ни единого умного тоже нет»⁴⁰. В статье «У могилы П. А. Столыпина» Тихомиров писал: «У Петра Аркадьевича были внутренние опоры, которых *в такой степени*, мне кажется, не обнаруживалось у других. Это — вера в Бога и в Россию. Это давало ему веру в успех даже без отчетливого представления — в чем он будет заключаться. В этом был, думаю, секрет его уверенности, которая давала шансы на успех сама по себе»⁴¹. Он отмечал, что ценил в Столыпине «именно его *личность*»⁴². Но в отношении религиозности премьера Тихомиров был не столь тверд в суждениях. В октябре 1911 г. он утверждал в частном письме, что одной из причин неудач деятельности Столыпина явилось то, что он абсолютно «не думал, что всякая путная деятельность должна быть проникнута христианским настроением»⁴³.

После смерти Столыпина шлюзы для недоброжелателей Тихомирова были открыты. В октябрьской книжке «Вестника Европы» обозрение, посвященное убийству Столыпина, завершал постскриптум, который процитирую полностью: «В печати появилось письмо, адресованное П. А. Столыпину в июле месяце неизвестным издателем “Московских ведомостей”, г. Львом Тихомировым. Утверждая, что на почве основных законов 1906 года невозможно создать правильный государственный строй, автор письма убеждал покойного министра посвятить хоть

половину своих сил на избавление России от опасности и вредных последствий неудачной конституции. По мнению г. Тихомирова, предлагаемое им “исправление” основных законов “есть дело удобоисполнимое лишь тем самым императором, который санкционировал их, так как преемник будет связан волею своего предшественника”... Опасаясь, что выраженные г. Тихомировым взгляды могут быть приписаны П. А. Столыпину, А. А. Столыпин приводит пометку, сделанную покойным его братом на письме редактора “Московских ведомостей”: “Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостною провокацией и началом новой революции”. Последние слова делают честь прозорливости покойного министра: но нельзя не пожалеть о том, что он находил рассуждения г. Тихомирова “прекрасными” в теории. Не заслуживает такого наименования учение, отрицающее обязательность закона для самого законодателя. Оно не только фальшиво в самом корне: оно чрезвычайно опасно, постоянно грозя послужить исходной точкой для актов, несовместимых с природой государства. После крупного поворота в государственной жизни всегда наступает период неустойчивого равновесия, всегда носится в воздухе идея регресса не только в деталях, но и в целом. Допустить, хотя бы отвлеченно, правомерность такого регресса — значит увеличить шансы катастрофы. Прочная охрана однажды приобретенного требует веры не только в его необходимость или неизбежность, но и в его справедливость. Если такой веры у П. А. Столыпина не было, этим объясняется многое в истории его управления»⁴⁴.

Поводом к критике Тихомирова послужило и 30-летие гибели Александра II. В газете «Голос Москвы» от 23 октября вспомнили про старую связь Льва Александровича с революционерами: «И поныне наши революционеры с каким-то особым почтением относятся к этому старому “льву” подполья... Чувствуется здесь как бы какая-то клятвенная связь между ними, как будто там, в подполье, все еще ждут чего-то от этого испытанного “соглашателя”»⁴⁵. Особую пикантность этой атаке на Тихомирова придавал тот факт, что «Голос Москвы» фактически был органом «Союза 17 октября» и опубликовал по случаю смерти Столыпина прочувствованное воззвание этой партии⁴⁶.

Можно упомянуть также статью П. Б. Струве, посвященную гибели П. А. Столыпина, в которой есть отсылка к царевубийству 1 марта 1881 г.⁴⁷

Оголтелую антитихомировскую позицию заняло «Русское знамя»⁴⁸. 16 сентября оно заявило, что «в правую газету “Московские ведомости” прокрались предатели и изменники»⁴⁹. 8 октября Тихомиров писал в дневнике: «“Русское знамя” буквально бесновалось, ругая меня. Особенно гнусна статья кн. Волконского, недурен и Булатович (Люцилий), которого сотрудничество я отверг. А в собрании Главн<ого> совета Союза р<усского> народа (Марковская организация) некто Соколов заявил, что я — опаснейший тайный враг самодержавия. Прямо куча какой-то сволочи, которых можно принять за преднамеренных врагов этой же монархии и вообще русского дела»⁵⁰. В. П. Соколов, во время раскола Союза русского народа поддержавший Н. Е. Маркова, был активным членом «марковской» организации, а Д. И. Булатович печатался в дубровинском «Русском знамени» под псевдонимом Люцилий. Все это не помешало А. И. Дубровину лично встретиться с Тихомировым, причем этой встречи Дубровин искал сам.

«Против меня ведется прямо остервенелая кампания самой разнородной партийности, — фиксировал Тихомиров 23 ноября в дневнике, — особенно твердят, что я будто бы царевубийца (это 1 марта 1881 г.!) и вообще негодяй, и набиваю себе карманы (это от моего собственного-то предприятия!), и что нужно у меня отнять казенные объявления. Тут соединение всех мотивов. Мне передавали, что кн. Волконский, особенно ругающий меня в “Русском знамени”, имеет целью выжить меня из “Моск<овских> вед<омостей>” и получить аренду себе. Несомненно тоже, что октябристы испугались призрака моего политического влияния. Затем — куча просто пишущей твари злятся, что я не принимаю их сотрудничество <...> Но вся эта разнородная компания одинаково грызет меня. Конечно, кампания идет и не в одних газетах, а и в кабинетах»⁵¹. В дневнике Тихомиров сообщал о письме Дубровина, приглашавшем его на монархический съезд, и просьбе о публикации объявлений в газете об этом мероприятии. «Ну я — повел себя обычно: напечатал их объявления, послал на съезд корреспондентов, печатаю о съезде <...> Сам, впрочем, не был.

Но Дубровин навестил меня и просидел часа два с хвостом. Извиняется в мерзостях своей газеты. Ничего, дескать, не могу поделать. У них — господин всего не он, а Полубояринова, которая дает деньги. А она — женщина, понятно, не высокого развития и властолюбивая. Волконский имеет на нее огромное влияние. Вот положение “вождя”! Объяснялись много. Обещал изменить отношение своей газеты», — зафиксировал Тихомиров, добавляя в примечании к записи по поводу дубровинского обещания: «Понятно — наврал»⁵². Вместе с тем с 1 января 1909 г. расходы на «Русское знамя» действительно главным образом несла Е. А. Полубояринова, предоставившая для нужд типографии собственный дом и дававшая значительные средства на издание. В этом свете приглашение Тихомирова на съезд и *личный* визит Дубровина имеют важное значение. К сожалению, содержание беседы Тихомиров в дневнике не записал.

Нанес удар и «Гражданин» В. П. Мещерского. В номере от 6 ноября 1911 г. там насмеялись над Тихомировым, удивляясь, как правительству пришло в голову «раскаявшегося преступника вознести и поставить превыше миллионов людей», дав ему «премство Каткова»⁵³.

Помимо газетной травли, у «Московских ведомостей» в конце 1911 г. возникли проблемы в связи с попыткой отнять у издания частные объявления и значительную долю казенных, обеспечивавших главные финансовые поступления. Поездка Тихомирова в Петербург и вмешательство В. Н. Коковцова спасли положение. Преемник Столыпина дал согласие на то, что в обмен на решение Министерства финансов, отнявшего у газеты казенные объявления в декабре 1911 г., сумма, теряемая газетой за два года, будет возмещена. 9 ноября 1913 г. Н. А. Маклаков писал В. Н. Коковцову, что «было признано необходимым издание “Московских ведомостей” сохранить на это время в руках прежнего арендатора»⁵⁴. Разумный шаг на фоне грядущего 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия дома Романовых. 19 мая 1912 г. с Тихомировым был подписан новый контракт на аренду газеты до 1 января 1914 г., по которому «Московским ведомостям» в возмещение убытков выделялась субсидия в размере 108 тыс. руб. 21 декабря 1911 г. Тихомиров записывает: «Коковцов же мне прямо сказал, что, идя на двухлетнее возмещение

убытка, он руководствуется тем, что в 1912 и 1913 годах, с их вероятными смутами, — невыгодно подрывать какие-нибудь правые издания. Сам я — согласен с ним. Конечно, я бы охотно бросил издание теперь, если бы меня к этому принудили. Но, не сделав всех усилий спасти издание, мне было бы совестно сидеть в сторонке во время революционной перепалки»⁵⁵.

За два часа до полуночи 31 декабря 1911 г. Тихомиров, закончив очередной номер газеты, задумывается о том, «что сулит 1912 год» и приходит к выводу: «Только Бог знает. Вряд ли много хорошего»⁵⁶. У Тихомирова «на душе грустно», а количество подписчиков на 1 января уменьшилось на 45 человек. Лев Александрович все чаще стал думать об уходе с редакторского поста, но впереди было еще два года работы. Ему предстояло провести газету через 100-летие Отечественной войны и отозваться на романовские торжества.

Примечания

¹ Дневник Л. А. Тихомирова, 1915—1917 гг. / рук. проекта, сост., авт. предисл., коммент., примеч. А. В. Репников. М., 2008; Дневник Л. А. Тихомирова, 1905—1907 гг. / сост. А. В. Репников, Б. С. Котов; авт. предисл., коммент., примеч. А. В. Репников. М., 2015; Дневник Л. А. Тихомирова, 1908—1910 гг. / сост. А. В. Репников, Б. С. Котов; авт. предисл., коммент., примеч. А. В. Репников. М., 2019.

² *Ефименко А. Р.* Л. А. Тихомиров: обзор документов личного фонда // Вестник архивиста. 1999. № 6. С. 63.

³ Цит. по: *Костылев В. Н.* Лев Тихомиров на службе царизма: (из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX — начале XX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 354.

⁴ Там же.

⁵ Московская жизнь: (обед в честь Л. А. Тихомирова) // Московские ведомости. 1909. № 15.

⁶ *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 165.

⁷ Дневник Л. А. Тихомирова, 1908—1910 гг. С. 223.

⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 588. Оп. 1. Д. 781. Л. 11 об. Далее: ГА РФ.

⁹ Дневник Л. А. Тихомирова, 1908—1910 гг. С. 238—255.

¹⁰ Дневник Л. А. Тихомирова, 1915—1917 гг. С. 177, 179. Пользуясь случаем, исправим опечатку в нашей публикации дневника за 1915 г.

- Сноска на с. 177 после слов «жена Столыпина» должна быть на с. 179 после слов «положительно заявил сам Столыпин».
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 43.
- ¹² Там же. Л. 44.
- ¹³ Там же. Л. 45.
- ¹⁴ Там же. Л. 46.
- ¹⁵ П. А. Столыпин: переписка. М., 2004. С. 66—67.
- ¹⁶ Дневник Л. А. Тихомирова, 1908—1910 гг. С. 200.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 46.
- ¹⁸ Там же. Л. 47.
- ¹⁹ *Бельгард А. В.* К истории первого посмертного издания сочинений Л. Н. Толстого // *Мосты*. 1961. № 6. С. 313—318.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 49—49а.
- ²¹ *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия...: полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906—1911 гг. М., 1991. С. 339—340.
- ²² ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 51.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Л. 52а.
- ²⁵ *Тихомиров Л. А.* Национальные курии и отставка П. А. Столыпина // *Московские ведомости*. 1911. № 55. Статья вошла в сборник избранных публикаций Тихомирова из «Московских ведомостей» (см.: *Тихомиров Л. А.* К реформе обновленной России: (статьи 1909, 1910, 1911 гг.). М., 1912. С. 204—207). В статье «Новое положение», опубликованной в № 59 «Московских ведомостей» за 1911 г., Тихомиров продолжил тему министерского кризиса (см.: Там же. С. 207—210).
- ²⁶ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 52. О критическом отношении П. Н. Дурново к П. А. Столыпину см.: *Бородин А. П.* Петр Николаевич Дурново: русский Нострадамус. М., 2013. С. 275—292.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 54.
- ²⁸ Там же. Л. 54—55.
- ²⁹ Там же. Л. 59—60.
- ³⁰ См.: *Степанов С. А.* Илиодор (С. М. Труфанов) // *Политическая история России в партиях и лицах*. М., 1993; *Михайлова Е. М.* Илиодор (Труфанов С. М.) // *Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия*. М., 2010. С. 194—195; *Варламов А. Н.* Григорий Распутин-Новый. М., 2008. С. 254—262.
- ³¹ *Стремоухов П. П.* Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором // *Архив русской революции: в 22 т.* М., 1993. Т. 15—16. С. 39.
- ³² ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 48.

³³ Ледницкий Александр Робертович // Государственная дума России: энциклопедия: в 2 т. М., 2006. Т. 1: Государственная дума Российской империи (1906—1917 гг.). С. 338—339.

³⁴ См.: ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 61—63.

³⁵ Там же. Л. 102.

³⁶ Там же. Л. 67.

³⁷ Цит. по: *Тихомиров Л. А.* Христианство и политика. М., 1999. С. 365.

³⁸ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 78—79.

³⁹ «Говорят, что Он не придает этому значения, т. е. не считает особой потерей», — позднее приписал Л. А. Тихомиров.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 81.

⁴¹ *Тихомиров Л. А.* Христианство и политика. С. 356.

⁴² Там же. С. 358.

⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265 (1911 г.). Д. 511. Л. 19.

⁴⁴ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1911. № 10. С. 371.

Ср.: «Немедленно после смерти П. А. Столыпина бывший террорист, а ныне редактор “Московских ведомостей”, Л. А. Тихомиров опубликовал свое письмо, посланное премьеру 5 июля 1911 года. В письме этом, указывая на господствующую у нас анархию и бессилие законодательных учреждений, г-н Тихомиров предлагал П. А. Столыпину добиться нового государственного переворота, радикального изменения Основных Законов в смысле уничтожения законодательного значения наших палат. Центральное и самое существенное место письма г-на Тихомирова сводилось к следующей фразе: “Сам Государь Император может самостоятельно лишь не допустить закона воспрять силу, но создать потребного для страны закона самостоятельно не может”. Опубликование письма Тихомирова как бы подтверждало ту мысль, что П. А. Столыпин был врагом конституции 1906 года и вел переговоры об изменении Основных Законов. Желая сгладить впечатление, произведенное этим письмом, брат покойного премьера поспешил опубликовать и ту резолюцию, которую П. А. Столыпин положил на письмо Тихомирова. Резолюция эта чрезвычайно любопытна и проливает много света на политические взгляды П. А. Столыпина. “Все эти прекрасные теоретические рассуждения, — писал П. А. Столыпин, — на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции”. Итак, рассуждения г-на Тихомирова, взывавшего к государственному перевороту, к восстановлению прежнего абсолютизма, хотя бы и сопутствующего выборными от сословий людьми, П. А. Столыпин признавал “прекрасными”. Противопоставить им он мог только боязнь “революции”. Настоящего правового уважения к Основным Законам Российской

- Империи у него не было. Он не мог отвергнуть с презрением тихомировские рассуждения как призыв к преступлению, к нарушению закона. В цели он с ними сходил, но средство, предлагаемое г-ном Тихомировым, открытое изменение Основных Законов, считал опасным и ведущим к революции. Такое отсутствие правого чувства в руководителе политики страны поистине ужасно» (*Изгоев А. С.* Рожденное в революционной смуте. М., 2017. С. 253—254).
- ⁴⁵ *Чеб-в Ф.* Лев Тихомиров и 1 марта 1881 г. // *Голос Москвы.* 1911. № 244.
- ⁴⁶ *Исхакова О. А.* «Голос Москвы» // *Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия.* М., 2011. С. 120.
- ⁴⁷ *Струве П. Б.* Преступление и жертва // *Русская мысль.* 1911. Кн. 10 (октябрь). С. 133—144. Републикацию с искаженным заголовком «Преступление и наказание» см.: *Столыпин: жизнь и смерть (1862—1911).* Саратов, 1997. С. 176—178.
- ⁴⁸ См. № 205, 208, 212, 219, 238 и другие «Русского знамени» за 1911 г.
- ⁴⁹ *Патриот.* Бей тревогу, барабанщик! // *Русское знамя.* 1911. № 206.
- ⁵⁰ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 83.
- ⁵¹ Там же. Л. 84.
- ⁵² Там же. Л. 84—85.
- ⁵³ Цит. по: *Костылев В. Н.* Лев Тихомиров на службе царизма. С. 363.
- ⁵⁴ Там же. С. 367.
- ⁵⁵ ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 91.
- ⁵⁶ Там же. Л. 92.

А. Ю. Калистратов

**АФРИКА НАЧАЛА XX В.
В ЗАПИСКАХ И ЭПИСТОЛЯРИЯХ
ГЕРМАНСКОГО ВРАЧА ЛЮДВИГА КЮЛЬЦА**

Введение

Тема германского колониализма в Африке неоднократно привлекала внимание научной общественности¹. К началу XX в. кайзеровская империя владела территориями как на востоке, так и на западе Черного континента. В восточной части Второму рейху принадлежали Руанда-Урунди и Танганьика (современные Руанда, Бурунди, Танзания, частично Кения и Мозамбик), на западе — Камерун с Тоголендом (в настоящее время Камерун и Того) и Юго-Западная Африка (современная Намибия). Все эти владения Германия потеряла после поражения в Первой мировой войне.

Несмотря на широкий охват проблем и глубину исследований по германской колониальной политике на Черном континенте, и сегодня остаются вопросы, не получившие всестороннего освещения. К таковым, в частности, относится малоизученная область приложения ментальных конструкций типичных представителей той эпохи к самому процессу колонизации Африки, а также судьбы конкретных германских колониальных врачей, офицеров и чиновников, их представления о местном населении и значении своей миссии на Черном континенте. Частично заполнить обозначившуюся лакуну призвана настоящая статья, которая

© Калистратов А. Ю., 2020

Калистратов Андрей Юрьевич — соискатель кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет; учитель истории, средняя школа № 21 им. А. М. Достоевского, г. Ярославль, kay73@mail.ru (Applicant at the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University; History Teacher, Secondary School no. 21 named after A. M. Dostoevsky, Yaroslavl).

продолжает изыскания автора данной публикации в этом направлении². Ее цель — воссоздать основные этапы деятельности в Африке доктора медицины и колониального врача Людвиг Кюльца и выявить сформировавшиеся у него образы-представления о Черном континенте и его обитателях, а также о значении своей миссии в заморских владениях Германской империи.

Выбор объекта исследования неслучаен. Л. Кюльц слыл интеллектуалом, пытливым и знающим врачом. В частности, известность получил его отклик на книгу русского доктора В. В. Вересаева (Смидович), в которой поднимались вопросы формирования образа врача, его отношений с коллегами и пациентами, говорилось о болезнях и способах лечения, операциях и т. д.³ Внимание автора настоящей статьи привлекла также профессия Л. Кюльца, с которой обычно связывают ряд специфических личностных особенностей, главная из которых — рационализм (вплоть до цинизма).

Источниковой базой публикуемой статьи стали записки и эпистолярии Л. Кюльца.

Методологическая часть

Произошедший в конце прошлого столетия гносеологический кризис (падение идеологического диктата марксизма и исчерпание его возможностей объяснить все многообразие социальных процессов⁴) открыл возможности для новых изысканий. В гуманитарных науках появились новые направления, инструменты, методы познания. Особенно активно этот процесс проходил на междисциплинарном поле. В результате в 1990-х гг. возникло несколько направлений, которые сегодня оформились в самостоятельные дисциплины со своими особенностями методологии и исследовательским инструментарием. Среди таковых — интеллигентоведение и имагология (или имиджинология).

Представленная публикация лежит в их русле. Одним из российских центров изучения интеллигенции и интеллектуалов в настоящее время является НИИ интеллигентоведения Ивановского государственного университета. При подготовке статьи автор опирался на определение интеллигенции как составной части более широкого понятия интеллектуалов и на модель их поведения

в изменяющейся социально-политической действительности, предложенную в рамках изучения интеллигенции и интеллектуалов В. Л. Черноперовым и С. М. Усмановым⁵, которая получила положительные оценки научного сообщества⁶ и которую ивановские исследователи апробировали на конкретных примерах в ряде публикаций⁷.

Опираясь на наработки исследователей Ивановского университета, Л. Кюльца можно рассматривать как представителя автономного социального и интеллектуального сообщества колониальных деятелей кайзеровского рейха, которое, правда, не было однородным. Внутри его выделялись две группы — «колониальные герои» и их «младшие сыновья». Данная стратификация основывается на классическом труде известного африканиста А. Б. Давидсона об английском политике и предпринимателе С. Дж. Родсе⁸. Этот ученый, в частности, отметил, что в планах С. Родса, кроме апологии колониальных захватов и создания колониальных мегаимперий, имелось указание на тех, кто должен осуществить его идеи: «Те, кто не нашел себе иного применения в общественной жизни, пусть даже это будут люди во всем уже разуверившиеся. Надо только заразить их идеей расширения пределов империи, добиться, чтобы они поняли ее “величие”»⁹. То есть осуществлять идеи этого «колониального героя» должны были так называемые «младшие сыновья... те, кто не наследует ни титулов, ни сколько-нибудь крупной собственности»¹⁰.

«Колониальный герой» — фигура активная, не терпящая рутины, маскулинная и авантюрно-привлекательная. Он эгоцентричен, если не сказать эгоистичен, для него тесное сближение с другими людьми достаточно редко или не происходит вообще. При этом он активно занимается саморекламой и чужд «банальных» стереотипов Старого Света, потому что в «Новом свете» (колониях) он сам определяет действующие в «его мире» порядки, которые часто противоречат традиционной европейской морали. Неслучайно по возвращении на родину «колониальный герой» нередко становился в глазах соотечественников фигурой экзотической¹¹, подчас порицаемой и даже отторгаемой. Классическим примером такого героя является «немецкий Сесиль Родс» — Карл Петерс. Из многочисленных работ этого германского «колониального героя»¹² отметим его отчет, опубликованный

в 1891 г. отдельной книгой «Германская экспедиция “Эмин-паша”» («Die deutsche Emin-Pascha-Expedition») о военной авантюрной операции в Восточной Африке¹³. В Великобритании первую часть названия этой работы перевели как «Новый свет в темной Африке» («New Light on Dark Africa») ¹⁴. В контексте перевода отметим: К. Петерс, этот «луч света» на Черном континенте, отличился столь жестоким отношением к туземцам, что в Германии его деяния вызвали судебное разбирательство, завершившееся увольнением «колониального героя» с государственной службы, лишением государственной пенсии и временным переездом (фактически бегством) в Великобританию.

«Колониальный герой» в пробковом шлеме и с карабином на плече никогда не смотрел назад и не страдал излишней рефлексией. Он был увлечен скорее процессом, чем значимым результатом. Причем этот тип европейца (Д. М. Стэнли, Ф. Лугард, К. Петерс и др.) в Африке XIX в. не был массовым. Такие «герои» были локомотивами колониализма, создателями колониальной империи, но не определяли ее повседневность. Основную массу европейцев в колониях представляли обычные чиновники, офицеры, плантаторы и миссионеры, т. е. отмеченные нами выше «младшие сыновья» «колониальных героев». Именно они в рутинной повседневной деятельности должны были выполнять главную задачу — нести в колонии знания и просвещение, делая их неотъемлемой частью империй. Конечно, многие из «этого колониального ансамбля» «младших сыновей»¹⁵ мечтали дорасти до «колониальных героев».

Что касается имагологии как самостоятельной области гуманитарного знания, то в нашей стране сформировалось несколько центров ее изучения. При этом до сих пор ведутся дискуссии о содержании этой дисциплины, ее понятийном аппарате и инструментарии¹⁶. По нашим наблюдениям, наибольший вклад в отечественное имагологическое исследование внесли филологи и историки. У филологов одним из центров подобных исследований стал отдел литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, которым долгие годы руководил В. Б. Земсков. Некоторые наработки этого ученого представляют для нас определенный интерес. Прежде всего утверждение В. Б. Земскова о междисциплинарном, интегральном

и диффузном характере имагологии, о том, что она неразрывно переплетена со всей «жизнью этносов, наций, народов, с их историей, культурой, образом жизни, экономико-хозяйственной деятельностью, природно-географическими условиями, отношениями с ближними и дальними соседями и т. д.»¹⁷. Продуктивным является рассмотрение ученым-филологом имагологии как особой области знания и сознания, имеющей архаические истоки, как специфического и универсального вида культуротворчества и культуроразличения (по принципу мы/они, свой/другой/чужой), взаимовидения («установления образа “другого” как условия установления диалога, взаимоознакомления и взаимодействия»), которые сопровождают человечество во все времена¹⁸. Такой подход позволяет изучать механизм формирования стереотипа как редукцию, упрощение, схематизацию прототипа, сведение его к генерализованному и категоричному шаблону, к «черно-белой» неотрефлексированной оценке¹⁹. Это, в свою очередь, наделяет стереотип устойчивыми негативными или позитивными характеристиками мифологического свойства, восходящими к этнокультурному различению. Данное обстоятельство в немалой степени порождает следующую особенность имагологии. Она «эволюционирует вместе с реальностью, но “наращивание”, наслоение все новых и новых характеристик не элиминирует старого, а просто создает дополнительные ряды»: «Старое никуда не исчезает и всегда может возникнуть из глубин истории в обстоятельствах, которые активизируют память реципиента о “другом”... В итоге можно сказать, что картина мира другого/чужого тяготеет к малой подвижности, к инерции, даже качественные сдвиги в другой культуре... даже изменения “положительного” характера не закрепляются быстро в восприятии “других”, особенно если накладываются на отрицательные наслоения, и, напротив, негативные моменты легко входят в обиход»²⁰.

Для нашей работы определенный интерес представляет также тезис В. Б. Земскова о понятии «имидж». По его мнению, имидж как таковой — это порождение борьбы европейских стран за колонии в Новое время, в рамках которой он стал выполнять «функцию политпропагандистского стереотипа, специально вырабатываемого в целях идеологической, геополитической борьбы на международной арене»²¹. В отмеченном качестве развитие

понятия имиджа получило новый импульс к концу XIX в., когда ведущие страны, завершив колониальный раздел мира, начали борьбу за его передел.

Положения, приведенные выше, позволяют изучать повседневные практики «колониальных героев» и их «младших сыновей» через призму либо упрощенных, либо политпропагандистских стереотипов. Причем эти стереотипы помогали колонизаторам экономить усилия при восприятии сложных социальных объектов и защите собственных ценностей. Как точно отмечает В. Б. Земсков, к имагологическим образам, которые сформировались у «колониальных героев» и их «младших сыновей», неприменимы оценки «необъективно» или «субъективно». «В порождениях этноцентрично, национальноцентрично и цивилизационноцентрично ориентированного сознания — а это и есть источник имагологических образов, — подчеркивал ученый, — все субъективно, является порождением другого субъекта мировой культуры, а следовательно, и все истинно для него, ибо создано на основе собственных ценностей, нормативов и политических интересов. <...> Созданные той или иной культурой имагологические образы на самом деле утверждают собственную идентичность, “самость” чаще всего в противоположении “себя” “другим”, и все они входят во всемирный театр-полилог культур»²².

Отдавая должное наработкам В. Б. Земскова, автор настоящей публикации считает спорной следующую мысль ученого: «Негативная окраска восприятия страны может возникать и в географически удаленных странах-рецепторах, но там она быстрее изменяется, чем в близких, пограничных культурах, особенно родственных по этническим корням»²³. Изученные источники личного происхождения позволяют сделать скорее обратное заключение: ни в одном из я-источников, вышедших из-под пера немецких колониальных авторов, образ аборигенов Африки на значительном временном отрезке практически не менялся, туземцы обычно по всем качествам оценивались ниже колонизаторов. Кроме того, при знакомстве с работами В. Б. Земскова и его коллег-филологов возникают вопросы о границах понятий «стереотип», «имидж», «образ», поскольку в их трудах понятие «имидж» нередко употребляется в значении «стереотип» или «образ».

Свои центры в разработке проблем имагологии сложились и у историков. Одним из них является созданный еще в 1968 г. Центр по изучению отечественной культуры при Институте российской истории РАН, которым руководили М. П. Ким, Ю. С. Борисов, а сегодня его возглавляет А. В. Голубев²⁴. Нарботки этого Центра, особенно за последние 20 лет, получили широкое признание, что позволяет говорить об имагологической школе Борисова — Голубева. Автор настоящей публикации, разделяя многие установки этой школы, взял на вооружение некоторые методологические наработки и понятийный аппарат, разработанный в Центре, который в отличие от аппарата филологов не содержит двусмысленностей²⁵. Речь идет прежде всего о понимании содержания образов-представлений и этапах их формирования. В рамках нашей работы особенного внимания заслуживает изучение Центром, и А. В. Голубевым в частности, этнических, внешнеполитических и инокультурных стереотипов. Последние «включают в себя, помимо прочего, представления о той или иной национальной истории, культуре, современной жизни». Согласно исследователю, они не только дополняют, но и частично вытесняют этнические и внешнеполитические стереотипы. Именно на базе инокультурных стереотипов формируются образы, «которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы». «Вместе с тем, — отмечает А. В. Голубев, — термин “инокультурные стереотипы” может применяться и как общий, относящийся ко всей совокупности устоявшихся представлений о внешнем мире (этнических, внешнеполитических и пр.)»²⁶.

Применительно к настоящей статье следует учитывать также то обстоятельство, что Л. Кюльц — автор анализируемого нами источника — жил и сформировался в Германии эпохи модернизации, перехода от традиционного общества к индустриальному, когда преобразования, помимо политической и социально-экономической сфер, напрямую затрагивали основы культуры и систему ценностей. В итоге происходило постепенное вытеснение этнических стереотипов внешнеполитическими: на смену образу немца приходил образ Германии как

внешнеполитической реальности. Причем на формирование внешнеполитических стереотипов огромное влияние оказывала пропаганда. Этнические же стереотипы формировались под влиянием культуртрегерских и откровенно экспансионистских теорий, а также при активной презентации такого феномена, как «колониальный герой».

Основная часть

Биография колониального врача Людвиг Кюльца. Герой нашей публикации Людвиг Кюльц и его брат-близнец Вильгельм родились 18 февраля 1875 г. в семье священника саксонского города Борна. В детстве и ранней юности близнецы посещали земельную школу Святого Августина в Гримме и в 1894 г. получили аттестаты зрелости. Далее их профессиональные пути разошлись. Вильгельм увлекся юриспруденцией, позже стал либеральным политиком, в годы Веймарской республики входил в руководство Немецкой демократической партии и одно время даже занимал кресло министра внутренних дел. После Второй мировой войны В. Кюльц стал одним из основателей Либерально-демократической партии Германии.

Людвиг Кюльца после школы в Гримме увлекла медицина, и он, получив соответствующее образование, в 1899 г. достиг степени доктора. Далее прошел службу в чине военно-морского врача императорского флота, а в 1902 г. отправился в африканские немецкие колонии в Тоголенде, где в городке Кляйн-Попо (Того) работал в госпитале имени Густава Нахтигала — известного германского ученого и колониального деятеля, автора популярных в Европе воспоминаний «Сахара и Судан»²⁷. Из Того Людвиг Кюльц в 1905 г. переехал в соседнюю колонию Камерун, где, как и в Кляйн-Попо, помимо повседневной врачебной практики, занимался поиском эффективных профилактических средств против малярии — одной из наиболее опасных болезней Черного континента.

По завершении «африканской эпопеи» в 1913 г. Кюльца отправили в другую часть земного шара — на остров Новая Гвинея, северо-восточная территория которого являлась одной из первых колоний Германской империи. Здесь тревогу метрополии

вызывала высокая смертность среди местного населения и болезни, которые могли угрожать и германским колонистам.

В Новой Гвинее наш герой занял пост помощника руководителя медицинско-демографической экспедиции (1913—1914 гг.), которую возглавлял известный германский офтальмолог профессор Геттингенского университета Альфред Лебер²⁸. Этот ученый, которого сегодня многие называют родоначальником германской тропической офтальмологии, уже имел опыт участия в подобных медико-демографических проектах на островах Самоа, Сайпан и Суматра в 1910—1911 гг.

По пути в Новую Гвинею участники экспедиции, выехав из Берлина по железной дороге, пересекли Российскую империю, часть Китая и Корею, затем, путешествуя по морю, посетили Японию, Филиппины и другие места. В Новой Гвинее Л. Кюльц вместе с участниками экспедиции узнал о начале Первой мировой войны и в декабре 1914 г. на голландском грузовом судне инкогнито добрался до Германии. В июле 1915 г. Кюльц вернулся на военную службу, с 1916 г. находился в союзной немцам Османской империи при штабе генерал-фельдмаршала К. фон дер Гольца, под командованием которого объединенные турецкие и германские части успешно противостояли англичанам в Месопотамии. После службы в Турции Л. Кюльц вернулся на родину, где и умер 10 апреля 1938 г.

«Внешняя и внутренняя критика» записок и писем Л. Кюльца. Л. Кюльц оставил после себя значительное число трудов — специальных исследований в области медицины²⁹ и полемических брошюр³⁰. Самой же популярной его работой стали «Записки и письма врача из тропической Германской Африки» («Blätter und Briefe eines Arztes aus dem tropischen Deutschafrika»). В первой половине XX в. эта книга выдержала три издания — в 1906, 1910 и 1943 гг. Последнее, осуществленное, как и предыдущие в берлинском издательстве «Wilhelm Süsserott», получило название «Тропический врач в африканском буше» («Tropenarzt im Afrikanischen Busch»). Содержательно же книга при переизданиях не изменялась.

Интерес к африканскому наследию Кюльца сохраняется и в XXI в. Последнее известное автору статьи переиздание писем и записок этого колониального врача вышло в 2010 г. в гамбургском

издательстве «Severus Verlag». Имеется оно и в электронном формате «Kindle Edition» компании «Амазон». Автор настоящей статьи в работе использовал издание 1910 г.³¹

«Записки и письма врача из тропической Германской Африки» — это эго-, или я-источник, т. е. источник личного происхождения, включающий 129 записей, которые можно разделить на две части — записки дневникового и мемуарного характера, а также эпистолярии. Писем в издании 16, из которых 13 жене и по одному сестре, брату и коллеге. Остальные записи Кюльца автор настоящей публикации относит к дневниковым и мемуарным. Разделение между ними провести практически невозможно, так как частично это записи, явно сделанные сразу после произошедших событий и не претерпевшие последующей обработки, т. е. дневникового характера, другие, как можно предположить из логического анализа текста, подверглись доработке, и в них при подготовке к изданию были внесены определенные уточнения.

Записки и письма Кюльца имеют три особенности, не встречающиеся совсем или встречающиеся лишь частично у других «младших колониальных сыновей», с чьим эпистолярным, дневниковым или мемуарным наследием автор данной публикации познакомился ранее.

В первую очередь, это упоминание всех европейцев только по инициалам: медсестра Ф., окружной начальник К., унтер-офицер Ш. и т. д. Нам представляется, что здесь мы сталкиваемся с влиянием на Кюльца его профессии. Ведь в рамках врачебной этики, принятой в медицинском сообществе, обычно писали только «больной Н.».

Второе отличие записок и писем Кюльца от источников личного происхождения других авторов-современников — это упоминание имен как минимум восьми туземцев, которые его окружали: десятилетних посудомоек и официанток сирот Халды и Фарфары, двенадцатилетних слуг Макса и Морица, сотрудников больницы им. Г. Нахтигаля Дови и Генриха, садовников Ква-си и Менсаха. Для сравнения: в эго-источниках Р. Ганссера и П. Э. фон Леттов-Форбека содержится всего по одному упоминанию имени туземцев. В первом случае это Хива из Омбоко, который имел ужасающую репутацию бандита и людоеда³². Во втором — имя единственного аборигена, дослужившегося

до офицерского чина³³. Больше имен туземцев встречается на страницах дневника офицера Э. фон Шаурота, но этот факт объясняется спецификой описываемых событий — войной германских колониальных войск с восставшими племенами нама, когда автор различал отряды противника по именам командиров³⁴.

Третье отличие книги Л. Кюльца — это рационализм и скрупулезность (пресловутая «немецкая педантичность») при рассказе о тропической природе и порядках в колониях. Все описания флоры и фауны у этого доктора медицины научно точны, содержат большое количество терминов на латыни. Кроме того, записки и письма Кюльца лишены некой юношеской восторженности, которую мы находим на первых страницах я-источников у Р. Ганссера или Э. фон Шаурота. Они близки скорее воспоминаниям Г. Нахтигала о шестилетнем пребывании в африканском Магрибе.

Знакомство с содержанием книги Л. Кюльца показывает также, что для него Черный континент не был некоей отвлеченной территорией, которая имеет сугубо научно-познавательный интерес. Для этого врача Африка — прежде всего «жизненное пространство (Lebensraum)» увеличивающегося по численности немецкого народа, поэтому он надеялся, что господство на континенте сильной Германской империи будет длительным³⁵.

Кстати, употребление в рассуждениях Кюльца термина «Lebensraum»³⁶ не оставляет сомнений во влиянии на его представления о Другом наработок известного германского географа и этнолога националиста Фридриха Ратцеля, одного из создателей геополитики. Этот ученый, в частности, сформулировал так называемые законы территориальной экспансии государства. Экспансия виделась ему не результатом рационально-волевой деятельности политических лидеров, а биологической необходимостью³⁷. Ф. Ратцель доказывал также, что изначальный импульс к проведению сильным государством экспансионистской политики приходит извне, мощная страна провоцируется на свое расширение государством (или территорией) с явно более низким цивилизационным уровнем развития. Слабые нации неминуемо ассимилируются или подвергаются абсорбции, причем данные процессы еще больше подпитывают стремление сильных стран к новому увеличению своих территорий.

Африка и аборигены на страницах эго-источника Л. Кюльца. Книга Людвига Кюльца, как и я-источники других авторов, уезжавших в колониальные владения в Африке, начинается с описания морского путешествия, в которое Кюльц отправился на корабле «Элеонора Воерманн» — самом новом судне известной гамбургской фирмы, обслуживавшей линию кайзеровский рейх — Черный континент. Для немецкого врача это было не первое морское путешествие. Двумя годами ранее он плывал в Южную Америку вдоль Африканского побережья на судне «Гертруда» той же гамбургской компании, которое совершало из-за ветхости свой последний рейс³⁸.

На пути в колонии германские суда традиционно заходили в западноафриканскую столицу-порт Монровия «свободной негритянской Республики Либерия» — страны, созданной при участии США как свободнорожденными, так и отпущенными на свободу афроамериканцами. Э. фон Шаурот в одном из писем с малоскрываемым сарказмом описывал это государство и его порядки³⁹. Кюльц, сам не зная того, присоединился к оценкам этого офицера: «Мы снова смогли полюбоваться карикатурами (der Zerrbild) европейской культуры, привитой “свободным” неграм, впрочем, для меня в этом не было ничего нового»⁴⁰. Констатируя данный факт, колониальный врач, правда, сожалел, что не смог для сравнения посетить французские или английские колонии этого региона.

Следующей остановкой Кюльца стала Ломе — столица германского Тоголенда. Со страниц книги доктора медицины этот город предстает весьма эклектичным: в нем перемешано все — от «стиля швейцарского дома с восточными мотивами до казарменных и монастырских зданий барачного типа». Впрочем, по мнению Кюльца, это не снижало общего благоприятного впечатления от Ломе, «напротив, различно спроектированные дома с их яркой краской в пальмовой зелени представляют собой разнообразную картину. Все дома объединяют две... общие черты... — широкая крытая веранда и высокий флагшток. На нем при каждом праздничном мероприятии, включая приход парохода с Родины, реют германские флаги»⁴¹.

Несколько в иных красках доктор описывал место службы — городок Кляйн-Попо, расположившийся в 50 км от Ломе.

Кюльц разделил его на две принципиально отличающиеся части — европейскую/цивилизованную и туземную/нецивилизованную. Причем на его суждения яркий отпечаток наложила профессия — он все оценивал с точки зрения гигиены.

Туземную часть Кляйн-Попо Кюльц увидел как нагромождение мазанок с тростниковыми крышами. У каждой хижины имелся «небольшой грязный двор, который одновременно служил кухней, местом для стирки и других работ женщин и детской игровой площадкой». «Добавьте, — продолжал запись германский врач, — неопределенные сложные запахи и оживите весь пейзаж чернокожими женщинами, мужчинами, забавно прыгающими, играющими толстопузыми (*dickbäuchigen*), грязными и голыми негритянскими детьми, курами, утками, голубями, козами, свиньями, которые все чувствуют себя одинаково комфортно в тепле и солнечном свете, вот какое Кляйн-Попо! Я не знаю, как правильно называть это — городом или деревней»⁴².

Под статью описанному туземному поселению была и поликлиника Кляйн-Попо для аборигенов. По наблюдениям Кюльца, она представляла собой «низкий одноэтажный домик, построенный по типу туземного жилища из глины с тростниковой крышей». Окна здания с залом посередине были без стекол. «Кроме зала... — продолжал запись Кюльц, — имеется еще три небольших подсобных помещения. Первое служит приемной, второе — аптекой для негров, последнее — для приема отдельных больных. К главному зданию примыкают два узких примитивных барака одинаковой конструкции, только еще ниже: я едва могу стоять в них; один из барakov для мужчин, другой для женщин. Там лежит большинство тяжелобольных и прооперированных до их выздоровления»⁴³.

Совершенно иную картину рисует Кюльц при рассказе о европейской части Кляйн-Попо. Ее олицетворяют расположенные на правильном расстоянии от «негритянской застройки» (с точки зрения гигиены) госпиталь им. Г. Нахтигала, таможня, здание почты, фактории семи фирм и две церкви — католическая и протестантская. Особенно благоприятное впечатление на Кюльца произвел госпиталь, «двухэтажный, просторный, с широкой круглой верандой, белый, с зелеными окнами и дверями, с большими светлыми комнатами»: «Расположение помещений разумно

и удобно. Верхний этаж служит медицинским отделением, в то же время там располагается квартира врача; на нижнем этаже расположены комнаты для трех сестер Красного Креста, а также богато оборудованная аптека, кладовые и общая столовая. Здесь же стоит пианино. Хотя отдельные клавиши запали, так как крысы съели войлочный намет молоточков, но их все же достаточно, чтобы сыграть некоторые родные песни. В задней части дома расположены две пристройки: в первой находится кухня, а сверху — операционная, отвечающая всем европейским требованиям, и химико-бактериологическая лаборатория; во второй — ванная и клозет»⁴⁴. Именно в этом даже по европейским меркам хорошо устроенном медицинском учреждении проходили лечение колонисты из Германии.

Впрочем, в весьма радужный образ госпиталя для белых поселенцев Кюльц добавляет темные краски. Выясняется, что к моменту его приезда зданию исполнилось семь лет и оно за время эксплуатации несколько обветшало от сырости и сильных ветров. Еще одной проблемой стал постоянный морской бриз, несущий много влаги, вследствие чего все состоящее из железа или имеющее железные части быстро ржавело и приходило в негодность⁴⁵. Даже хирургические инструменты, которые обычно делают из особых сплавов, в Кляйн-Попо для сохранения следовало постоянно и обильно смазывать специальными растворами. Климат пагубно сказывался и на кожаных изделиях: они быстро покрывались плесенью.

Трудности и их преодоление — неотъемлемая составляющая описания «африканского дня» у всех «колониальных младших сыновей». Л. Кюльц не стал исключением. В подтверждение приведем следующий отрывок из его записей: «Солнце здесь встает в шесть. Сумеречного часа не бывает ни утром, ни вечером, переход в дневное время происходит за считанные минуты. Как только стало светло (наши настенные часы прекратили свою работу уже давно от сырости), под моей спальней раздается звонок — мой знак чернокожим сотрудникам приступить к работе. Я быстро проверяю, в полном ли составе они появились; нарушители получают вычет из заработной платы. После я поднимаюсь в ванную, роскошью которой можно и нужно баловать себя здесь каждый день. (К сожалению, мы не можем доверять открытому

морю из-за акул.) Между тем Мориц... подает кофе на веранду... Производится обход больных европейцев. Полдесятого — время для завтрака вместе с сестрами в общей столовой или на просторной веранде.. После завтрака посещается поликлиника для туземцев... В зависимости от количества людей, ищущих помощи, это занимает у меня больше или меньше времени. ...И есть шанс закончить рабочий день уже утром. Все. День свободен; это означает, что я могу работать над тем, над чем хочу. Какой великолепный контраст между отечественной практикой, которая не позволяет ни на один час до самой ночи стать хозяином своего времени! Обычно я его заполняю тем, что оперирую одного или нескольких пациентов, оказавшихся в поликлинике накануне. Но для маленьких вылазок в окрестности, для ухода за нашим садом, для интересного исследования и так далее времени остается еще достаточно»⁴⁶. Поздно вечером Кюльц нередко выходил поохотиться на птиц и брал с собой Морица⁴⁷.

Также обязательным элементом «африканских историй» «младших сыновей колониальных героев» выступает путешествие вглубь Африки. Кюльц такое путешествие по германскому Того совершил дважды. Первый раз перед отпуском на родину с 5 по 12 декабря 1903 г. Второй после возвращения на Черный континент со 2 августа 1904 г. Причем во внутренние районы германских колоний Кюльц выезжал не только в познавательных целях, но прежде всего для проведения вакцинации туземного населения в северной части Тоголенда — в регионах Атакпаме и Сокоде⁴⁸.

При описании путешествия вглубь Африки Кюльц приводит сюжеты, схожие с сюжетами других авторов, совершавших подобные вояжи, — пишет о перенесенных трудностях, отсутствии комфорта и превосходстве белого человека в пробковом шлеме над дикой природой и неразвитостью аборигенов.

В свое второе путешествие в августе 1905 г. Л. Кюльц отправился «налегке» — на велосипеде. Правда, предусмотрительно впереди себя по маршруту послал караван из носильщиков под присмотром местного полицейского. Но даже эта мера не уберегла его от неожиданных опасностей: «...едва я проехал полчаса, как мой велосипедный фонарь взорвался, так что мне пришлось продолжать свое паломничество в глубокой темноте. После скучного

двухчасового марша в ночной темноте характерный запах, распространяющийся по окрестностям, сообщил мне о близости негритянской деревни. На этот раз я приветствовал его с исключительно большой радостью! Я вошел в первую попавшуюся хижину и дал понять ее обитателю, которого я только что побеспокоил во время его тихой вечерней трапезы, что он должен отвести меня к вождю. Уже через несколько минут я стоял в большом просторном доме, построенном по туземному типу и, к моему радостному удивлению, обитаемом европейцем — белым унтер-офицером Ш. Так как мои носильщики остались с моей кроватью, то я должен был провести ночь в шезлонге в сапогах; впрочем, я хорошо выпался»⁴⁹.

Как нам представляется, отмеченные Кюльцем сложности в его врачебной практике и трудности при путешествиях вглубь Африки неслучайны. И дело здесь не столько в стремлении к объективности, сколько в стереотипном видении «младшими сыновьями» своего места в колониальной политике, которую они рассматривали как служение Отчизне, и в необходимости несения «бремени белого человека». А на этом пути обязательно должны встречаться объективно существующие трудности, которым «младшие сыновья» противопоставляли технологию, гигиену и, шире, свои знания.

Отдельного внимания заслуживают суждения Л. Кюльца о жителях Черного континента. Еще до знакомства с текстом здесь мы можем ожидать объективности и беспристрастности. К этому подталкивают и слова самого Кюльца: «Профессия врача предлагает наилучшую возможность приблизиться к черному, отследить его чувства и мышление, его привычки, его большие и маленькие заботы, весь его образ жизни и постепенно все лучше и лучше понимать круг его мыслей. Часто короткий, утомительный для понимания разговор с черным пациентом заставляет меня сделать более глубокий взгляд на механизм души *homo sapiens*, чем длинный, гладкий разговор с образованным европейцем»⁵⁰.

Приведенное выше рассуждение более чем здраво, и опора на него дает надежды на выстраивание отношений европейцев и аборигенов на равных. Эти надежды усиливают оценки Кюльца, данные своим чернокожим помощникам Дови и Генриху. «Первый, — по словам немецкого врача, — проворный... и, возможно,

даже добросовестный человек около 25 лет. В течение многих лет он служил моему предшественнику — главному врачу Вику. Дови получил образование в Германии. Он прекрасно владеет немецким и английским языками и письменностью и в операциях очень хорошо помогает. Генрих моложе и новичок в Самаритянской службе, но проявляет много рвения и доброй воли»⁵¹.

Однако эти положительные характеристики сохранялись у Кюльца недолго. Позднее он будет упрекать своих помощников, особенно самого опытного и умного Дови, в частых обманах («больные родственники, которых срочно надо навестить»⁵²).

Негативные оценки давались им и другим аборигенам, чьи имена упоминались на страницах книги. Двенадцатилетние слуги врача Макс и Мориц оказались на деле «маленькими пройдохами»⁵³. Кстати, мальчикам, возможно, родители подарили другие имена, а эти Кюльц взял из произведения популярного немецкого поэта-юмориста Вильгельма Буша «Макс и Мориц. История мальчиков в семи проделках» («Max und Moritz. Eine Bubengeschichte in sieben Streiche»), впервые опубликованного в апреле 1865 г. На эту мысль наводят следующие факты, приводимые немецким врачом. Мориц, например, подавая Кюльцу утренний кофе, «своим сонным лицом» производил «особенно глупое впечатление»⁵⁴. Этот же мальчик обычно сопровождал врача во время вечерней охоты на птиц не только в качестве компаньона, но прежде всего вместо собаки — Мориц должен был приносить подстреленную дичь⁵⁵.

Все остальные туземцы на страницах книги Кюльца либо вообще не заслужили никаких оценок, кроме описания выполняемых ими функций (прислуживающие врачу девочки-сироты Халда и Фарфара моют посуду на кухне и подают на стол, Кваси и Менсах два раза в день поливают госпитальные овощные грядки и клумбы), либо представлены безликой массой, как элемент обстановки или транспорта. Таковыми, например, выступают четыре местных «черных жителя», которые, сменяя друг друга, пронесли Кюльца в гамаке 50 км из Ломе к месту службы в Кляйн-Попо⁵⁶.

Пренебрежительное отношение к аборигенам просматривается у Кюльца даже при описании научных изысканий в области борьбы с малярией. «Тогда, — писал немецкий врач, — было

распространено заблуждение, что атмосфера лагуны (Кляйн-Попо) сама по себе может вызвать малярию. ...Сегодня мы знаем, что она не передается миазмами от негра к белому, но именно комары являются переносчиками малярии, и что лагуна лишь косвенно представляет опасность для европейца (застойные пруды и лужи, образующиеся при подъеме и падении уровня воды), предоставляя комарам удобные очаги размножения. Гораздо большая и прямая опасность для европейца исходит от непосредственного соседства с туземцами, от плотного сосуществования с ними. Узкие темные улочки, низкие хижины с соломенными крышами — это места скопления комаров; хлам, старые бутылки, жестяные сосуды, горшки с несвежей водой в домах — это такие же, а возможно даже предпочтительные, места размножения, поэтому комары кажутся “домашними животными”. Но прежде всего следует иметь в виду, что только тот москит опасен для европейца, который ранее заразился от негра, зараженного зародышами малярии»⁵⁷.

Приведенная цитата свидетельствует, по мнению автора настоящей публикации, о том, что доктор медицины Л. Кюльц, прибывший в колонию для лечения людей и лично декларирующий свое максимальное приближение к Другому, считает: проблема профилактики малярии наиболее эффективно должна решаться скорее сегрегацией (тем, что позже назовут апартеидом), чем стремлением к повышению уровня санитарии в среде туземного населения.

Различия белых и черных подчеркивались Кюльцем даже при описании болезней. «Особенно высокий контингент всех лиц, ищущих помощи, — писал немецкий врач, — представляют пациенты с язвами. С этими язвами, обычно поражающими нижние конечности, негры часто приходят в поликлинику. Язвы у них огромного размера и в неописуемо запущенном состоянии, поэтому иногда первая медицинская помощь заключается в удалении яиц насекомых и личинок, которые там поселились. Такие раны врач вряд ли когда-либо увидит в Европе. Тем не менее при надлежащем антисептическом лечении они проявляют тенденцию к быстрому заживлению. Причины этих язв ног различны. Во-первых, кожа негра (это знание я получил именно во время вакцинации) оказалась более нежной, чем у европейца, хотя,

возможно, следовало бы ожидать противоположного. Кроме того, босоногий туземец подвергается всевозможным незначительным травмам нижних конечностей. Укусы комаров, колючки кактуса, камешки, песчаные блохи, царапины вызывают изначально небольшую, безвредную рану. Из-за нечистоплотности, неверного лечения и известной индолентности негра они постепенно принимают злокачественный характер, и только на этом этапе медицинская помощь считается необходимой. О большей (чем у европейца) способности организма негров к заживлению ран сообщают почти все тропические врачи. Она, по-видимому, обусловлена не внешними, климатическими условиями, а специфическим свойством, присущим негру. У европейцев в тропиках часто наблюдается обратное: медленное, плохое заживление даже мелких ран»⁵⁸.

Кстати, подобные рассуждения о физиологическом отличии негра от белого встречаются во всех известных автору эгоистических «младших сыновей колониальных героев». П. Э. фон Леттов-Форбек, описывая марш своей колонны во время военного похода, обратил внимание на сильно изувеченные ранами ноги носильщиков-негров. Некоторые из них «отрывали мешающие продолжению движения поврежденные части своих стоп»⁵⁹. Чуть позже, захватив португальский склад с продовольствием, где имелся запас в несколько десятков тонн различной еды — от пшеничной муки до вин и сыров, тот же автор сокрушался, что среди припасов нет негритянской еды для носильщиков и «верных аскари»⁶⁰. Чрезвычайную выносливость туземцев отмечал также топограф Р. Ганссер⁶¹.

В рассматриваемую эпоху в массовом европейском сознании существовал стереотип о положении негра между обезьяной и человеком. Например, для колониального офицера Э. фон Шаурота, подавлявшего восстание нама в Юго-Западной Африке, весь Черный континент был «страной обезьян»⁶². Л. Кюльц в отличие от этого и других авторов реже использует применительно к туземцам субстантивированное прилагательное «черный» и не отказывает им в человеческих качествах. Вместе с тем, как и у других «младших колониальных сыновей», в его письмах и записках ярко просматривается патернализм и комплекс превосходства цивилизованного белого человека над африканским невежеством,

даже при описании врачебной практики: «Я сидел за своим столом, когда вдруг ко мне подошли двое чернокожих и попросили меня как можно скорее прибыть в их деревню. Каное для меня уже ждет на берегу. Черный солдат был укушен ядовитой змеей! Я взял из аптеки хирургические инструменты, шприц для инъекций, Kalium hypermanganicum и дозу кальметтовской сыворотки. Я поспешил к берегу и сел в каное. Это было мое первое близкое знакомство с лагуной, феерическая ночная поездка в ярком африканском лунном сиянии! В тростниках на берегу были слышны звуки бесчисленных сверчков, тысячи маленьких светлячков сияли во влажной траве и летучие мыши охотились за своей добычей... через полчаса мы были на финише. Укушенный лежал в глубоком сне, опьяненный большим количеством выпивки, которую ему дали. По-видимому, даже здесь алкоголь считается эффективным противоядием при змеином укусе. К тому же его товарищами были совершенно искусно надрезаны сосуды над местом укуса. Я сделал ему на маленьких, едва заметных следах зубов крестообразные разрезы, обработал рану раствором перманганата калия и вскрыл, так как яд стал уже распространяться дальше, в главные вены голени. Алкогольная анестезия избавила пострадавшего от любой боли. Сыворотка Кальметта, которую я плеснул ему возле укуса, вызвала сильное, но желательное кровотечение, которое я наконец успокоил повязкой»⁶³.

В связи с описанным фактом Кюльцу вспомнился похожий случай, который имел место ранее и закончился трагически: «у умершего от укуса такой же змеи (шумящей гадюки)» врач нашел некий черный порошок, которым скончавшегося лечили — смазывали укушенное место и давали принимать внутрь. «Я, — записал Кюльц, — взял черный порошок, содержащийся во флаконе, чтобы определить, что это такое. Исследование показало, что это был обычный порошкообразный уголь»⁶⁴.

Превосходство европейцев Л. Кюльц оттеняет даже в тех местах своих записей, где признает за аборигенами обладание знаниями, которые малодоступны белым. «Как и у всех примитивных (природных) народов, — отмечает германский врач, — у тогоского негра есть свои лекарства. Именно интимное соприкосновение с природой и наблюдение подсказали ему в растительном и животном мире множество веществ, влияющих на его

организм. Таким образом он пришел к знанию растительных и животных ядов и воспользовался их действием. Многие из используемых им средств по-прежнему окутаны полной темнотой в отношении их состава, способа изготовления и механизма действия. Мы не знаем, например, сегодня активных составляющих чрезвычайно сильного яда для стрел или смертоносного шаманского зелья. Большая часть лекарств — это тайна знахаря. Его репутация среди соотечественников основана не на его священническом достоинстве, а на уважении, которым он пользуется благодаря своей таинственной способности излечивать людей»⁶⁵. Причем случаи излечения местными лекарями нередко были связаны с европейским влиянием. Кюльц подтверждает это случаем с «черным доктором», который пользовался популярностью как у туземцев, так и у части малообразованных белых колонистов. По словам германского врача, этот лекарь своими успехами был обязан зачаткам медицинских знаний, которые приобрел за годы службы в госпитале им. Нахтигалья, и украденным там лекарствам⁶⁶. Кстати, из госпиталя этого «черного доктора» в свое время уволили как профессионально непригодного.

Кроме того, согласно Кюльцу, у аборигенов были крайне примитивные знания об анатомии: «Живот вообще они называют, например, *do*, и в нем они различают суммарно *dogbó* — “большой живот” = желудок — и *doví* — “маленький животик” = кишечник»⁶⁷. К тому же африканцы испытывали страх перед аутопсией⁶⁸.

Из приведенного выше материала Кюльц делает следующий вывод: превосходство действенной медицины, которую практиковали европейцы, возносило их в глазах туземцев на божественный уровень. Впрочем, доктор медицины признавал, что полностью искоренить знахарство не удастся. И не только у африканцев, но и у части белых. «В нашем столетии, гордом своим просвещением, — писал он, — тысячи становятся жертвами самых наглых шарлатанов».

Европеец в глазах Людвига Кюльца стоит выше обитателя Африки, и он, как отмечалось ранее, должен одновременно служить в колониях Отечеству и заниматься культуртрегерством — нести «бремя белого человека» по приобщению туземцев к культуре. А при решении второй задачи остро вставал вопрос о воспитании. Кюльц неоднократно поднимал данную тему в записках

и письмах. Причем особое внимание он обращал на сложный и необычный «материал», с которым предстоит работать белым культуртрегерам. Под этим материалом имелись в виду жители Черного континента. «Воспитание туземца, — писал Кюльц, — в основных моментах соответствует воспитанию ребенка, но — и это должно быть подчеркнуто! — частью еще совершенно неразвитого, частично извращенного ребенка, извращенного дикой природой, в которой он живет и которая почти без усилий жертвует все, что ему нужно»⁶⁹.

При таком положении многое (если не все) зависит от воспитателя — белого человека. И тут, как выясняется, не все было благополучно. По наблюдениям Кюльца, многие европейцы в колониях оказались непригодными для выполнения культуртрегерской миссии⁷⁰. Согласно самому врачу, образцовое «воспитание негров должно быть справедливым и строгим. Нашу уступчивость или мягкость... — подчеркивал врач, — черный всегда будет неправильно понимать и легко интерпретировать как слабость, которой он обязательно воспользуется. Мы ведь часто воспитываем наших детей против их воли, не заботясь о том, понимают ли они наши действия или нет, и никто не сочтет несправедливым наказание расшалившегося ребенка»⁷¹. Далее Кюльц ставит риторический вопрос, зачем европейцу воспитывать негра, и тут же пишет: «Мой короткий ответ: чтобы работать для нас. Если мы это сделаем, то получим материальную выгоду, с одной стороны, и облагораживание туземцев — с другой, потому что работа никогда не оказывала иного влияния, кроме как облагораживающего. Любое колониальное стремление к политике, которая имеет в виду эту конечную цель, должно приветствоваться; всякое другое, что мешает ей, должно рассматриваться как паразитическое. Для работы мы должны воспитывать негра подобно тому, как мы хотим воспитывать ребенка, чтобы развивать способности, которые впоследствии дадут ему возможность быть полезным для общества звеном человечества»⁷². Все остальные объяснения колониальной политики в отношении туземцев доктор Кюльц считал лукавством.

Итак, средством «правильного воспитания» негра, согласно колониальному врачу, является труд на благо белого человека, но к этому туземца следует подталкивать. Кюльц оставил

размышления и на эту тему: «Часто говорят, что негр ленив. Это правильно и неправильно одновременно. Трудолюбие — очень относительный термин, и если сравнить тогосского негра с другими племенами, например с югозападно-африканскими племенами готтентотов, то он гораздо более трудолюбив. Но его воля к работе ограничена. Он работает по своему усмотрению столько, сколько ему нужно, чтобы жить. Для большего потребно мощное воодушевление. Стимулирование и укрепление воли к работе — это рычаг, которым воспитатель должен воспользоваться в первую очередь. Если этого будет недостаточно, в качестве второго средства, часто необходимого, добавляется принуждение. Выплата заработка либо в монете, которую негр может потратить на что-то по своему вкусу, либо в товарах, соответствующих его потребностям, буквально приводит негра на работу»⁷³.

Оплата труда туземцев деньгами или товаром, согласно Кюльцу, применима только в случае их работы на европейцев. Еще одним инструментом стимулирования он называл налогообложение в денежной форме. Подобные настроения, по-видимому, в начале XX в. уже широко распространились в среде германских колонистов. Во всяком случае, за тысячи километров от мест, где трудился Кюльц, на юго-востоке Черного континента (германская Восточная Африка) в городке Табора начальник местного округа Р. Ганссер попытался наладить денежное обращение и собирать с туземных жилищ налоги в денежной форме⁷⁴.

Исключительно рациональный подход к проблеме воспитания туземного населения германских колоний, по мнению самого доктора, отнюдь не исключал высоконравственной составляющей «миссии белого человека» в Африке. «...Наоборот, — писал Кюльц, — разве это не нравственная заслуга, когда на благо Отечества открываются чужие территории?»⁷⁵ Несомненно, в этих словах отчетливо просматривается не столько этнокультурный, сколько внешнеполитический стереотип, детерминированный ратцелевскими идеями о «Lebensraum».

Образ немца (и, шире, европейца), несущего посредством экспансии цивилизацию «природно-диким», ориентальным народам, имел политическую и внешнеполитическую коннотацию. Например, в языковом вопросе, который перерос в проблему колониальной политики. Этот сюжет также не прошел мимо Кюльца.

«Странно, что для наших колоний вообще существует языковой вопрос, — писал он, — но он есть. До сих пор в немецкой колонии немец готов поддерживать как средство общения с туземцами не немецкий, а английский. Даже сегодня английский занимает более важное место в учебной программе миссионерских школ, чем немецкий! Мы, немцы, к сожалению, в вопросах национальной гордости по-прежнему остаемся неприхотливым народом... Если туземец изучил английский язык с помощью немца, то достаточно только заманчивого предложения от английской компании, чтобы он перешел к ним, немец всего лишь тщательно подготовил клерка для англичанина! То, что черный легче понимает английский, чем немецкий, и что, в частности, чудовищный пиджин-инглиш предлагает большие удобства для взаимопонимания, не может быть ни в коей мере обоснованием неудачи тех, кто призван научить туземцев немецкому языку!»⁷⁶

Кюльц, высказываясь за обучение африканцев — жителей германских колоний немецкому языку, вступил в полемику с колонистами Тоголенда, которые не поддерживали идею образования туземцев, опасаясь, что негр, знающий немецкий, сможет «подслушивать разговоры европейцев». Обращаясь ко всем им, Кюльц записал: «Я отвечаю: в присутствии негра не ведите разговоров, не предназначенных для его ушей, точно так же нужно проявлять осторожность в присутствии прислуги или детей»⁷⁷.

Доктор медицины Л. Кюльц в своих записях обратился к теме, нечасто встречающейся в эго-источниках немецких современников-колонизаторов, — теме утверждения в Африке христианства как показателя приобщения туземцев к европейской культуре. Причем в своих рассуждениях немецкий врач пришел к выводу, который на первый взгляд вступал в противоречие с курсом Второго рейха, но о котором он заявил публично: деятельность христианских миссионеров на Черном континенте потерпит фиаско. Провал, по его мнению, будет обусловлен рядом причин.

Первая причина — соперничество христианских церквей и невысокий теологический уровень протестантских проповедников. В католической миссии с образовательной подготовкой дело обстояло лучше, однако и это положение не спасало. В итоге, по словам Кюльца, указанное в разных церковных и светских

документах «число прихожан часто было далеко от реальности»⁷⁸. Так же обстояло дело и с данными о принятии туземцами христианской морали. Вообще рационалист Кюльц о статистике и миссионерских успехах разных конфессий высказывался почти саркастически: «Если бы у меня была власть, я бы сделал следующее предложение. В уголовных списках районных отделений и станций около имени каждого наказанного туземца делать небольшую отметку о том, крещен ли деликвент или нет, и как долго он принадлежит христианской общине... Затем ежегодно исчислять процент наказаний, которые приходится на крестившихся и на язычников района, конечно, от их общего числа. Я почти уверен, что результат будет совершенно неожиданным. Я убежден: если бы Того покинули сегодня все европейцы и вернулись примерно через 20 лет, то не нашлось бы ничего из всех признаков культуры, которыми мы с определенной гордостью восхищаемся сегодня. Негр быстро погрузится в свое прежнее состояние, и его христианство тоже превратится в руины»⁷⁹.

Второй причиной, по которой, с точки зрения Кюльца, христианская миссия в Африке провалится, являлся ислам. Немецкий врач писал по этому поводу: «Во многих колониальных кругах серьезно высказывается мнение, что ислам для негра “более уместен”, чем христианство. Я не сомневаюсь: негру будет легче принять его, особенно потому, что он допускает полигамию»⁸⁰.

Но самой серьезной причиной, которая препятствовала распространению христианства на Черном континенте, по словам Кюльца, была третья — существование христианского постулата о равном праве для всех рас: «Это было бы большой бедой, если бы он когда-либо одержал верх. Именно на убеждении в разнообразии рас, в справедливости возвышения белых в последнее время строится вся правомерность нашей колониальной политики; из нее само по себе может быть получено разрешение на колониальные приобретения... Негр-христианин больше всего ищет в христианской этике фразу о равенстве, братстве всех людей. Я не хочу сомневаться в том, что это равенство преподается ему миссионерами только как равенство всех *перед* Богом. Но поразительно, как негр извращает это равенство по своему вкусу! Да, он применяет это понятие именно к белому, тогда как, с другой стороны, он с презрением относится ко всем другим негритянским

народам, называя их “бушнеграми”. Я мог бы дать довольно много забавных иллюстраций к этой серьезной главе»⁸¹.

В контексте вышеприведенных рассуждений о будущем христианства в Африке и для подтверждения своих наблюдений Кюльц приводит беседу с помощником по поликлинике Дови⁸²:

Д о в и. Доктор, что лучше, быть протестантом или католиком?

Я. Почему ты хочешь знать это?

Д о в и. Я хочу крестить себя и своих детей и еще не знаю где.

Я. Почему ты хочешь креститься?

Д о в и. Потому что белый человек крещен, христиане — все братья, и я буду братом белого человека.

Я. Являются ли люди из буша вашими братьями?

Д о в и (с большим возмущением в голосе). Нет!

Я. А в чем разница между христианами и язычниками?

Д о в и. Я знаю это уже давно, и поэтому я хотел креститься раньше.

Я. Почему ты это откладывал?

Д о в и. У меня две женщины, и обе мне одинаково дороги, но когда я стану христианином, я должен буду решить, кого оставить. Затем одна из них уйдет, найдет другого мужчину и заберет своего ребенка, и оба больше не будут работать на меня.

Я. Ты хочешь отправить одну из своих жен обратно домой?

Д о в и. Да, я должен это сделать, потому что миссионер говорит, что если я хочу стать христианином, это необходимо. Я хочу оставить Сулейку и отправить вторую жену к ее родственникам.

Я. Тебе хочется этого?

Д о в и. Нет.

Я. А почему ты хочешь сохранить именно Сулейку?

Д о в и. Потому что она родом не из этих мест и не имеет здесь родственников, которые могут заботиться о ней.

Я. Почему у вас вообще есть несколько женщин?

Д о в и. Доктор, есть много причин.

Я. Назови мне самую важную!

Д о в и. Чернокожий мужчина говорит: если у женщины будет мой ребенок или имеется мой ребенок, который все еще пьет ее молоко, то это нехорошо не быть с ними вместе.

Я. Так кто же лучше, протестанты или католики?

Д о в и. Протестанты

Я. Почему?

Д о в и. Потому что губернатор тоже протестант.

Выводы

Доктор медицины Людвиг Кюльц — типичный «младший сын» эпохи «колониальных героев». Он получил медицинское образование, занял место в военно-государственной системе Второго рейха и отправился служить в колонии. Его записи и письма охватывают период активного укрепления Германии на Черном континенте, когда кайзеровская империя решительно пресекала все попытки сопротивления туземцев, руководствуясь принципом *divide et impera*. Кроме того, это была эпоха модернизации. Второй рейх стремительно трансформировался в империю, а этот процесс, помимо преобразований в политической и социально-экономической сферах, вел к изменениям в системе ценностей.

Анализ писем и записок Л. Кюльца показывает, что они составлены, несомненно, интеллектуалом. На их содержание существенное влияние оказали воспитание, образование и профессия автора. Изученные материалы отличает не только высокая научность, но и строгий рационализм, внимание автора даже к мелким деталям. А поскольку колониальный врач — важное звено колониальной системы, то сформировавшиеся у Л. Кюльца образы-представления можно определить как знаковые для германского колониального общества времен кайзеровской империи (с обязательной поправкой на индивидуальные знания и особенности мировосприятия).

Представления Кюльца о служении в Африке и об аборигенах укладываются в традиционный для конца XIX — начала XX в. дискурс: стремление служить в колониях Германской империи и готовность переносить во имя ее величия тяготы сочетались у него с патернализмом в отношении местных жителей и чувством превосходства над ними.

Существует мнение, что образы Другого формировались у европейских колонизаторов на основе инокультурных, этнических и внешнеполитических стереотипов⁸³ и под влиянием личного опыта — прямого контакта с туземцами на поле боя, за столом переговоров или в поликлинике. В этом контексте записки доктора Кюльца стоят по сравнению с другими известными нам источниками личного происхождения, написанными проводниками германской колониальной политики на Черном континенте,

возможно, на самой высокой ступени. Владение автором одной из наиболее востребованных профессий, буквальная инкорпорированность в пациента через повседневную практику, казалось, должны были бы создать идеальные условия для формирования положительного образа Другого. Но этого не произошло. Компаративный анализ писем и записей колониального врача Л. Кюльца свидетельствует о системной проблеме германских колоний — латентном, открытом или бытовом расизме. По гамбургскому счету Кюльц, будучи представителем одной из самых гуманных профессий, в своих суждениях об африканцах недалеко ушел от других «младших сыновей» германской колонизации Африки — тех же офицеров Э. фон Шаурота и П. Э. фон Леттов-Форбека или окружного начальника Р. Ганссера. Кроме того, у всех этих авторов отчетливо просматриваются националистические и геополитические идеи Ф. Ратцеля в духе пресловутого «Lebensraum».

У Кюльца для выстраивания образов Другого постоянно присутствует дихотомия — немецкий/белый/европейский/цивилизированный versus тонголезский/черный/африканский/нецивилизированный. Это противостояние необходимо доктору для конструирования образов как туземцев, так и собственно германских колонистов и объяснения их миссии на Черном континенте. То есть данное противопоставление выступает базовым элементом мировидения, который немецкий ученый И.-Б. Нойман (применительно к восприятию России в Западной Европе) обозначил термином «конституирующий чужой»⁸⁴. Этот термин подходит также к оценке работ авторов из современного Кюльцу «колониального ансамбля». Схожи они и в поведении. Буквально для всех «колониальных младших сыновей» была характерна эгоцентричность. Для них, так же как для Кюльца, все окружение, включая соотечественников, не говоря уж о туземцах, было всего лишь игровым пространством, предназначенным для подчеркивания значимости собственного Я на ниве служения Отчизне, несения бремени культуртрегерства белого человека и удовлетворения личных потребностей, например, в науке или карьере.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Дрекслер Х.* Юго-Западная Африка под германским колониальным господством, 1884—1915 / пер. с нем. А. С. Балезиной; предисл. С. Нуйомы. М., 1987; *Ерусалимский А. С.* Колониальная экспансия капиталистических держав и освободительное движение народов Южной Африки и Китая в XVII—XIX вв. М., 1974; История германского колониализма в Африке / под ред. А. Б. Давидсона. М., 1983; *Лот Г.* Вторжение в Восточную Африку: пер. с нем. М., 1971; *Пегушев А. М., Туполев Б. М.* Восстание Маджи-Маджи: становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке. М., 1994; *Фокин С. В.* Колониальная политика Германии в 1871—1941 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; *Michael B.-Ud.* Die Prugelstrafe in den deutschen kolonien Afrikas: Ihre Bedeutung und Funktion für die Kolonialherrschaft. Mainz, 2000; *Schreiner A.* Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik 1871—1945. Berlin, 1978. Bd.1: Riss and Fall Colonial Empire, 1871—1918.
- ² *Калистратов А. Ю.* «Из Африки»: утраченные иллюзии // Новое прошлое = The New Past. 2017. № 1. С. 30—44; *Калистратов А. Ю., Черноперов В. Л.* Образы-представления о Черном континенте и африканцах у германского колониального офицера Рудольфа Ганссера // Интеллигенция и мир. 2018. № 4; *Их же.* Германский колониальный офицер Эрих фон Шаурот и его представления об африканцах в период подавления восстания нама 1904—1907 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6.
- ³ *Кюльц Л.* Ответ на «Записки врача» В. Вересаева немецкого врача: пер. с нем. М., 1902.
- ⁴ *Гуревич А. Я.* О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2—3; *Корнев В. П.* Кризис исторической науки в России // Кентавр. 1994. № 4; *Согрин В. В.* Российская история на переломе: причины, характер, следствие // Общественные науки и современность. 1994. № 1.
- ⁵ *Усманов С. М., Черноперов В. Л.* Российская интеллигенция и западные интеллектуалы в современном мире: модели социально-политического поведения: вместо введения // Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: коллективная монография / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново, 2014; *Их же.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: самоопределение, социальный профиль,

- судьба // Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные... и похожие: проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века: коллективная монография / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново, 2016.
- ⁶ *Оришев А. Б.* [Рецензия] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5. Рец. на кн.: Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности : коллективная монография / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014; *Софронова Л. В., Хазина А. В.* Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные... и похожие // Диалог со временем. 2018. № 64.
- ⁷ См., напр.: *Усманов С. М., Черноперов В. Л.* Европа между прошлым и будущим: поиски и надежды Юргена Хабермаса // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1—2; *Их же.* Сила и бессилие «транснациональных интеллектуалов»: случай Ральфа Дарендорфа // Интеллигенция и мир. 2020. № 2; *Chernoperov V. L., Usmanov S. M.* Russian intelligentsia in the socio-political transformations of the XX century: between ideals, virtuality and creation reality // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6, № 3S.
- ⁸ *Давидсон А. Б.* Сесиль Родс и его время. М., 1984.
- ⁹ Там же. С. 8.
- ¹⁰ Там же. С. 9.
- ¹¹ *Militär und Geschichte.* 2010. № 6 (Oktober — November). S. 17.
- ¹² См., напр.: *Peters K.* Das Deutsch-ostafrikanische Schutzgebiet. München; Leipzig, 1895; *Idem.* Das goldene Ophir Salomos. München; Leipzig, 1895; *Idem.* Lebenserinnerungen. Hamburg, 1918.
- ¹³ *Peters K.* Die deutsche Emin-Pascha-Expedition. München; Leipzig, 1891.
- ¹⁴ *Peters C.* New Light on Dark Africa: Being the Narrative of the German Emin Pasha Expedition, Its Journeyings and Adventures Among the Native Tribes of Eastern Equatorial Africa, the Gallas, Massais, Wasukuma, etc., etc., on the Lake Baringo and the Victoria Nyanza. London; New York; Melbourne, 1891.
- ¹⁵ *Пуховская Е. Ю.* Колониальная идея в кайзеровской Германии: замыслы и воплощение: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2001. С. 5.
- ¹⁶ *Иванова А. Д.* О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского университета. 2016. № 11.
- ¹⁷ *Земсков В. Б.* Несколько слов об этой книге // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX — начало XXI в.) / отв. ред. В. Б. Земсков. М., 2011. С. 3.
- ¹⁸ *Земсков В. Б.* Россия «на переломе»: вводная статья // Там же. С. 7.

- ¹⁹ Там же. С. 8.
- ²⁰ Там же. С. 12—13.
- ²¹ Там же. С. 19.
- ²² Там же. С. 24.
- ²³ Там же. С. 11.
- ²⁴ *Голубев А. В., Есаков В. Д.* Сорок лет Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН // Труды Института российской истории РАН. М., 2010.
- ²⁵ *Голубев А. В.* «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920—1930-х годов. М., 2004; *Его же.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: советское общество и внешняя угроза в 1920—1940-е гг. М., 2008; *Его же.* «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922—1941 гг. М., 2018.
- ²⁶ *Голубев А. В.* «Подлинный лик заграницы»... С. 6.
- ²⁷ *Нахтигаль Г.* Сахара и Судан: результаты шестилетнего путешествия по Африке / сокр. пер. с нем. Г. А. Матвеевой; отв. ред. Л. Е. Куббель. М., 1987.
- ²⁸ Об экспедиции подробнее см.: *Grüntzig J. W., Mehlhorn H.* Expeditionen ins Reich der Seuchen. Medizinische Himmelfahrtskommandos der deutschen Kaiser- und Kolonialzeit. München, 2005.
- ²⁹ См., напр.: *Külz L.* Die Dysenterie: fünf gemeinverständliche Vorträge über ihr Wesen, ihre Verhütung und Selbstbehandlung bei Europäern und Farbigen in den Tropen. Hamburg, 1913; *Idem.* Zur Biologie und Pathologie des Nachwuchses bei den Naturvölkern der deutschen Schutzgebiete. Leipzig, 1919; *Idem.* Die Hausapotheke des Auslanddeutschen. Hamburg, 1920.
- ³⁰ См., напр.: *Кюльц Л.* Ответ на «Записки врача» В. Вересаева...
- ³¹ *Külz L.* Blätter und Briefe eines Arztes aus dem tropischen Deutschafrika. Berlin, 1910.
- ³² *Gansser R.* «Nicht als Abenteuerer bin ich hierhergekommen...»: 100 Jahre Entwicklunge «Hilfe»: Tagebücher und Briefe aus Deutsch-Ostafrika, 1896—1902. Frankfurt a/M., 1991. S. 140.
- ³³ *Lettow-Vorbeck P.* Meine Erinnerungen aus Ostafrika. Leipzig, 1920. S. 160.
- ³⁴ *Schauroth E. von.* «Liebes Väterchen...»: Briefe aus dem Namaaufstand 1905—1906 / Hrsg. B. Kroemer. Windhocka, 2008.
- ³⁵ *Külz L.* Blätter und Briefe... S. 15.
- ³⁶ *Ibid.* S. 92.

- ³⁷ *Ratzel F.* Die Gesetze des räumlichen Wachstums der Staaten. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen politischen Geographie // Petermanns Geographische Mitteilungen. 1896. Jg. 42.
- ³⁸ *Külz L.* Blätter und Briefe... S. 13.
- ³⁹ *Schauroth E. von.* Op. cit. S. 24.
- ⁴⁰ *Külz L.* Blätter und Briefe... S. 14.
- ⁴¹ *Ibid.* S. 15.
- ⁴² *Ibid.* S. 18.
- ⁴³ *Ibid.* S. 23.
- ⁴⁴ *Ibid.* S. 19.
- ⁴⁵ *Ibid.* S. 18.
- ⁴⁶ *Ibid.* S. 30.
- ⁴⁷ *Ibid.* S. 24.
- ⁴⁸ *Ibid.* S. 90.
- ⁴⁹ *Ibid.* S. 136.
- ⁵⁰ *Ibid.* S. 69.
- ⁵¹ *Ibid.* S. 23.
- ⁵² *Ibid.* S. 59.
- ⁵³ *Ibid.* S. 24.
- ⁵⁴ *Ibid.* S. 30.
- ⁵⁵ *Ibid.* S. 24.
- ⁵⁶ *Ibid.* S. 17.
- ⁵⁷ *Ibid.* S. 27.
- ⁵⁸ *Ibid.* S. 77.
- ⁵⁹ *Lettow-Vorbeck P.* Op. cit. S. 224.
- ⁶⁰ *Ibid.* S. 160.
- ⁶¹ *Gansser R.* Op. cit. S. 97.
- ⁶² *Schauroth E. von.* Op. cit. S. 12.
- ⁶³ *Külz L.* Blätter und Briefe... S. 21.
- ⁶⁴ *Ibid.* S. 22.
- ⁶⁵ *Ibid.* S. 77.
- ⁶⁶ *Ibid.*
- ⁶⁷ *Ibid.* S. 79.
- ⁶⁸ *Ibid.* S. 77.
- ⁶⁹ *Ibid.* S. 82.
- ⁷⁰ *Ibid.* S. 93.
- ⁷¹ *Ibid.*
- ⁷² *Ibid.* S. 94.
- ⁷³ *Ibid.* S. 95.
- ⁷⁴ *Gansser R.* Op. cit. S. 171.
- ⁷⁵ *Külz L.* Blätter und Briefe... S. 94.

⁷⁶ Ibid. S. 48.

⁷⁷ Ibid. S. 49.

⁷⁸ Ibid. S. 80.

⁷⁹ Ibid. S. 82.

⁸⁰ Ibid. S. 83.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid. S. 80.

⁸³ *Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»... С. 5.

⁸⁴ *Neumann I.-B.* *Uses of the Other: «The East» in European Identity Formation.* Minneapolis, 1999.

DOI: 10.46725/IW.2020.3.6

А. А. Соловьев

АКАДЕМИК Е. Е. ГОЛУБИНСКИЙ В ИНТЕРЬЕРЕ ЭПОХИ

Введение

Как неоднократно подчеркивал в своих последних выступлениях и частных разговорах В. С. Меметов, интеллигенция есть *штучный товар*, в каждом из ее представителей выкристаллизовываются основные интеллектуальные и духовно-нравственные тенденции эпохи. Изучая жизнь и профессиональное служение интеллигенции, мы тем самым можем более детально рассмотреть социальные институты и процессы в конкретно-исторический период, восполнить необходимые частности исторического времени. Следуя этому научно-методологическому завету основателя и бессменного руководителя ивановской школы интеллигентоведения профессора В. С. Меметова¹, мы попытаемся в своем исследовании на примере личности и творческой биографии академика Е. Е. Голубинского проанализировать проблемное поле социокультурного ландшафта конца XIX — начала XX в. в России.

© Соловьев А. А., 2020

Соловьев Андрей Авенирович — доктор исторических наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет, anh7@rambler.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University).

Актуальность исследования

В настоящее время одной из важнейших проблем в области гуманитарного знания является, пожалуй, намеренное в угоду политической конъюнктуры или же произвольное в силу профессиональной непригодности искажение исторических и иных видов источников. Низведение смыслов Текста до уровня примитивного вульгаризированного знания, облеченного в *common sense* житейского невежества, рождает, в сущности, симулякр интеллектуальной деятельности — оболочку, лишенную содержания. Вольная интерпретация информационных потоков, апеллирующая к низменным стадным инстинктам, вызывает агрессию к другому, чуждому мнению, что, к сожалению, становится доминирующим трендом современного мира. Заключение об этом процессе не является откровением, однако его геометрическая прогрессия в XXI в. — времени высоких технологий и глубоких разрывов изначальной целостности человеческого универсума — свидетельствует в определенной степени о периферийной роли и функции знания и девальвации Слова, когда-то призванного быть сакрализацией Сущего.

В этой связи возникает настоятельная потребность обратиться к личности и творческому наследию ученого, интеллектуальная честность и профессиональное служение которого являются своеобразным индикатором развития научного знания в настоящем и будущем. Речь пойдет об академике Е. Е. Голубинском.

Вехи биографии как отражение социокультурного ландшафта

Евгений Евсигнеевич Голубинский родился в 1834 г. в селе Матвеево Кологривского уезда (ныне входит в состав Парфеньевского района) Костромской губернии в семье священника. Евсигней Фёдорович Песков, отец будущего академика, служил в то время третьим священником церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Старшим же священником церкви был Феодор Никитич Елизаров, дед будущего писателя и публициста В. В. Розанова. Сам Василий Васильевич Розанов родился в городе Ветлуге Костромской губернии в 1856 г., однако отец его, Василий Феодорович Розанов, появился на свет и провел детские годы именно в селе Матвеево. В воспоминаниях о детстве Е. Е. Голубинский

буквально в двух предложениях характеризует деда В. В. Розанова: «Начальный наш иерей... был человек очень смелый, не робевший и самого архиерея. Во всю мочь и нисколько не церемонясь он обличал и расписывал побирошество и обирошество приказных, от которых-де житья нет...»² Вот так во времени и пространстве пересекаются судьбы двух, казалось бы, во многом непохожих друг на друга представителей верхнего культурного слоя русского интеллектуального общества. Однако при всей несхожести их профессиональной и личной жизни — академический ученый и совершенно оригинальный публицист — есть в их служении нечто сближающее, ментально родственное. И конечно же, это не исчерпывается костромскими корнями или местом последнего упокоения — оба нашли свой вечный покой в Сергиевом Посаде с разницей в семь лет. И Голубинский, и Розанов, каждый *в своем углу*, отстаивали право на творение и сохранение *лица не общим выраженьем*, по образной характеристике Баратынского. В этом, собственно, и заключается смысл частного человеческого существования и существования культуры в целом.

В некогда богатом селе Матвеево имелось две церкви: Воскресенская (конец XVIII в.) и уже отмеченная нами Рождества Пресвятой Богородицы (середина XIX в.). В настоящее время они представляют собой лишь остовы, руины, бывшие когда-то местом притяжения всей округи и основой культуры повседневности прилегающих к селу деревень. В богоборческие 30-е гг. XX в. эти храмы перестали функционировать и разделили судьбу многих храмовых комплексов, а сегодня оказались не востребованными ни государством, ни церковным институтом. Реставрация их практически невозможна, однако консервация необходима. Эта проблема характерна не только для Костромской области, но и для всей России с ее бесконечным количеством брошенных церквей. Игнорирование этого вопроса превращает любые благие стремления к патриотическому воспитанию и сохранению ценности духовного самосознания нации в проституирование и профанацию исторической памяти при имитации и без того зашкаливающего в последнее время подобия культурно-просветительской деятельности. В 2005 г. в селе был построен деревянный храм и освящен во имя святых Царственных страстотерпцев и новомучеников российских, феномен которых даже в самих церковных кругах вызывает достаточно противоречивый богословский дискурс.

Перед поступлением будущего историка в Солигаличское духовное училище в 1843 г. главным вопросом для отца семейства стал выбор фамилии ребенка, так как в то время для лиц духовного сословия она необязательно являлась наследственным делом и носила зачастую произвольный характер. Выбор пал, пожалуй, на самого известного костромича духовного звания в середине XIX в. богослова, профессора Московской духовной академии протоиерея Ф. А. Голубинского. Как вспоминает сам Е. Е. Голубинский, выбор отца обуславливался «еще и тем, что брат Фёдора Александровича, Евгений Александрович, был не только товарищем отцу по семинарии, но и был его приятелем и собутыльником (еще во время учения в семинарии оба были весьма не дураки насчет водки, как большая часть семинаристов)»³.

Авторитет протоиерея Фёдора Голубинского в области религиозно-философской мысли был огромен. Синергия веры и разума отличала его философскую систему православного теизма. Святитель Московский Филарет (Дроздов) в одном из писем за 1848 г. к ректору Московской духовной академии тогда еще архимандриту Алексию (Ржаницыну), будущему архиепископу Тверскому и Кашинскому, в частности, пишет: «Ректорскую должность на время отсутствия Вашего поручить надобно и удобнее протоиерею Голубинскому»⁴. Заметим, к середине XIX в. ректорская должность в академии была связана исключительно с архиерейским саном, т. е. с монашествующим духовенством. История с протоиереем Фёдором Голубинским не получила продолжения в числе прочего и по причине его слабого здоровья: в 1854 г. в возрасте 56 лет он скончался в родной Костроме. Но уже в 1862 г. еще один выпускник Костромской духовной семинарии, уроженец Костромы протоиерей Александр Васильевич Горский, русский церковный историк и богослов, назначен ректором Московской духовной академии. Это было первое назначение на данную должность представителя белого духовенства.

В «Воспоминаниях», над которыми Е. Е. Голубинский работал последние годы жизни (пока окончательно не потерял зрение, записывал сам, впоследствии диктовал своему ученику профессору С. И. Смирнову), сохранилось множество подробностей и авторских наблюдений, повествующих о жизни в России второй половины XIX в. К сожалению, работа так и осталась

незавершенной, впрочем, как и его главный труд «История Русской Церкви». Некоторые отмеченные им особенности жизнедеятельности в среде православного духовенства позволяют существенно восполнить многогранную палитру российского общества рассматриваемого периода. Так, например, касаясь пороков сельского духовенства, Голубинский замечает: «И духовенство всех приходов (как, впрочем, и решительнейшее большинство духовенства всей епархии и едва ли не решительнейшее большинство духовенства и всей России, по крайней мере северной), без преувеличения можно и должно сказать, предано было безмерному пьянству или совсем погружено было в пьянство... Если бы священник или кто-нибудь из причта не напился в деревне к вечеру с праздника как следует, то на это посмотрели бы все как на чудо — а наши священноиереи чудес творить вовсе не желали... А что касается до моих сверстников, то они были еще хуже наших отцов. Отцы пили, но не умирали от водки, а из сверстников моих, бывших священниками в нашей местности, трое или четверо преждевременно отправились на тот свет от водки...»⁵

О времени обучения в Солигаличском духовном училище (1843—1848) у Голубинского остались весьма негативные воспоминания, довольно-таки значительная часть которых повествует о наказаниях, бывших тогда естественными: «Секли нас весьма усердно. Березовые прутья в училище привозили возами. Из прутьев, соединяя их штук по десяти, секаря сплетали лозы... Сечение было так обычно и часто, что мы не чувствовали нисколько его унижительность. Единственно, с чем мы считались, это боль... Смотритель и учителя, кроме того, что секли, еще драли учеников за волосы, за уши, давали в загорбок кулаком. А учитель 2-го класса Касторский, самый дрянной из учителей училища, имел обычай угощать человек пять, сидевших на последних местах, кулаком по скулам»⁶. Четыре раза за время обучения в училище подвергался порке и сам будущий академик.

Годы обучения в Костромской духовной семинарии (1848—1854), как отмечает Голубинский, были *тихими и смиренными*: «В семинарию мы поступили вслед за тем, как в ней истреблены были последние следы бурсацкого рыцарства: пьянство и дебоши. Пьянство и дебоши, по рассказам очевидцев, бывали грандиозные: разбивали будто бы трактиры, кабаки; для усмирения

буянов приглашали, как говорили, солдат, которые и угощали семинаров прикладами. Исправление нашей семинарии произвел ректор Агафангел (Соловьев), умерший Волынским архиепископом. Будучи ректором Харьковской семинарии, он был послан ревизором в Костромскую семинарию и сделал о ней отзыв нехороший. Его и послали исправлять нашу семинарию. Он действовал свирепо и без милосердия исключал из всех классов, даже из богословия, и несмотря ни на какое место в списке. Ко времени нашего поступления ему удалось усмирить семинарию...»⁷ В этом, несомненно, отразился николаевский дух эпохи, проводником которого в данном контексте выступал обер-прокурор Святейшего синода генерал-лейтенант граф Н. А. Протасов. Дисциплина, единообразие, трафаретное мышление, шаблонное сознание, сведение к минимуму научного знания — чего стоит, например, упрощение философии до суммы логики и психологии. Все это диктовалось практическими соображениями государственной пользы и утилитарным функционалом выпускников духовных семинарий. Отсюда — приоритет в учебном процессе пастырского богословия и гомилетики, сокращение общеобразовательных предметов, включение в семинарскую программу основ медицины, сельского хозяйства и естествознания. Симптоматично, что по окончании семинарии Голубинский, по его собственному признанию, предполагал поступать в университет на медицинский факультет, однако по настоянию отца и, не в последнюю очередь, по причине казенного обучения (современным языком — бюджетного) был послан в Московскую духовную академию (1854—1858).

Ректором академии с 1853 г. являлся земляк Е. Е. Голубинского — выпускник Костромской духовной семинарии архимандрит Евгений (Сахаров), будущий епископ Симбирский и Сызранский. Во многом благодаря его попечению Голубинский действительно смог посвятить годы учебы овладению знаниями и науками, так как первоначально им было подано прошение о так называемой подработке письмоводителем в редакции «Прибавлений к изданию Творений святых отцов в русском переводе», на что ректор наложил отрицательную резолюцию и в последующем несколько раз снабжал первокурсника деньгами. Но самый глубокий след в личности Голубинского оставил профессор по кафедре церковной истории А. В. Горский: «Александр Васильевич

был настоящий ученый, посвятивший всю жизнь свою науке: сидел, сидел за книгами и больше ничего не делал. Выезжал иногда с визитами, но очень редко. Утомишься, бывало, над составлением лекций (говорю о времени своей службы), выйдешь в сад прогуляться; смотришь иногда: в бакалаврском корпусе все огни потушены, только у А. В. Горского светился огонек, так что огонек этот даже одушевлял, бывало»⁸. Во время отъездов профессора в Кострому, где был жив еще его отец — протоиерей Костромского кафедрального собора В. С. Горский, он оставлял студента Голубинского в своей квартире: «Это домовничанье имело для меня то значение, что я мог досыта рыться в книгах, которыми был полон кабинет Александра Васильевича, состоявшего тогда библиотекарем. Тут я мог видеть и читать такие книги, которые бы он не дал из библиотеки не только студенту, но, пожалуй, и профессору. Например, я читал у него французский перевод Гиббона “История упадка и падения Византийской империи” и французский перевод “Тайной истории Юстиниана и Феодоры” Прокопия Кесарийского»⁹. Говоря о такого рода взаимоотношениях между преподавателем и студентом, учителем и учеником, не важно на какой ступени обучения находящимся, понимаешь, что нечто, связующее духовно и гармонизирующее определенное единство, сегодня, в XXI столетии, потеряно навсегда (вспомним такие кинофильмы, как «Ключ без права передачи» Д. Асановой или «Доживем до понедельника» С. Ростюцкого). Утраченная связь, естественная не только в XIX, но и в XX в., позволяла считать процесс образования при всех его недостатках отнюдь не услугой, а сакральным действием сотворения нового пространства мировосприятия, новой идеи и самого Человека. Именно в этом, а не в приобретении мифических компетенций заключается высший смысл и предназначение того, что должно происходить в учебных классах и студенческих аудиториях и вне их.

В силу критического мышления, свойственного Голубинскому, он постоянно подмечает проблемы, характерные для того или иного процесса, ставит вопросы, пытается на них ответить, хотя и происходит все это в легкой и непринужденной манере. Проблема сама по себе не является трагедией, потому как, в сущности, все сосредоточено в самом человеке. Многие рекомендации Голубинского относительно учебного процесса актуальны и по сей

день: «...мне думается, что для того, чтобы заставить студентов слушать лекции (именно лекции, а не сказки и басни или Петрушку и раек), нужно, во-первых, чтобы профессора перед лекциями сдавали обстоятельные их программы так, чтобы студенты наперед могли хорошо ознакомиться с содержанием чтений; во-вторых, чтобы лекции непременно говорились изустно, а не читались по тетради, в-третьих, чтобы лекции перемежаемы были собеседованиями, состоящими в том, чтобы студенты давали отчет о прочитанном, причем поставить дело так, чтобы оно не имело вида репетиций — не отпугивало от себя студентов, а привлекало... Плохое слушание лекций — постоянное явление в нашей школе»¹⁰.

В 1861 г. Е. Е. Голубинский был переведен из Вифанской духовной семинарии, где он преподавал риторику, в Московскую духовную академию на кафедру русской церковной истории. Описание этого периода жизни начинается с портретной характеристики митрополита Филарета (Дроздова). Отметим, что впервые «Воспоминания» Голубинского были опубликованы в 1923 г. в Костроме в 30-м выпуске Трудов Костромского научного общества по изучению местного края¹¹. В 1998 г. «Воспоминания» были переизданы¹², но подверглись определенным сокращениям, они коснулись, в частности, главы, посвященной Филарету. Проанализировав эту небольшую по своему объему главку, можно заключить, что ничего крамольного в ней не содержится. Да, в характеристике митрополита Филарета, данной Голубинским, не проглядывается образ *московского Златоуста*¹³ или *святого интеллектуала*¹⁴, и тем более *светоча Русской Церкви*¹⁵. Сосредоточившись более на личностном облике владыки, он, в частности, пишет: «Митрополит Филарет наделен был чрезвычайно властным и деспотичным нравом <...> Заботился о своих родственниках, обеспечивая их не деньгами, а местами или же и деньгами, и местами... Филарет был человеком в высшей степени славолубивым и самолюбивым и как будто хотел заставить людей верить, что он единственный выдающийся человек в русской церкви... К памятникам истории митрополит Филарет относился варварски, с своей точки зрения оправдываясь в их истреблении тем, что они могли бы приносить вред»¹⁶. В целом, отдавая должное весьма выдающемуся и блестящему уму, наделенному остротой и тонкостью, Голубинский не склонен преувеличивать роль

Филарета в истории Русской православной церкви, считая его типичным представителем николаевской эпохи: «Недостатки существующей действительности нисколько не возбуждали его против себя и нисколько не побуждали стремиться к их устранению, напротив, несомненно, что всякого другого человека, который бы поднимал голос против этих недостатков и стремился к устранению их, он признавал бы за беспокойного агитатора, которого следует унимать, усмирять. Все заботы его в этом отношении заключались в том, что он старался закрывать недостатки существующей действительности от толпы»¹⁷.

Если же содержательно рассматривать историко-культурные коннотации взглядов профессора Голубинского и митрополита Филарета, то обнаруживается множество сходных положений. Так, например, представляют особый интерес размышления владыки от 1856 г. о проблеме восстановления патриаршества: «Хорошо было бы не уничтожать патриарха и не колебать тем иерархии, но восстанавливать патриарха было бы не очень удобно; едва ли был бы он полезнее Синода. Если светская власть начала тяготеть над духовную: почему один патриарх тверже вынес бы сию тягость, нежели Синод? И при вселенском патриархе нужным оказался Синод; и в России есть Синод. Очень ли велика разность в том, что в России *первенствующий член* Святейшего Синода не называется *патриархом*? Это по крайней мере требует исследования, а не ведет к решительному осуждению того, что Синод остался. Было время, когда в России не было ни патриарха, ни Синода, а только митрополит. Но власть светская искренно чтит духовную власть и ее правила; и сия имела более удобства действовать с ревностью и одушевлением. Вот в чем дело!»¹⁸ Вопрос о восстановлении патриаршества становится *мейнстримом* в церковной среде в начале XX в. Нельзя сказать, что проблема однозначно интерпретировалась в общественном мнении, однако ее положительное решение все же преобладало. Академик Е. Е. Голубинский, исходя из конкретно-исторических реалий времени, решительно возражал против необходимости патриаршей власти, замечая, в частности, что «это, нисколько не нужное для блага церкви, восстановление патриаршества, по особым условиям новейшего времени, так сказать — вовсе не патриаршеского, оказалось бы нежелательным и вредным для нее в отношении

к ее престижу и авторитету»¹⁹. В числе прочих аргументов историк приводит весьма важный тезис о духовной эволюции интеллигенции, произошедшей со времен петровских преобразований: «Народ по своим представлениям о патриархе, которые были бы те же, что до Петра, и о которых говорит Регламент, стал бы искать и требовать от него, чтобы он, окружив себя возможным внешним блеском и великолепием, чтобы он был, как говорили в XVII веке, “что твой папа в Риме”. Но если народ и в настоящее время остается тем же, чем был до Петра, то интеллигенция теперь уже вовсе не та, что до Петра: не разделяя народных представлений о патриархе, она стала бы издеваться над ним за его блеск и великолепие, как над своего рода далай-ламой»²⁰. Таким образом, изменение исторического времени в контексте интеллектуального запроса верхнего культурного слоя общества относительно церковного управления ставило задачу не внешнего декоративного переформатирования института церкви, но проведения реальных, действительно насущных реформ всего церковного организма. Голубинский как профессиональный историк Церкви, осознавая проблемы русского православия, выражал в своих работах острые и требующие решения вопросы институционального и духовно-нравственного переустройства Русской православной церкви.

Взгляды и идеи Е. Е. Голубинского во многом расходились с доминирующими в церковной корпорации положениями, причем различия носили сущностный характер. Сам историк понимал всю противоречивость ситуации, но отказываться от своих убеждений не мог и не хотел. Характерны в этой связи замечания относительно их отношений с А. В. Горским: «Мы с Александром Васильевичем были два человека разных направлений: он был консерватор, девизом которого служил девиз митрополита Филарета: “Благоразумие и осторожность”. Я, напротив, был либералом, который все подвергал строгой критике — принимал только то, что выдерживало критику, и отвергал то, что ее не выдерживало, без всяких рассуждений о том, благоразумно это или нет»²¹.

Несмотря на достаточно существенные разногласия Голубинского с преобладающей частью академической корпорации, ему без каких-либо трудностей удалось получить материальное вознаграждение и отправиться в научное заграничное путешествие. Особенно дореволюционной высшей школы, в том числе и духовной,

была реальная осуществимость желаний преподавателя относительно практического изучения теоретических курсов, читаемых в университетах и академиях. Ситуация, которая в современной России может показаться совершенно фантастической. Достаточно еще молодой, 38 лет, экстраординарный профессор, не имеющий докторской степени, посылает прошение о зарубежной командировке обер-прокурору Святейшего синода графу Д. А. Толстому, который входит в переписку с ректором академии протоиереем Горским и дает согласие на такое путешествие с выплатой необходимой суммы. Голубинский отправляется из Сергиева Посада 17 июня 1872 г. и возвращается в Россию к Рождеству 1874 г. География его одиссеи не менее впечатляющая: «...из Петербурга, в котором мне нужно было быть пред путешествием, я выехал по направлению к Вене через Вильну и Варшаву 21 июня и прибыл в Вену 26 июня. В Вене я прожил до 28 октября, совершив из нее поездки по Польше, Венгрии, Галиции, Буковине с некоторым прихватом Молдавии. Из Вены спустился вниз по Дунаю в Белград в Сербии 28 октября. В Белграде пробыл до конца декабря, совершив довольно значительную поездку по Сербии. Из Белграда через Рушук и Варну направился я в Константинополь, причем в Рушук имел остановку и сделал из него поездку в Бухарест в Валахии. В Константинополе пробыл до 20 июля 1873 года, причем на Пасху 1873 года совершил поездку в Иерусалим, выехав 15 марта. В Иерусалиме пробыли с 27 марта по 20 апреля. Из Константинополя приехал в Солунь, где пробыл дня три и прибыл на Афон 25 июля 1873 года и, объехав его почти весь, выехал с него 12 августа. С Афона отправился обратно в Солунь, из которой поехал в Афины. В Пирей приехал 18 августа, где выдержал пятидневный карантин. Из Афин никаких поездок не предпринимал из опасения быть захваченным разбойниками. Из Афин поехал в Рим и останавливался в Корфу и Барграде. Из Рима ездил в Неаполь для осмотра раскопок помпейских, в Равенну — для осмотра древних церквей, в Венецию и Флоренцию — для осмотра их древностей... Собственными глазами я видел сохраняющиеся древние памятники церковного зодчества, видеть которые мне было желательно для моей науки. Не видел их сам, а зная только по рисункам, я бы никогда не составил себе желаемого мне совершенно ясного и отчетливого о них представления (на первом месте должна быть поставлена здесь св. София Константинопольская):

собственными глазами я видел церковную жизнь и церковные нравы и обычаи у греков и южных православных славян...»²² Обратим внимание на то, что подавать заявку на какой-либо грант или представлять проект от Голубинского не требовалось, он просто поехал на полтора года за счет государства увидеть воочию то, о чем рассказывал студентам на лекциях, жалование в академии при этом за ним сохранялось и отправлялось ректором в те европейские города, где останавливался ученый.

Дальнейшие годы для Е. Е. Голубинского были насыщены плодотворной научной исследовательской работой, которая достаточно полно проанализирована в современной историографии. Отметим, естественно, его главный труд «История Русской Церкви» (М., 1880. Т. 1), за который он был удостоен в 1881 г. полной Уваровской премии и получил степень доктора богословия, а также был избран ординарным профессором Московской духовной академии. В 1892 г. опубликовано важное в духовном наследии историка сочинение, которое он, умирая, просил положить себе под голову в гроб, — «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра», удостоенное в 1893 г. премии митрополита Макария. Всего при жизни Голубинского было издано немногим более 70 работ. 19 апреля 1903 г. общим собранием Императорской Академии наук Е. Е. Голубинский, первым из профессоров духовных академий, был избран ординарным академиком. В 1906 г. историк принимал участие в первой сессии созданного Предсоборного присутствия, задачей которого являлась выработка предложений о составе Поместного собора, а также программе и порядке его деятельности. К сожалению, вследствие тяжелой болезни в осенней сессии работу он продолжить уже не смог (в конце 1906 г. окончательно потерял зрение). В мир иной Е. Е. Голубинский отошел 7 января 1912 г. в возрасте 77 лет в Сергиевом Посаде и был похоронен там же на кладбище Московской духовной академии рядом с могилой протоиерея А. В. Горского.

Заключение

Русская церковно-историческая наука во второй половине XIX — начале XX в. была представлена целым созвездием талантливых и оригинальных мыслителей, исследования которых актуальны и в наши дни. Среди прочих выделим В. В. Болотова,

протоиерея А. В. Горского, митрополита Макария (Булгакова), епископа Порфирия (Успенского). Имя Е. Е. Голубинского, несомненно, знаменует целую эпоху в разработке проблемы научного осмысления церковной истории России. В определенной степени его идеи находят свое продолжение в сочинениях профессоров Московской духовной академии Н. Ф. Каптерева и С. И. Смирнова, профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковского. Наверное, было бы преувеличением говорить об учителях Голубинского, в полном смысле слова их не было, хотя историк и отмечает влияние на становление его как ученого протоиерея А. В. Горского и с благодарностью вспоминает митрополита Макария (Булгакова), исследования которого в области русской церковной истории Голубинский неоднократно подвергал критике. Однако именно помощь Макария (Булгакова) позволила историку напечатать первую часть «Истории Русской Церкви». Покровительство митрополита Московского также решило исход дела в утверждении Голубинского в Святейшем синоде в докторской степени. Оригинальность же и новизна методологии научных исследований Голубинского беспорна.

На рубеже XIX—XX вв. общей тенденцией в академической корпорации стало усиление влияния ученого монашества, что означало ограничение перспектив деятельности либеральной профессуры, исповедовавшей историко-критический метод в своих исследованиях. В 1895 г. Е. Е. Голубинскому, так же как и профессору в области всеобщей церковной истории А. П. Лебедеву, пришлось оставить Московскую духовную академию. История Церкви в церковном пространстве образовательного учреждения — синергия веры и разума, святости и научного знания, школа *верующего разума* или феномен *светского аскетизма*. Объективно следствием этого единства во множественности должно было стать рождение православной философии истории, чего, к сожалению, до настоящего времени в русском богословии не произошло, хотя, как мы думаем, наиболее близко к решению этой задачи подошла интеллектуальная мысль эпохи второй половины XIX — начала XX в.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Меметов В. С., Будник Г. А.* Высшее образование в России: традиции, преемственность, перспективы развития // *Интеллигенция и мир.* 2018. № 3. С. 21.
- ² *Голубинский Е. Е.* Воспоминания. URL: <http://www.golubinski.ru/golubinski/vospdet.htm#d1> (дата обращения: 30.05.2020).
- ³ Там же.
- ⁴ Письма Московского митрополита Филарета к покойному архиепископу Тверскому Алексию, 1843—1867. М., 1883. С. 31.
- ⁵ *Голубинский Е. Е.* Воспоминания. URL: <http://www.golubinski.ru/golubinski/vospdet.htm#d1> (дата обращения: 30.05.2020).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Голубинский Е. Е.* Воспоминания. Кострома, 1923.
- ¹² См.: *Полунов А. Ю., Соловьев И. В.* Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского. М., 1998.
- ¹³ *Сегень А. Ю.* Московский Златоуст: жизнь, свершения и проповеди святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского. М., 2013.
- ¹⁴ *Сысоев Т.* Святой интеллект: 11 фактов о жизни святителя Филарета (Дроздова). URL: <https://foma.ru/svyatoy-intellektual-11-faktov-ozhizni-svyatitelya-filareta-drozдова.html> (дата обращения: 23.02.2019).
- ¹⁵ *Яковлев А. И.* Светоч Русской Церкви: жизнеописание святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского. М., 2007.
- ¹⁶ *Голубинский Е. Е.* Воспоминания. URL: <http://www.golubinski.ru/golubinski/vospdet.htm#d1> (дата обращения: 30.05.2020).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Филарет (Дроздов), митрополит Московский.* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашиинского. Т. 4. СПб., 1886. С. 145.
- ¹⁹ *Голубинский Е. Е.* Желательно ли упразднение Св. Синода и восстановление патриаршества? // *Голубинский Е. Е.* О реформе в быте Русской Церкви. М., 1913. С. 85.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Голубинский Е. Е.* Воспоминания. URL: <http://www.golubinski.ru/golubinski/vospdet.htm#d1> (дата обращения: 30.05.2020).
- ²² Там же.

А. А. Корнилов

**ПЕДАГОГ С. Н. БОГОЛЮБОВ И ЕГО ЗАМЕТКИ
О РАБОТЕ ПРИХОДСКИХ ШКОЛ
РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ В ШТАТАХ
НЬЮ-ЙОРК И ПЕНСИЛЬВАНИЯ (1962—1968 гг.)**

Введение

Семён Николаевич Боголюбов (1889—1971) относится к плеяде русской эмигрантской интеллигенции зарубежья, которая после Второй мировой войны трудилась на педагогическом поприще в Германии и США. Имя С. Н. Боголюбова в истории интеллигенции русского зарубежья стоит в одном ряду с именами выдающихся ученых и вузовских профессоров. К таковым относятся: куратор Бахметьевского архива при Колумбийском университете Л. Ф. Магеровский, преподаватель кадетских корпусов в эмиграции, директор гимназии перемещенных лиц генерал А. Г. Попов, историки С. Г. Пушкарев и Е. И. Комаревич, психолог, философ и богослов И. П. Четвериков, философ Р. Н. Редлих, правоведы и юристы-практики Н. Д. Тальберг и Н. Ф. Фабрициус и другие.

Педагогическое творчество С. Н. Боголюбова, его идеи и учебно-воспитательные практики до сих пор не стали предметом изучения российских и тем более зарубежных ученых, пробующих осознать в научных категориях феномен русского зарубежья во всем историческом континууме последнего. В связи с вышесказанным представляется актуальной последовательная, систематическая работа по анализу многогранной деятельности

© Корнилов А. А., 2020

Корнилов Александр Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, kornilov@imomi.unn.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Regional Studies of Foreign Countries and Local History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod).

российской интеллигенции, оказавшейся после революции 1917 г., Гражданской войны и Второй мировой войны за пределами СССР (России). Ярким представителем педагогической интеллигенции выступает Семён Николаевич Боголюбов, посвятивший свою жизнь преподаванию географии, природоведения, сохранению православной идентичности в сознании зарубежной молодежи, организации православных учебных заведений в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии), послевоенной Германии и в США.

Цель и задачи исследования

Цель статьи — поиск и выявление учебно-воспитательных методов и организационного подхода С. Н. Боголюбова к развитию приходских школ Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). Для достижения поставленной цели автор рассматривал труды известного педагога русского зарубежья через конкретное направление его работы, а именно инспекционные поездки в приходские школы штатов Пенсильвания и Нью-Йорк. Изучение его визитов в школы в период 1962—1968 гг. позволяет очень предметно взглянуть на педагогический подход этого русского просветителя не только к передаче полезных знаний. Делая так, мы можем понять и подход к воспитанию православности, русскости — необходимых, с точки зрения С. Н. Боголюбова и стоявшего за ним священноначалия РПЦЗ, элементов русской идентичности.

Период 1962—1968 гг. также выбран автором неслучайно. Именно в эти годы С. Н. Боголюбов очень активно публиковал свои заметки, наблюдения и репортажи о посещениях приходских учебных заведений, о развитии дела просвещения в зарубежье на страницах журнала «Православная Русь», который с 1947 г. издается в типографии Свято-Троицкого монастыря, расположенного недалеко от деревни Джорданвилль в штате Нью-Йорк. Внимательное прочтение этих текстов позволило автору напрямую познакомиться с мировоззрением С. Н. Боголюбова и его концептуальным видением того, зачем вообще нужна приходская школа в инославном, многоконфессиональном окружении на территории Соединенных Штатов Америки и какую миссию она несет.

Педагогическая деятельность С. Н. Боголюбова до переезда в США

Биография С. Н. Боголюбова начиналась как биография ученого-естествоиспытателя. Окончив Хабаровский графа Муравьева кадетский корпус, он вдруг решительно увлекся изучением природы, возможно, потому, что его отец служил лесничим в Уссурийском крае и он сам всегда любил все, что связано с природой. На Санкт-Петербургских сельскохозяйственных курсах С. Н. Боголюбов получил образование и диплом агронома-энтомолога. Подававший надежды выпускник был командирован в Туркестан для исследования методов борьбы с насекомыми — вредителями урожая хлопка. Методы С. Н. Боголюбова оказались настолько успешными, что он должен был ехать в США для продолжения исследований. Поездке помешала Первая мировая война. Агроном участвовал в боевых действиях, дослужился до чина поручика артиллерии, затем сражался в рядах Добровольческой армии. С приездом в Югославию С. Н. Боголюбов начал преподавать; в основном его преподавание проходило в г. Белая Церковь в стенах 1-го Русского великого князя Константина кадетского корпуса. Период же 1946—1951 гг. — это время преподавания в православной гимназии г. Регенсбург для детей перемещенных лиц, или ДиПи (displaced persons), затем в гимназии г. Ингольштадт¹.

Видимо, в эти годы сложились основные принципы и методы педагогической работы С. Н. Боголюбова. Ученики Регенсбургской православной гимназии им. А. С. Пушкина вспоминали: «Семён Николаевич был среднего роста и красив собой. У него были светлые волосы, голубые глаза, розовые щеки... Говорил он красиво и очень интересно рассказывал... В обращении он был ласков, и у него была хорошая дисциплина. Мы его уважали и не дрожали перед ним так, как перед другими, даже когда он вызывал к доске. Держал он недолго и не засыпал трудными вопросами, а зачастую подсказывал. У него была тонкая натура, и он знал, как подойти к каждому из нас»².

Мировоззрение С. Н. Боголюбова, его общественно-церковные взгляды следует оценить как достаточно ортодоксальные, консервативные. Для него не было лучше страны, чем Россия,

которую он называл «Святая Русь», и не было лучше веры, чем православная. Все уроки он непременно начинал с молитвы, которую читали сами дети, или молитв, порой занимавших большую часть самого урока. Некоторые родители учеников критиковали его, как они выражались, за «шовинизм», но признавали качество знаний в области природоведения и географии, которые Боголюбов преподавал. Регенбургский учитель, ставший затем директором гимназии, старался всесторонне развивать детей: проводил внеклассные беседы, водил на экскурсии, приглашал артистов и докладчиков в школу, водил на показ научных фильмов, устраивал школьные концерты, поощрял участие детей в спектаклях наравне со взрослыми, поддерживал посещение театра. Директор гимназии прекрасно танцевал и увлекал учеников проведением танцевальных вечеров³. И все это происходило в условиях послевоенной Германии с разрушенной экономикой, подорванной социальной системой, финансовыми проблемами.

Американский период учебно-просветительской деятельности

Переезд семьи С. Н. Боголюбова в Соединенные Штаты состоялся в 1951 г. Вначале преподаватель работал в ночную смену на спичечной фабрике, но не оставлял своих педагогических интересов. Он писал статьи в церковную и общественную прессу русской эмиграции, непосредственно участвовал в создании и работе Свято-Владимирских кружков русской православной зарубежной молодежи.

Согласно Уставу организации, Кружки ставили задачи:

- 1) оцерковления личной жизни и укрепления в верности заветам святого Владимира и идеалам святой Руси;
- 2) религиозно-просветительской и культурно-национальной деятельности среди русской молодежи за рубежом;
- 3) укрепления русской эмиграции в сознательной принадлежности к Церкви, поддержания и хранения в ней русского национального самосознания⁴.

По характеру своей деятельности Свято-Владимирские кружки напоминают формы работы современных российских молодежных организаций и движений РПЦ Московского патриархата.

Зарубежная православная молодежь, так же как российская молодежь 2000-х гг., оказывала помощь в проведении богослужений РПЦЗ (чтение и пение на клиросе, алтарные послушания), заботе о благолепии храмовых зданий, организации паломнических поездок, помогала настоятелям в развитии приходских школ. «Владимирцы» принимали активное участие в проведении общественных мероприятий эмиграции, которые традиционно проходили по благословению и при участии иерархов Церкви. Принципиальная разница, однако, состоит в том, что в современной России церковной деятельности ничто не препятствует, напротив, она встречает помощь со стороны власти, тогда как на территории США русской эмиграции приходилось бороться за сохранение русского языка, русской культуры, русского православного образа жизни. Окружающее американское общество в лучшем случае равнодушно взирало на деятельность организаций, подобных РПЦЗ. В то же время американская реальность требовала от русских семей обязательного знания английского языка и использования только его, интеграции эмигрантов и их детей в жизнь общества по законам потребления. Если взрослые люди могли как-то противостоять американскому образу жизни, конечно, только те, кто желали сохранить православную русскую идентичность, то родившиеся в США дети были обречены на постоянную борьбу за нее.

Отношение епископата РПЦЗ к работе С. Н. Боголюбова в Кружках в целом было позитивным. Дискуссии Архиерейского собора РПЦЗ 1959 г., однако, показали, что у архиереев Церкви имелись и критические замечания. Епископ Флоридский Никон (Рклицкий), позднее архиепископ Вашингтонский и Флоридский, полагал, что С. Н. Боголюбов был очень ценным сотрудником сообщества Кружков молодежи: «Он прекрасный человек и очень хороший работник, но не мог направить Св.-Владимирские Кружки по чисто церковному руслу, придавая им характер светских организаций». В свою очередь, Епископ Сиракузский Аверкий (Таушев), известный проповедник и автор курса лекций по литургике, отмечал на соборном заседании, что Епископ Никон смягчил характеристику С. Н. Боголюбова: «Он действительно очень хороший и верный, но у него преобладает дух увеселений

для молодежи, о предоставлении которых он даже хотел упоминания в уставе (Свято-Владимирских кружков. — *А. К.*)»⁵.

В 1960 г. Собор епископов РПЦЗ образовал при Архиерейском синоде Учебно-просветительный совет⁶ (обратим внимание на правописание прилагательного: в современной России пишут и говорят «просветительский», в русском зарубежье употребляют «просветительный»).

Совету поручалось общее наблюдение за деятельностью церковных школ, координация миссионерско-просветительской работы во всем зарубежье. На должность делопроизводителя Учебно-просветительного совета был приглашен С. Н. Боголюбов, как видный церковно-общественный деятель и педагог с большим опытом. Председателем Совета, располагавшегося в Нью-Йорке, был назначен архиепископ Вашингтонский и Флоридский Никон (Рклицкий)⁷.

Инспекционные визиты в приходские школы РПЦЗ и их результаты

Приступив к исполнению обязанностей, С. Н. Боголюбов по благословению священноначалия предпринял ряд инспекционных поездок по приходским школам северо-востока США. Печатный орган Свято-Троицкого мужского монастыря РПЦЗ в Джорданвилле — журнал «Православная Русь» печатал репортажи о поездках, из которых можно сделать вывод, что в период с 1962 по 1968 г. делопроизводитель посетил церковные школы в штатах Пенсильвания, Нью-Йорк, Нью-Джерси и г. Вашингтон (федеральный округ Колумбия).

Необходимо отметить, что по окончании каждой поездки С. Н. Боголюбов составлял отчет, основное содержание которого направлял в редакцию журнала «Православная Русь» для публикации. Педагог, безусловно, намеренно просил печатать подготовленные тексты репортажей в монастырском журнале. «Православная Русь» в течение длительного периода, 1950—1980-е гг., оставалась для эмиграции единственным источником церковных новостей, средством массовой информации и воспитания. На журнал подписывались все зарубежные приходы и немало частных лиц — эмигрантов. Именно благодаря этому изданию

учителя приходских школ, родители учащихся, приходское духовенство и епископат РПЦЗ могли узнавать свежие новости о развитии учебного процесса, о направлениях нравственного воспитания детей и молодежи на приходах в разных странах мира. Репортажи С. Н. Боголюбова давали возможность церковному сообществу применять опубликованные рекомендации и адаптировать их к реалиям своей приходской жизни, будь то приходы Сан-Франциско, Мюнхена, Тегерана, Бейрута или Буэнос-Айреса.

Приходская школа в Ново-Дивеевском монастыре. Директором этой школы была Елизавета Васильевна Дергач, имевшая высшее педагогическое образование. Она вела уроки русского языка, соединяя их с рассказами о истории Отечества. С. Н. Боголюбов, наблюдая за уроками, отметил использование рисунков, фотографий, цветных репродукций — все это было «отлично систематизировано по областям нашей родной страны». Инспектор просмотрел альбомы Дальнего Востока, Сибири, Крыма, Кавказа, Туркестана (так он называл Среднюю Азию) и Центральной России. «Для школы это клад, — подчеркивал С. Н. Боголюбов. — Зрительные впечатления лучше и глубже воспринимаются, чем слуховые. Родные образы надолго останутся в чутких душах детей. <...> Как бы хорошо иметь такие иллюстрированные альбомы в каждой приходской школе Зарубежья! Очень важно иметь иллюстрированный курс по Родиноведению» (такой термин использовал С. Н. Боголюбов и его коллеги. — *А. К.*). В ответах учеников инспектор увидел участие родителей, а не только мастерство преподавателя. К сожалению, указывал он, помощь семьи — «не общее явление»⁸.

Е. В. Дергач скончалась в 1968 г., через 6 лет после посещения школы С. Н. Боголюбовым. Он сильно переживал по этому поводу и посвятил почившему педагогу-энтузиасту некролог в «Православной Руси» под названием «Тяжелая утрата». Имевшая высшее образование педагога, многолетний стаж учительства, отмечал С. Н. Боголюбов в некрологе, Е. В. Дергач «вся отдавалась школьному делу», делала подарки детям — детскую книгу, а ученикам старших классов — книгу русских классиков⁹. В условиях острой нехватки литературы на русском языке, это действительно были ценные подарки.

Преподавание Закона Божьего вела монахиня Мария, владевшая и английским языком. Там, где дети еще затруднялись понимать русские слова, учитель поддерживала объяснение материала английской речью. Такой индивидуальный подход в особенности требовался в изучении молитв, которые в храме произносятся на церковнославянском языке. В преподавании Закона Божьего, истории Ветхого и Нового Заветов за основу был взят учебник протоиерея Серафима Слободского. В младшей, средней и старшей группах уроки сопровождались беседами по случаю двенадцатых праздников.

Положительно оценивая работу приходской школы в Новом Дивееве, С. Н. Боголюбов привел статистику. В школе всего обучался 31 человек, 13 учеников и 18 учениц от 6 до 16 лет. В распоряжении преподавателей имелись Букварь, «Родная речь», «Родное слово», «Краткая русская история» К. Воскресенского, «География России». Над благодатной школьной атмосферой, по мнению С. Н. Боголюбова, была видна заботливая рука строителя Ново-Дивеевской обители — протопресвитера Адриана Рымаренко¹⁰.

Наякская школа. Недалеко от Ново-Дивеевского монастыря расположен городок Наяк, где усилиями протоиерея Серафима Слободского, известного в Российской Федерации автора учебника для православных учебных заведений «Закон Божий», в 1950-х гг. был устроен приход «Покрова Пресвятой Богородицы». В сопровождении о. Серафима представитель Учебно-просветительного совета посетил уроки приходской школы, которая располагалась в нижнем этаже, под храмом. Состав школы включал: детский сад, 5 классов и самый большой старший класс, в котором было 22 учащихся. Всего же в 1962 г. насчитывалось 70 учащихся, 8 педагогов. С. Н. Боголюбов посетил уроки русской литературы и русской истории, которые проводила секретарь школы С. С. Куломзина. Ученики показали хорошие знания, отвечали на вопросы, развивающие самостоятельное мышление. «Много труда надо, чтобы добиться общего внимания детей... нельзя никого выпускать из своих рук ни на минуту. Иначе отвлекутся, рассеются», — писал о своих впечатлениях С. Н. Боголюбов и отмечал, что главную роль здесь играет знание души ребенка.

Важное наблюдение сделано об уроке пения, который был со-единен с детскими играми. Дети любят движение, писал С. Н. Боголюбов, любят подражать учителю, если им это интересно¹¹.

Школы в Филадельфии. В 1964 г. С. Н. Боголюбов ин-спектировал две школы г. Филадельфия. В этом городе после Второй мировой войны сложилось два прихода. Приход в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» был устроен преимущественно эмигрантами послевоенной волны, среди кото-рых было много беженцев из Советского Союза. Настоятелем служил энергичный о. Евгений Лызлов, человек незаурядных по-знаний в различных областях литературы, искусства, истории¹². Приход святого князя Владимира составляли в основном пред-ставители первой, послереволюционной волны эмиграции.

Заведующим школой Всехскорбященского прихода был ист-орик Евгений Игнатович Комаревич, имевший за плечами опыт преподавания в гимназии лагеря перемещенных лиц Шляйсгайм (Бавария). Особенностью учебного процесса там тогда было раз-деление младшего класса учеников на три группы: первая знако-милась с начертанием букв, вторая упражнялась переписыванием с книги, а третья писала диктанты. Преподаватель русского языка и литературы М. К. Василевский обозначил С. Н. Боголюбову проблему: ученикам не хватало пособия по письму. С. Н. Боголюбов рекомендовал учебник начальной грамматики, изданный синодальной школой РПЦЗ по книге В. Флерова «Наглядные уроки письма» для первого и второго года обучения.

При посещении книжного приходского киоска инспектор увидел висевшее на стене предрождественское обращение к рус-ским людям: «Не забудьте, лучший подарок к празднику Рожде-ства Христова — хорошая русская книга». Семен Николаевич пе-редал для учеников старшего класса брошюры о святом князе Александре Невском, написанные бывшим директором гимназии в Регенсбурге генералом А. Г. Поповым¹³.

К сожалению, в 1968 г. во время очередного визита на при-ход «Всех Скорбящих Радость» С. Н. Боголюбов обнаружил, что приходская библиотека, содержащая прекрасный набор книг, не имела библиотекаря, вопрос заключался в том, кто бы мог согла-ситься выполнять обязанности библиотекаря. В то же время на при-ходе святого Владимира наметились благоприятные тенденции.

Например, А. Д. Шиленок использовал в своей приходской школе на уроках отечествоведения современные, для 1968 г. конечно, «технические приборы: экран, граммофон, пластинки, звуковую ленту». Это придавало особый интерес уроку, отмечал С. Н. Боголюбов, захватывало всех¹⁴.

Школа Свято-Владимирского прихода была отмечена С. Н. Боголюбовым за высокопрофессиональное преподавание предмета «Родиноведение» (синоним предмета «Отечествоведение»). Уроки Родиноведения настолько привлекли внимание местных калмыков — представителей второй волны эмиграции, что они, этнические буддисты, решили отдать своих детей в православную приходскую школу. Калмыцкая диаспора в США — малоизученный культурно-исторический феномен, она была довольно заметной среди категории «Russians» и состояла из беженцев или политических эмигрантов, решивших после Второй мировой войны остаться в Западной Европе, а на рубеже 1940—1950-х гг. в значительном количестве переселившихся в США.

Важную роль в жизни школы играл ее заведующий (мы бы в России сказали «директор школы») Алексей Дмитриевич Шиленок, искренне болеющий за дело обучения и воспитания детей в духе русского православного самосознания. О большой культурно-просветительской работе этого человека рассказывала опубликованная в журнале «Интеллигенция и мир» в 2012 г. статья, посвященная обществу «Беседа»¹⁵.

Инспектору запомнился урок истории в седьмом, старшем классе. «Открываю дверь, — сообщал С. Н. Боголюбов в своем репортаже. — Передо мной не класс, а большая аудитория. То старший, 7-ой класс. Вижу большую группу калмыцких девушек и группу родителей. Заведующий школой А. Д. Шиленок показывает на экране цветные снимки современной Москвы и дает краткие объяснения. Снимки эти сделал какой-то американский турист. Второй урок: А. Д. Шиленок говорит о природе России и свой рассказ иллюстрирует прекрасными снимками из альбома “Природа нашей Родины”».

Школа прихода святого Владимира привлекла внимание синодального инспектора еще и правильным, с его точки зрения, подходом к патриотическому воспитанию младших школьников.

В комнате младшего класса у образа св. Владимира всегда горела лампадка, в том же углу стоял русский национальный флаг. «Я уже говорил, — писал С. Н. Боголюбов в «Православную Русь», — и еще раз подчеркиваю: это чрезвычайно важно для воспитания наших детей».

Инспектор отметил также необходимость создания в одном или в обоих приходах Филадельфии азбучного класса и русского детского сада, поскольку местная русская колония имела немало детей дошкольного возраста¹⁶.

Выводы

Поездки С. Н. Боголюбова оставили ценные исторические сведения о развитии приходских школ РПЦЗ в штатах Нью-Йорк и Пенсильвания. Эти школы развивались во многом благодаря деятельности настоятеля и приходского духовенства (о. Серафим Слободской, о. Адриан Рымаренко, о. Евгений Лызлов, о. Иосиф Гринкевич, о. Иоанн Легкий и другие), а также энтузиастов-учителей (С. С. Куломзина, А. Д. Шиленок, Е. И. Комаревич, Е. В. Дергач, М. К. Василевский).

Школы церковных приходов ставили целью воспитание учащихся в духе русской культуры, православного мировоззрения, на основе гуманистических ценностей русской классической литературы. Педагоги активно использовали комбинацию русского и английского как языков общения и обучения, применяли современные для периода 1960-х гг. средства обучения: магнитофон, показ слайдов на экране, тематические альбомы. Большое значение придавалось практическому участию и помощи учащихся в проведении церковных богослужений. Воцерковление молодежи, жившей в индустриальном обществе США, оставалось приоритетом работы педагогов приходских школ. Вероятно, многие учителя трезво, реалистично смотрели на происходящее вокруг: дети выросли и уходили в мир постхристианских или в лучшем случае общечеловеческих ценностей, где мерой был не Христос, а человек, не помышлявший «распять плоть свою со страстями и похотьми». Тем не менее преподаватели на приходах продолжали делать свою работу и сеяли семена русской православной идентичности и образа жизни на ниве просвещения.

Как заметил С. Н. Боголюбов, приходские учебные заведения РПЦЗ столкнулись с целым рядом проблем, среди которых наиболее очевидными стали: отсутствие иллюстративного материала, прежде всего фонда фотографических материалов о России, недостаточная обеспеченность русской классической литературой и учебными пособиями, нехватка технических средств обучения (магнитофон, проигрыватель грампластинок, слайдовый фонд и проектор с экраном).

Результаты своих посещений С. Н. Боголюбов доводил до сведения Архиерейского синода РПЦЗ, стремясь улучшить качество приходского образования. Синод высоко оценил усилия педагога-мирянина и в 1968 г. отметил 50 лет учебно-просветительской деятельности С. Н. Боголюбова. 10 марта 1968 г. он был награжден «Грамотой» (в письменной речи Русской зарубежной церкви до сих пор используется написание «грамата») Архиерейского собора РПЦЗ — не Архиерейского синода, не епархиального архиерея, а Собора, что по рангу выше. Грамота была оглашена в Синодальном соборе иконы Божией Матери «Знамение» в Нью-Йорке после литургии. Текст, в частности, гласил: «Собор епископов Русской Православной Церкви Заграницей по случаю исполняющегося 50-летия Вашей учебно-просветительной деятельности призывает на Вас Божие благословение и выражает Вам благодарность за Ваши ревностные труды в деле церковного и национального просвещения русской молодежи... С 1951 года Вы трудитесь в Соединенных Штатах как руководитель учебно-просветительного дела в церковных школах при русских православных приходах. Во свидетельство сего дана сия Грамота 24 мая 1967 г. в Нью-Йорке Соединенных Штатов Северной Америки. Председатель Архиерейского Собора Митрополит Филарет. Члены Собора (подписи архиереев)».

Вручая «Грамоту», митрополит Филарет (Вознесенский) преподал благословение С. Н. Боголюбову, а епархиальный архиерей архиепископ Вашингтонский и Флоридский Никон призвал учащихся церковных школ и родителей, которые молитвенно стояли в храме, содействовать С. Н. Боголюбову в его ответственной работе¹⁷.

С. Н. Боголюбов скончался 6/19 августа (праздник Преображения Господня) 1971 г. в Нью-Йорке на 83-м году жизни.

Проводить почетного педагога в «путь вся земли» в Ново-Дивеевский монастырь приехали десятки его учеников и выпускников школ. Показательно, сколько архиереев прибыло в монастырь на погребение. Заупокойную литургию совершил архиепископ Никон (Рклицкий), с которым С. Н. Боголюбов работал много лет. Отпевание в сослужении духовенства совершили: первоиерарх РПЦЗ митрополит Филарет, владыка Никон и епископ Лавр (Шкурла), будущий «архитектор» канонического воссоединения РПЦЗ и РПЦ МП в 2007 г. епископ Рокландский. Викарный архиерей Андрей (Рымаренко) предал тело земле, а духовник покойного протоиерей Петр Мочарский сказал прощальное слово о духовных качествах С. Н. Боголюбова¹⁸.

Учебные и просветительские труды С. Н. Боголюбова были направлены на то, чтобы сохранить и укрепить у русской молодежи в эмиграции уважение к отечественной культуре, любовь к Родине, в каком бы положении она ни находилась. Смысл педагогического метода С. Н. Боголюбова, по свидетельству современников, состоял в том, что педагог должен обогащать своих учащихся познаниями и идеалами и воздействовать на них через совместную с ними духовную жизнь и через любовь к ним. Система наказаний и принуждения была для него скорее вынужденной мерой, некой корректировкой и лечебным средством для защиты ученика. Педагог не замыкался в апробированных учительских подходах, он был открыт к внедрению современных технических средств и приборов в учебный процесс. Однако в центр обучения, воспитания и просвещения С. Н. Боголюбов все же ставил ценности православия, гуманизм русской классической литературы, сохранение на чужбине основ русского образа жизни.

Примечания

¹ Александров Е. А. Русские в Северной Америке: биографический словарь / под ред. К. М. Александрова, А. В. Терещука. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 65.

² Аристова А. Что сохранила память: воспоминания о жизни в Германии 1945—1949 гг. Сан-Франциско, 2004. С. 64—65.

³ Там же. С. 73—77.

- ⁴ Устав организации Свято-Владимирских Кружков Русской Православной Зарубежной Молодежи, утвержденный определением Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей 25 февраля / 9 марта 1960 г. // Православная Русь. 1960. № 7. С. 10.
- ⁵ Протокол № 11 Собора Епископов Русской Православной Церкви Заграницей, 16/29 октября 1959 г. // Документы Соборов РПЦЗ. URL: <https://sinod.ruschurchabroad.org/Arh%20Sobor%201959%20Prot10-16.htm> (дата обращения: 11.05.2020).
- ⁶ Протокол № 21 Собора Епископов Русской Православной Церкви Заграницей, 30 октября / 12 ноября 1959 г. // Документы Соборов РПЦЗ. URL: <https://sinod.ruschurchabroad.org/Arh%20Sobor%201959%20Prot17-22.htm> (дата обращения: 11.05.2020).
- ⁷ Извещение Учебно-Просветительного Совета при Архиерейском Синоде // Православная Русь. 1961. № 20. С. 10.
- ⁸ Боголюбов С. Н. Школа в Ново-Дивеевском Успенском монастыре // Там же. 1962. № 9. С. 7—8.
- ⁹ Боголюбов С. Н. Тяжелая утрата // Там же. 1968. № 19. С. 7—8.
- ¹⁰ Боголюбов С. Н. Школа в Ново-Дивеевском Успенском монастыре. С. 7—8.
- ¹¹ Боголюбов С. Н. Някская школа при Свято-Покровской церкви // Там же. 1962. № 9. С. 7.
- ¹² Биографию о. Евгения см.: Корнилов А. А. «Переправимся на ту сторону...»: деятельность православного духовенства в лагере перемещенных лиц Шляйсгайм (1945—1951 гг.). Н. Новгород; Мюнхен, 2011. С. 79—84.
- ¹³ Боголюбов С. Н. Наши церковные школы // Православная Русь. 1964. № 3. С. 9.
- ¹⁴ Боголюбов С. Н. Наши церковные школы // Там же. 1968. № 14. С. 11.
- ¹⁵ Грачев С. И., Корнилов А. А. Деятельность российской эмигрантской интеллигенции в обществе «Беседа» г. Филадельфия (США) // Интеллигенция и мир. 2012. № 3.
- ¹⁶ Боголюбов С. Н. Наши церковные школы // Православная Русь. 1964. № 3. С. 9.
- ¹⁷ 50-летие учебно-просветительной деятельности С. Н. Боголюбова // Там же. 1968. № 5. С. 14.
- ¹⁸ Семен Николаевич Боголюбов (1889—1971): некролог // Россия. Нью-Йорк, 1971. 8 сентября.

А. А. Федотов

**АРХИЕПИСКОП АМВРОСИЙ (ЩУРОВ)
В ВОСПОМИНАНИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Архиепископ Амвросий (Щуров Анатолий Павлович; 28 марта 1930 — 8 ноября 2016) — человек необычной судьбы. Он родился в крестьянской семье, попавшей под раскулачивание, и с детства испытал все тяготы жизни российского народа. Размышления над смыслом бытия привели к тому, что в 16 лет выросший в нерелигиозной семье юноша осознанно принял крещение. И начался его путь в Церкви, продолжавшийся до последнего дня жизни.

Учеба в только что открывшейся после перемены государственной религиозной политики Московской духовной семинарии позволила ему соприкоснуться с учеными — священнослужителями и богословами еще дореволюционной школы, войти через это в преемственность православной традиции. Он рано стал священником — всего в 22 года, а вскоре принял монашеский постриг. Служба в деревенском приходе и в кафедральном соборе раскрывала перед отцом Амвросием все новые глубины человеческой души, ее светлых и темных сторон.

© Федотов А. А., 2020

Федотов Алексей Александрович — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Ивановский филиал Института управления (г. Архангельск), руководитель Научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества, главный редактор научного журнала «На пути к гражданскому обществу» и научного ежегодника «Власть и гражданское общество», aalfedotov@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Deputy Director for scientific work, Ivanovo Branch of the Institute of Management (Arkhangelsk), Head of the Research Center on Problems of Interaction between Government and Civil Society, Editor-in-Chief of the scientific journal “On the way to civil society” and the scientific yearbook “Power and civil society”).

18 октября 1977 г. состоялась его архиерейская хиротония. С 1977 по 2006 г. он был управляющим Ивановской (Иваново-Вознесенской) и Кинешемской епархией. На это время пришлось два принципиально разных периода — годы полной зависимости Церкви от государства и годы ее небывалой в российской истории свободы. Используя возможности второго периода, владыка Амвросий стал тем архиепископом, при ком епархия неузнаваемо преобразилась: в 4 раза увеличилось число приходов, открылись 12 монастырей, духовная семинария. В епархии проходили свое служение свыше 400 священников и 100 диаконов. Труды архиепископа признаны при жизни: он был отмечен государственными наградами Российской Федерации — орденами Почета и Дружбы, многими церковными и общественными наградами, стал почетным гражданином Ивановской области и г. Иванова. Но главной заботой архиерея был не внешний рост, а души его паствы. Даже будучи на покое, он в течение 10 лет, до самого конца своего жизненного пути, практически ежедневно отдавал духовные силы тем, кому была необходима его поддержка.

Казалось бы, совсем «некнижный» человек, имевший лишь семинарское образование, архиепископ Амвросий стал почетным профессором Шуйского государственного педагогического университета, профессором политологии и философии Международной лиги развития науки и образования, действительным членом Международной академии гуманизации образования, членом редакционного совета научного журнала «Интеллигенция и мир».

Первый период архипастырского служения в то время епископа Амвросия, начавшийся в 1977 г., не был ярком с внешней стороны, он не ознаменовался какими-то значительными событиями. После празднования в 1988 г. 1000-летия Крещения Руси стали открываться храмы. А с 1990-х гг. начался быстрый рост как церковной инфраструктуры в Ивановской области, так и силы влияния Церкви на души людей в регионе.

1990—2000 гг. были временем стремительных преобразований государственного устройства в России, изменения общественного сознания. Процессы децентрализации государственной власти, переход к рыночной экономике, повышенный интерес к западному образу жизни и западным ценностям, превратившиеся

во вседозволенность свобода слова и свобода совести — все это не могло не коснуться и Русской православной церкви.

Российское государство в 1990-х гг. практически перестало контролировать Церковь. С одной стороны, это было позитивным решением: Русская православная церковь начала активную социальную и образовательную, просветительскую деятельность. Практически из руин восстанавливались монастыри и храмы, являющиеся памятниками архитектуры, истории и культуры. Однако государство в это время перестало контролировать не только традиционные, но и другие конфессии, в том числе деструктивные секты, активность которых носила антигосударственный, антиобщественный и античеловеческий характер. Лишь в 1997 г. деятельность религиозных течений нетрадиционного толка была законодательно ограничена.

Необходимо отметить, что и внутрицерковная жизнь в этот период была неоднозначной. В Церковь, кроме женщин пенсионного возраста, пришло много мужчин, молодежи. Появились возможности для религиозного воспитания детей. Церковь начала активное сотрудничество с государственными и общественными учреждениями, в том числе зарубежными, с научными, образовательными и социальными структурами. Однако на этом этапе она еще не была готова к охвату всех сторон той многогранной деятельности, которая стала ей доступна. Поэтому в 1990-х гг. можно было отмечать многочисленные случаи, когда открывшимися возможностями религиозной проповеди пользовались представители не Церкви, а тоталитарных сект или протестанты, имевшие зарубежную финансовую поддержку.

Резкий количественный рост Церкви требовал в разы увеличить существующее число священнослужителей. Это привело к тому, что в Церкви появилось много людей не только без соответствующей подготовки, но и вообще случайных. Если в годы советской власти государство пристально контролировало Церковь, то в этот период закрывало глаза на ее финансово-хозяйственную деятельность. Такая ситуация создавала благоприятные возможности для различных махинаций от лица Церкви. В среде духовенства произошло резкое расслоение на богатых и бедных. Одни имели огромные доходы, другие жили за чертой бедности

или же вынуждены были дополнительно находить светскую работу как единственный источник своего существования.

Церковно-общественные отношения также претерпевали изменения. Если в начале 1990-х гг. наблюдался повышенный общественный интерес к Церкви, то во второй половине 1990-х он пошел на спад. Во многом это было связано с неоправданными желаниями людей найти в измученной 70-летним периодом гонений Русской православной церкви панацею от всех социальных и общественных проблем. Кроме того, многие пытались подходить к членам Церкви с оценкой по заведомо завышенным критериям, забывая при этом, что они просто люди и как таковые отражают состояние российского общества в целом.

В Ивановской области тесное сотрудничество местной епархии Русской православной церкви с высшей школой началось со второй половины 1990-х гг. В 1998 г. в Шуйском государственном педагогическом университете (ШГПУ) была открыта кафедра философии и религиоведения. ШГПУ к этому времени уже не один год сотрудничал с Ивановской епархией. С 1994 г. священнослужители епархии читали студентам вуза курс «Философско-богословское содержание основных сюжетов Священного Писания». Широкий резонанс в стенах ШГПУ вызвали и первые философско-богословские чтения, состоявшиеся благодаря участию епархии и показавшие широкие перспективы сотрудничества вуза с Церковью. Кроме того, ШГПУ выпустил в свет целый ряд книг и сборников, связанных с историей русского православия.

В 1997 г. архиепископ Амвросий стал почетным профессором Шуйского педагогического университета. Звание доцента ШГПУ было присвоено архимандриту Зосиме (Шевчук); многие священнослужители получили в стенах этого вуза высшее религиоведческое образование; некоторые из них в настоящее время рукоположены в архиерейский сан.

К концу 1998 г. не менее тесное сотрудничество наладилось у епархии с Ивановским государственным университетом. В его стенах неоднократно проходили занятия с учащимися Ивановских епархиальных пастырско-богословских курсов, различные богословские факультативы. А 6 апреля 1999 г. состоялось

подписание договора о сотрудничестве сроком действия 5 лет между Ивановской епархией и ИвГУ. Договор предусматривал приглашение в университет для чтения спецкурсов представителей Ивановской епархии, издание совместных научных сборников по историко-религиозной тематике, проведение совместных научных конференций, подготовку в университете аспирантов и соискателей из числа духовенства Ивановской епархии, открытие дополнительной подготовки по религиоведению на историческом факультете. В перспективе — создание в ИвГУ при участии Ивановской епархии межфакультетской кафедры религиоведения и университетского храма, сотрудничество сторон по взаимному формированию интеллектуального потенциала Ивановской епархии и Ивановского государственного университета¹. Доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета С. М. Усманов отмечал: «Владыка Амвросий смог установить добрые и очень доверительные отношения с руководителями и многими преподавателями Ивановского государственного университета. И первый ректор ИвГУ, Владимир Николаевич Латышев, и следующий ректор, Владимир Николаевич Егоров, очень ценили возможность побеседовать с архиепископом Амвросием. Очень хорошие контакты были у владыки и с ректором Ивановского архитектурно-строительного университета (позднее президент Ивановского государственного политехнического университета) Сергеем Викторовичем Федосовым»².

Но взаимодействие с интеллигенцией, не носившее системного характера, началось уже в конце 1980-х гг., сразу после того как это перестало преследоваться государством. Кандидат философских наук, доцент Ивановского государственного университета Т. П. Белова вспоминала: «Так случилось, что начало моей преподавательской деятельности в Ивановском государственном университете пришлось на 1988 год — год 1000-летия Крещения Руси. <...> С этого года священники получили возможность свободно говорить о Боге и религии за пределами церковной ограды, стали проводить встречи с общественностью. Одна из таких встреч состоялась в музее Б. Пророкова. Отец Николай Винокуров беседовал на ней с молодежью, в основном с молодыми

вузовскими преподавателями. Мои слова о религии и атеизме как светском гуманизме очень заинтересовали отца Николая, и он пожелал лично со мной познакомиться. Затем в течение ряда лет благодаря общению с ним и книгам, которые он мне дарил, я постигала православную церковную традицию.

В один из пасхальных дней в конце 1980-х годов (год точно не помню) отец Николай, бывший тогда секретарем епархии, пригласил меня в епархиальное управление на улице Колотилова. Первое, что меня поразило, — это чрезвычайная скромность этого помещения. Во время беседы отец Николай сказал, что здесь сейчас находится владыка, предложил мне пройти в другую комнату и лично представил меня епископу Амвросию, сказав про меня какие-то хорошие слова. Прежде я видела епископа Амвросия только на службах в Преображенском соборе (единственном тогда действующем православном храме города Иваново), а здесь он стоял совсем рядом, в очень простом интерьере деревянного дома. Но эта обстановка совсем не уменьшала величия личности владыки Амвросия. Он излучал любовь, благолепие, достоинство. Наша встреча была короткой, всего несколько минут, но очень запоминающейся. Его слова, обращенные ко мне, были очень уважительными. Сказаны они были очень спокойно, размеренно. Их смысл фактически означал благословение моей скромной деятельности³.

Профессор С. М. Усманов писал: «В середине 1990-х годов мне довелось несколько раз обстоятельно пообщаться с владыкой в связи с образованием и деятельностью Собрания любителей православной книги. Заседания Собрания проходили в библиотеке № 18 Централизованной библиотечной системы г. Иванова. В них принимали участие многие священники, клирики и миряне нашего областного центра. <...> После целого ряда собраний в гостеприимной библиотеке в Пустошь-Боре появилось предложение о встрече их постоянных участников с владыкой Амвросием. Тогда я, как постоянный участник данных заседаний, и отправился в маленький уютный домик на улице Колотилова, где тогда каким-то образом помещалось все епархиальное управление и находился личный кабинет владыки. Мы виделись с владыкой несколько раз, а однажды разговаривали довольно долго.

Много позже я понял, что самому владыке куда ближе простые прихожане, нежели профессора, заслуженные артисты или золотые перья журналистики. Но и с интеллигенцией архиепископ Амвросий умел вести диалог очень мирно, уважительно и душеполезно. Так что и впервые познакомившиеся с ним преподаватели, врачи, предприниматели, чиновники зачастую бывали прямо-таки покорены ровной интонацией голоса владыки, его умением дать им именно то, что для них было так необходимо и драгоценно»⁴.

Представители интеллигенции отмечали широту кругозора архиепископа Амвросия, его способность говорить на любые темы, при этом мягко, но уверенно заставляя человека задуматься над тем, зачем он живет, в чем видит смысл своей жизни. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Шуйского филиала Ивановского государственного университета В. П. Океанский так писал об этом: «Лично общались мы не очень часто — но само это общение носило глубоко личный характер и не о всех вещах тут стоит говорить. Одно однозначно — его архипастырские решения и благословения были ключевыми в поворотных моментах моей жизни, совпавшими с большими судьбоносными переправами и переосмыслениями... А говорили мы совсем о разных вещах: о старообрядческом “древнем чине” и о судьбах русского зарубежного православия, о духовном векторе в развитии Шуйского университета и о том, что “в церковной ограде советского периода без санкции особо уполномоченного не давали вбить гвоздя”...»⁵

Еще более четко сформулировал это духовный сын владыки Амвросия игумен Агафангел (Гагуа), доктор медицинских наук, профессор, помощник митрополита в московском представительстве Митрополичьего округа Русской православной церкви в Республике Казахстан, советник Благотворительного фонда Святителя Николая Чудотворца: «Многие после общения с архиепископом Амвросием поражались, откуда у него такие энциклопедические знания. По сути, он разбирался практически во всем. Мы не будем здесь касаться непосредственной сферы его деятельности как управляющего епархией. Но если мы возьмем экономические, политические, медицинские вопросы, сферу культуры,

воспитания молодежи — он мог общаться с профессионалами так, что им было интересно. Очень хорошо разбирался в музыке, любил ее. Руководитель хоровой капеллы юношей и мальчиков известный деятель культуры А. М. Жуковский был поражен познаниями владыки в этой сфере. <...>

Помню, как один человек, который и к Церкви отношения не имел, пошел за советом к владыке. И он потом рассказывал, что не успел задать вопросы: владыка их предугадал, начал сам говорить, “по полочкам” разложил все дальнейшие его действия. Вот что значит молитва праведника! У нас есть наглядный пример того, что значит молитва праведного человека. Было много сугубо светских людей, которые к вере так и не пришли, но владыку Амвросия они очень любили. Был интересный случай, когда один видный государственный деятель, придерживавшийся атеистических взглядов, после общения с владыкой сказал ему: “Удивительно: оказывается и в Церкви есть порядочные люди”. Вот эта немного забавная оценка показывает, что архиепископу Амвросию действительно удалось стать, по слову апостола Павла, “всем для всех, чтобы спасти хотя бы некоторых”⁶.

А кандидат философских наук, профессор, ректор Шуйского государственного педагогического университета в 2006—2012 гг. И. Ю. Добродеева так об этом писала: «Широко известно, что архиепископ Амвросий — большой молитвенник. Пастырь-молитвенник, как говорит сам владыка, проводит жизнь в Боге, и это не только возвышает его душу, делает ее достойной собеседницей Богу, но и заключает в себе великую благотворную силу священнического воздействия на человека. Доброе, сочувственное слово владыки больной, тоскующей душе рождает надежду на доброе устройство жизни, дает мужество пережить скорбь и муки, раскрывает их смысл в земной жизни. Разговаривая с человеком, владыка отвечает на не заданные вслух вопросы. Он... слышит из души другого идущий вопрос. Он слышит и страх, и боль, и смятение. Отвечая “Не нужно бояться, нужно просто верить в Бога, Бог никогда не сделает никому плохо”. Беседы с владыкой — это всегда беседы с высоким, духовным миром, благоустроенность, красота и возвышенность которого очищающе действуют на собеседника. При этом его духовный мир

настолько поднят над дурным психизмом обыденности, что высотой своей врачует. Владыка говорит о грехе со скорбью за человека. Для него бесконечно дорога душа, как незримый Божественный светильник в человеке, он верит в душу каждого, какими бы страстями она не была терзаема. Своей верой в человека он помогает ему найти точку опоры в трагедии земного существования. Пример владыки ясно показывает духовную сопряженность веры в Бога с верой в человека»⁷.

Собственное учреждение профессионального религиозного образования — Ивановские епархиальные пастырско-богословские курсы, предназначенные для священнослужителей, не имеющих специального духовного образования, а также кандидатов в священник сан, появились в Ивановской епархии в 1996 г. На курсах изучались лишь шесть дисциплин, срок обучения был весьма краток — всего три месяца. За время своего существования пастырско-богословские курсы сделали пять выпусков своих учащихся, всего их закончили свыше 80 человек. Даже в такой форме курсы в значительной мере способствовали повышению религиозного образовательного уровня духовенства епархии. При курсах имелась библиотека, фонд которой включал около 1200 книг по различным отраслям богословских знаний.

Духовное училище в Ивановской епархии решением Священного синода было открыто в 1999 г., ректором назначен архимандрит Зосима (Шевчук). Были набраны первые 20 студентов, сформирован профессорско-преподавательский состав высокого уровня, что позволило училищу уже с первого года своего существования приступить к выпуску авторских курсов лекций, монографий и книг. Быстрыми темпами формировалась библиотека училища. Успешное развитие научно-методической базы Ивановского духовного училища позволяло делать благоприятные прогнозы о реорганизации его в семинарию в ближайшем будущем.

В 2001 г. при Ивановском духовном училище совместным распоряжением председателя Учебного комитета при Священном синоде архиепископа Вереяского Евгения (Решетников), архиепископа Ивановского и Кинешемского Амвросия и ректора Ивановского государственного университета В. Н. Егорова был

создан Научный центр по проблемам церковной истории и церковного осмысления истории России. В состав научного совета Центра вошли шесть докторов и один кандидат исторических наук. Организация Центра стала закономерным следствием той большой научной церковно-исторической работы, которую проводило Ивановское духовное училище. Всего за три года своего существования училище успело превратиться в научный центр Ивановской епархии, стать местом встречи и сотрудничества церковной и светской общественности. Помимо учебных и воспитательных задач, Ивановское духовное училище решало научные и издательские вопросы.

17 июля 2002 г. Священный синод Русской православной церкви принял решение об открытии Иваново-Вознесенской Духовной семинарии и назначении ректором архимандрита Зосимы. Действовавший при семинарии Научный центр по проблемам церковной истории и церковного осмысления истории России организовывал научное сотрудничество семинарии с Ивановским государственным университетом, Ивановской государственной архитектурно-строительной академией (ИГАСА), Ивановской государственной медицинской академией (ИвГМА). С ИГАСА были проведены три совместные научно-практические конференции — две региональные и одна международная, с ИвГМА — две региональные конференции и круглый стол с участием студентов-медиков и семинаристов. Центром велась плановая научно-исследовательская работа по целому ряду направлений. Это статистические данные по российским монастырям XIX — начала XX в., история Русской православной церкви во второй половине XX в., мемуары церковных деятелей как исторический источник, творчество русских религиозных писателей и философов. В числе участников работы научного центра было девять докторов и три кандидата наук⁸.

Все эти процессы происходили при постоянном участии и по благословению архиепископа Амвросия, лично присутствовавшего на пленарных заседаниях многих конференций, выступавшего на них, лично беседовавшего со многими учеными. Один из важнейших научных проектов, начавшихся в те годы при поддержке архиепископа Амвросия и продолжающихся по настоящее

время, — это инициированная и организованная доктором исторических наук, профессором А. А. Корниковым, на протяжении многих лет возглавлявшим исторический факультет Ивановского государственного университета, Международная научная конференция «Государство, общество, Церковь в истории России XX — начала XXI века».

Владыка Амвросий постоянно лично встречался с руководителями и многими преподавателями семинарии, с семинаристами; его поддержка была важна для развития этого учебного заведения. Он не стремился принимать решения за руководителей семинарии, но именно его авторитет, его присутствие на заседаниях попечительского совета и других ключевых мероприятиях семинарии являлись причиной ее успешного развития.

Архиепископ Амвросий деятельно участвовал в развитии не только высшего, но и среднего православного образования в Ивановской области. Работавший в то время директором православной школы г. Иваново А. В. Оглоблин так вспоминал об этом: «Что касается православной школы г. Иваново: без архиепископа Амвросия ее просто не было бы. Нам никогда не дали бы такое прекрасное здание. Авторитет владыки прикрывал школу все труднейшие годы, когда нечем было платить, существовали кадровые проблемы. Если учитывать, что жизнь епархии до всех этих кардинальных перемен протекала совсем в другом русле, ко времени открытия православной школы архиерею было шестьдесят пять лет, — ему непросто было войти в эти проблемы. Но ему помогала удивительная, редкая любовь к детям. Мы все любим с детьми сюсюкаться, все умиляемся, все любим своих детей. Но зачастую эта любовь бывает либо показная, либо “разовая”, “нарисованная”. Владыка же каждому вопросу, связанному с детьми, уделял столько внимания, сколько было нужно. Я неоднократно видел, как он принимал матерей с детьми или просто ребенка, или когда я приходил к нему с посторонним ребенком, он всегда находил время. И удивительно то, что беседовал с ними с неподдельным интересом, по-настоящему интересовался каждым ребенком.

Мне почему-то кажется, что чиновники от образования его побаивались. Не знаю, почему у меня сложилось такое впечатление. “Побаивались” в том смысле... (может, это прозвучит как-то

не так), но было ощущение, что, когда они видели владыку Амвросия, им хотелось стать лучше»⁹.

Архиепископ Амвросий общался не только с научной, но и с творческой интеллигенцией; его отклик на творчество народно-го художника России Е. А. Корнеева был опубликован в альбоме «Евгений Корнеев» (М.: Белый город, 2007). Владыка писал: «Этот альбом — результат раздумий, поиска своего пути не только в творчестве, но и в жизни. Верный Отчизне Евгений Алексеевич Корнеев идет своей дорогой к храму Божиему. Мне, как архипастырю Богоспасаемой земли Иваново-Вознесенской, особо близки работы Е. А. Корнеева во имя и во славу Русской Православной Церкви. Дорогой моему сердцу храм Архангела Михаила в селе Михайловском, расписанный Е. А. Корнеевым, является почитаемым и молитвенным Домом для многих прихожан и гостей Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии.

Вход Господень в Иерусалим, Христос и дети, Вознесение, Сретение, Крещение каждый раз вселяют силу и веру в величие и могущество Творца. Пробуждают в нас память — трепетную, покаинную. Неусыпное, тихое, как бы растворенное присутствие Христа и Божией Матери ощущается в работах Евгения Корнеева. Многие страницы моего более чем пятидесятилетнего служения Русской Православной Церкви проходят передо мной, когда склоняю голову перед иконой преподобного Леонтия, архимандрита Михайловского, чудотворца. Что бы ни выходило из под кисти Евгения Алексеевича — пейзажи святых мест в районе монастырей Шуйских, батальные сцены, портреты сынов земли Русской, иконостасы, росписи храмов, диорам, — все они учат служению Вере, вселяют Надежду на лучшую жизнь, воспитывают Любовь к Родине»¹⁰.

Завершить статью хотелось бы словами митрополита Астанайского и Казахстанского Александра, главы Митрополичьего округа в Республике Казахстан, постоянного члена Священного синода Русской православной церкви: «Владыка охотно общался с православным народом, любил разговаривать с простыми людьми; был доступен и губернатору, и деревенской старушке. Он умел утешить, успокоить посетителя, найти добрые и правильные слова, был снисходителен к немощам ближних. Испытав

в своей жизни немало невзгод и тягот, архипастырь чутко откликался на людскую скорбь. Даже в последние годы жизни, когда его здоровье ухудшилось, Владыка не отменил личный прием и продолжал встречаться с многочисленными духовными чадами. Светских людей всегда удивляла начитанность и эрудированность архипастыря, его хорошее знание классической музыки. От иерархов и священников, получивших воспитание и образование в дореволюционный период, Владыка унаследовал благородные манеры поведения, глубокое знание богослужебных традиций. Говоря о жизни почившего святителя, необходимо отметить самое главное — он обладал живой, горячей верой в Бога, любил молитву, благоговейно, неспешно совершал Божественную Литургию, радуясь каждой минуте, проведенной в храме со своей паствой.

В бытность мою управляющим Костромской епархией мне не раз доводилось быть свидетелем многих его полезных трудов. Покойного святителя уважали светские власти и искренне любили пастыри и прихожане; за свою многолетнюю деятельность решением руководства края Владыка был удостоен звания «Почетный гражданин Ивановской области». В памяти всех тех, кто общался с архиепископом Амвросием, навсегда запечатлелся его светлый образ, навсегда останутся его мудрые советы, сердечная теплота, рассудительность и отзывчивость»¹¹.

Примечания

¹ Архипастырь: памяти архиепископа Амвросия (Щурова), почетного гражданина Ивановской области и города Иваново: к 90-летию со дня рождения / ред.-сост. А. А. Федотов, Р. М. Шарипов; изд. Свято-Боголюбского Алексиевского мужского монастыря. Владимир, Иваново, 2020. С. 52.

² *Усманов С. М.* Сразу создавал атмосферу мира и любви Божией // Там же. С. 54.

³ *Белова Т. П.* Архипастырь периода социального излома // «Я возжелал заповедей Твоих»: памяти архиепископа Амвросия (Щурова). Иваново, 2017. С. 304—305.

⁴ *Усманов С. М.* Владыка Амвросий и интеллигенция: впечатления очевидца // Там же. С. 298—299.

- ⁵ *Океанский В. П.* Мой Владыка Амвросий // Там же. С. 295—296.
- ⁶ *Агафангел (Гагуа)*, игумен. Владыка был постоянно в молитвенном общении с Господом, и через него Господь посещал людей // Там же. С. 171—174.
- ⁷ *Добродеева И. Ю.* Пастырь-молитвенник // Архипастырь: памяти архиепископа Амвросия (Щурова)... С. 52—53.
- ⁸ См.: *Федотов А. А.* Русская Православная Церковь в 1942—2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом: (по материалам Центральной России). Иваново, 2009.
- ⁹ *Оглоблин А. В.* Владыка обладал талантом упрощать вопросы, требующие решения // Архипастырь: памяти архиепископа Амвросия (Щурова)... С. 46.
- ¹⁰ *Амвросий*, архиепископ. Вера. Надежда. Любовь: отклик на творчество народного художника России Е. А. Корнеева // «Я возжелал заповедей Твоих». С. 439—440.
- ¹¹ *Александр*, митрополит. Он обладал живой, горячей верой в Бога // Архипастырь: памяти архиепископа Амвросия (Щурова)... С. 3.

АННОТАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Миронова Е. В. Становление земской учительской интеллигенции в Лаишевском уезде Казанской губернии // Интеллигенция и мир. 2020. № 3. С. 7—20.

ББК 63.3(2)53-283.2

Статья посвящена формированию земской педагогической интеллигенции Лаишевского уезда Казанской губернии. На основе источников личного происхождения и делопроизводственной документации уездных органов самоуправления был проведен комплексный анализ кадрового состава земских начальных училищ. Автор установил численность преподавателей, пути ее пополнения, уровень образования, а также рассмотрел социально-экономическое положение учителей. Преподавательский состав включал законоучителей, педагогов по светским дисциплинам и помощников. Некоторые священники — прежние учителя церковных школ также включились в работу земских учебных заведений как опытные преподаватели. По имеющимся материалам четко прослеживается эволюция образовательного уровня учителей в пользу специалистов со средним образованием. В итоге благодаря земской школе в уезде сложилась новая социальная прослойка сельской интеллигенции, включавшая в себя людей со средним образованием. Показаны меры земства по улучшению условий труда и жизни учителей. Определение размера оклада по количеству учеников противоречило принципу назначения жалованья в зависимости от профессиональной подготовки и образования учителя. Сделан вывод, что, несмотря на поддержку опытных и ответственных педагогов, профессия земского учителя оставалась непривлекательной, но при этом в школу шли женщины, что соответствовало движению эмансипации, набравшему обороты в то время.

Ключевые слова: Казанская губерния, Лаишевский уезд, вторая половина XIX — начало XX в., земство, образование, земская школа, учителя, законоучители, помощники.

Ахунзянова Ф. Т. «Во чужом пиру похмелье»: драма русской интеллигенции начала XX в. // Интеллигенция и мир. 2020. № 3. С. 21—33.
ББК 63.3(2)53-283.2

Для русской интеллигенции начала XX в. характерна устойчивая потребность единения с мировым целым. Эта потребность приобретает интертекстуальный характер, перетекая во взаимодействие идей и культурных кодов, ведущих к обретению статуса Homo Cosmicus. Одним из таких кодов становится пир.

Автор статьи ставит перед собой цель реконструировать жизнетворчество российской интеллигенции начала XX в. сквозь призму античного пира. Представляется, что в условиях напряженных духовных поисков, в борьбе за обретение цельности и полноты человеческого бытия обращение к античности стало по-настоящему метафизической идеей, где пир являлся значимой культурной константой. В процессе движения к высшей точке духовного развития античный пир метафорически отражает космос бытия, равно как несоблюдение порядка пира отражает нарушение порядка бытия. Так происходит в российской действительности первой половины XX в., где на фоне трагических исторических событий платоновский «Пир» превращается в вульгарный пир Петрония. После революции 1917 г. отечественная интеллигенция собственными чаяниями очутилась на чужом для себя пиру, где ей не нашлось места, а «похмелье» стало слишком тяжелым и превратилось в подлинную драму.

Методологические подходы к исследуемой проблеме основываются на теоретической базе современного научного знания, которая включает в себя концепции и приемы философии (Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, Вл. С. Соловьев), культурологии (И. А. Едошина, М. С. Каган, Ю. М. Лотман, Н. О. Осипова), искусствоведения (И. А. Азизян, А. Пайман, А. А. Русакова, Д. В. Сарабьянов), интеллигентоведения (В. С. Меметов, С. М. Усманов).

Ключевые слова: начало XX в., отечественная интеллигенция, жизнетворчество, античность, пир, революция.

Комиссаров В. В. Журналы фантастики и приключений «Уральский следопыт» и «Искатель» как источники по истории советской интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2020. № 3. С. 34—48.

ББК 63.211(2)6

Изучается источниковая ценность советских популярных журналов «Уральский следопыт» и «Искатель». В первую очередь автор рассматривает общественные и морально-политические условия, в которых создавались эти журналы. Подчеркивается, что оба издания учреждены примерно в одно и то же время, на рубеже 1950—1960-х гг., в начале так называемого золотого века советской фантастики, когда на арену литературной жизни вышла плеяда молодых и активных писателей-фантастов. Появление журналов стало ответом на запрос советских читателей, прежде всего интеллигенции, нуждавшихся в новых публикациях фантастико-приключенческой тематики. Анализу подверглась также содержательная сторона указанных изданий. Между журналами имелись различия. «Уральский следопыт» был не только литературно-художественным, но и научно-популярным, историко-географическим и краеведческим изданием. «Искатель» же представлял собой литературное приложение к «Вокруг света». Со временем, к 1980-м гг., журналы приобрели в глазах советской интеллигенции различную идейную окраску, что, впрочем, не влияло на их популярность. В завершение подводится итог исследования. Применительно к истории интеллигенции источниковый потенциал журналов лимитирован рядом факторов. Среди них важное место занимают цензурные ограничения и идейное размежевание в среде советской интеллигенции. Тем не менее анализируемые издания могут послужить источниками по следующим аспектам: истории советской прессы, прежде всего популярных изданий; развитию региональной журналистики; освещению краеведческой и экологической проблематики, вопросов воспитания молодежи (на материалах «Уральского следопыта»); составу авторов фантастических и приключенческих произведений, их сюжетной основе.

Ключевые слова: интеллигенция, хрущевская «оттепель», советская печать, исторический источник, научно-фантастическая литература, приключенческая литература.

Репников А. В. Лев Тихомиров на фоне его дневника (1911 г.) // Интеллигенция и мир. 2020. № 3. С. 49—67.
ББК 63.211(2)53

Л. А. Тихомиров (1852—1923) — революционер и идеолог «Народной воли», прошедший царскую тюрьму, впоследствии ставший монархистом, соратником П. А. Столыпина и редактором «Московских ведомостей». Более 30 лет он вел дневник, сегодня хранящийся в Государственном архиве РФ. В статье уделено внимание дневниковым записям 1911 г., позволяющим не только раскрыть специфику взглядов Л. А. Тихомирова, но и показать переломную для России эпоху во всем ее многообразии.

Ключевые слова: Л. А. Тихомиров, П. А. Столыпин, русский консерватизм, дневник, «Московские ведомости».

Калистратов А. Ю. Африка начала XX в. в записках и эпистолярных германского врача Людвиг Кюльца // Интеллигенция и мир. 2020. № 3. С. 68—100.
ББК 63.211(6)

Анализируются записки и письма доктора медицины Людвиг Кюльца, который с 1902 по 1913 г. работал врачом в западноафриканских немецких колониях Тоголенд и Камерун. Методологическим и методическим основанием работы выступают теории и исследовательский инструментарий сравнительно новых дисциплин интеллигентоведения и имагологии. Л. Кюльц рассматривается автором как типичный представитель автономного социального и интеллектуального колониального сообщества, а сформировавшиеся у него образы-представления об Африке и ее жителях как результат, отражающий сложные процессы модернизации Германской империи и личного воспитания, на которое существенное влияние оказали образование и врачебная практическая деятельность. Сделан вывод о том, что воззрения Л. Кюльца укладываются в традиционный для его времени колониальный дискурс. Готовность этого доктора медицины переносить тяготы африканской службы во имя Германской империи, нести бремя культуртрегерства белого человека через лечение туземцев и их просвещение сочеталась с патернализмом в отношении местных жителей и чувством превосходства над ними, в котором иногда просматривались зерна расизма.

Ключевые слова: Л. Кюльц, колониальный врач, германская Восточная Африка, Тоголенд, Камерун, эго-источники, интеллигентоведение, имагология, образы-представления, патернализм, расизм.

Соловьев А. А. Академик Е. Е. Голубинский в интерьере эпохи // Интеллигенция и мир. 2020. № 3. С. 101—114.
ББК 63.3(2)53-72

Е. Е. Голубинский — один из самых выдающихся уроженцев Костромской земли, крупнейший историк Русской православной церкви, первый из профессоров Московской духовной академии, избранный ординарным академиком Императорской Академии наук. В статье сквозь призму основных вех биографии историка рассматриваются общие тенденции социокультурного развития России во второй половине XIX — начале XX в. Анализируются специфические особенности в культуре повседневности православного духовенства, структурируется проблемное поле церковно-образовательных учреждений, персонализируется портретная характеристика богословско-академической корпорации, выявляется ее роль в историко-культурном развитии российского общества. Удивительная судьба Е. Е. Голубинского, его интеллектуальная честность, приверженность к идее религиозно-нравственного и институционального переустройства исторической церкви актуализируются в контексте современных проблем российского образования и социума в целом. Раскрываются проблемные аспекты в развитии богословско-академических корпораций — отсутствие единого интеллектуального и духовного пространства в их сосуществовании, определенная разобщенность их положения в социокультурном развитии общества, недостаточно глубокое взаимодействие с представителями светской интеллигенции. Необходимым следствием синергии научного знания и духовной веры признается построение православной философии истории, что в контексте переживаемого сегодня кризиса эссенциалистского дискурса имеет практическую значимость в демонстрации неотвратимости диалога и неизбежности творческого преобразования личности в современном мире.

Ключевые слова: Русская православная церковь, духовные академии, богословско-академическая корпорация, социокультурное развитие, культура повседневности.

Корнилов А. А. Педагог С. Н. Боголюбов и его заметки о работе приходских школ Русской зарубежной церкви в штатах Нью-Йорк и Пенсильвания (1962—1968 гг.) // Интеллигенция и мир. 2020. № 3. С. 115—128.
ББК 63.3(0)63

Изучаются публикации выдающегося педагога русского зарубежья Семена Николаевича Боголюбова (1889—1971), посвященные поездкам в приходские школы Русской зарубежной церкви. Педагог С. Н. Боголюбов являлся делопроизводителем Учебно-просветительского совета при Архиерейском синоде Русской православной церкви за рубежом в 1960-х гг.

С целью эффективного контроля над учебным процессом приходских школ и его улучшения педагог предпринял в период 1962—1968 гг. ряд инспекционных поездок. Он посетил школы церковных приходов штатов Нью-Йорк и Пенсильвания, в частности таких известных, как Свято-Покровский приход в Наяке, «Всех Скорбящих Радость» и Свято-Владимирский приходы в Филадельфии, Ново-Дивеевский женский монастырь в Спринг-Вэлли. Результаты своих поездок С. Н. Боголюбов отражал в репортажах, которые публиковал журнал «Православная Русь», орган Свято-Троицкого мужского монастыря РПЦЗ в Джорданвилле (штат Нью-Йорк).

Прочтение и анализ публикаций С. Н. Боголюбова дают возможность исследователю реконструировать малоизвестные в России инициативы этого церковно-общественного деятеля, показать повседневную работу приходских школ, выявить их проблемы и достижения, познакомиться с особенностями преподавания наиболее успешных школьных учителей. Вышеназванные вопросы еще не получили своего освещения в работах отечественных историков и специалистов по истории интеллигенции, поэтому данное исследование представляется актуальным.

В работе использованы методы критического анализа исторического источника, методы индукции и дедукции.

Автор пришел к выводам о том, что приходские школы РПЦЗ в штатах Нью-Йорк и Пенсильвания выполняли важную функцию — сохраняли и поддерживали у зарубежной молодежи русскую национально-религиозную идентичность. В ходе поездок по школам педагог С. Н. Боголюбов открывал наиболее успешные методы преподавания и воспитания и описывал их в своих публикациях. Иерархи Русской зарубежной церкви очень высоко ценили деятельность С. Н. Боголюбова и рекомендовали приходам широко использовать эти педагогические методы.

Ключевые слова: педагог, приходская школа, учебный процесс, воспитание, просвещение, Русская православная церковь за рубежом.

Федотов А. А. Архиепископ Амвросий (Щуров) в воспоминаниях представителей православной интеллигенции Ивановской области // Интеллигенция и мир. 2020. № 3. С. 129—142. ББК 63.3(2Рос-4Ива)-283.1

Рассматривается значение личности архиепископа Амвросия (Щурова), управлявшего Ивановской (Иваново-Вознесенской) и Кинешемской епархией в 1977—2006 гг., для процесса формирования православной интеллигенции в Ивановской области; приводятся воспоминания ее представителей, отражающие их личный опыт общения с архипастырем. Архиепископ Амвросий на протяжении многих лет был членом редакционного совета научного журнала «Интеллигенция и мир». Статья посвящена 90-летию со дня рождения этого иерарха Русской православной церкви, внесшего значительный вклад как в выстраивание диалога между Церковью и интеллигенцией в регионе, так и воцерковление многих представителей интеллигенции.

Ключевые слова: Русская православная церковь, епархия, интеллигенция, православие, архиепископ Амвросий (Щуров).

ANNOTATIONS AND MATERIALS FOR CITING

Mironova E. V. Formation of the zemstvo's teaching intelligentsia in Laishevsky district of Kazan province, *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2020, pp. 7—20.

The article is devoted to the formation of the Zemstvo's pedagogical intelligentsia in Laishevsky district of Kazan province. Based on sources of personal origin and records of County self-government bodies, a comprehensive analysis of the personnel composition of Zemstvo's primary schools was conducted. The author established the number of teachers, sources of their replenishment, the level of education, and also considered the socio-economic situation of teachers. The teaching staff included law teachers, secular teachers, and assistants. Some former priests-teachers of Church schools also joined the work of Zemstvo's educational institutions as experienced teachers. The available materials clearly show the evolution of the educational level of teachers in favor of specialists with secondary education. As a result, thanks to the Zemstvo's school, a new social stratum of rural intelligentsia formed in the district, including people with secondary education. Measures taken by the Zemstvo's to improve the working and living conditions of teachers are also shown. The principle of determining the amount of salary based on the number of students contradicted the principle of assigning salaries depending on the professional training and education of the teacher. It is concluded that despite the support of experienced and responsible teachers, the profession of a Zemstvo's teacher remained unattractive, but at the same time women became teachers, which corresponded to the emancipation movement that was gaining momentum at that time.

Keywords: Kazan province, Laishevsky district, the second half of the XIX — early XX century, Zemstvo, education, Zemstvo's school, teachers, teacher of the law of God, assistants.

References

- Bogolyubov A. Vospominaniya po povodu odnogo yubileya, *Izvestiya po Kazanskoj eparkhii*, no. 21, 1904, pp. 674—685.
- Ivanovskiy V. V. *Opyt issledovaniya deyatelnosti organov zemskogo samoupravleniya v Rossii: uezdy — Slobodskoy Vyatskoy gubernii i Laishevskiy Kazanskoj gubernii*, Kazan: Universitetskaya tipografiya, 1881.

- Khayrutdinov A. G., Suleymanova Ya. R. *Iz istorii shkolnogo obrazovaniya v gorode Laishevo (XIX — nachalo XX v.)*. Available at: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/administrativno-territorialnoe-delenie-rossijskoj-imperii/gubernii-rossii/kazanskaya-guberniya/uezdy-kazanskoj-gubernii/laishevskij-uezd/istoricheskie-dokumenty-laishevskiy-uezd-kazanskoy-gubernii/iz-istorii-shkolnogo-obrazovaniya-v-gorode-laishevo-xix-nachalo-xx-vv.html> (accessed: 30.04.2020).
- Melnikov N. A. *19 let na zemskoy sluzhbe: (Avtobiograficheskiy ocherk i vospominaniya)*, Yoshkar-Ola, 2008.
- Samatova Ch. Kh. *Iz istorii organizatsii i funktsionirovaniya selskikh uchebnykh zavedeniy na territorii Laishevskogo rayona Respubliki Tatarstan vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* Available at: <http://www.vipstd.ru/index.php/en/series-humanities-sciences/series-humanities-sciences-2016/gumanitarnye-nauki-2016-may/339-a-11> (accessed: 30.04.2020).
- Svyashchennik F. N. Sosuntsov: (Nekrolog): (Prodolzhenie), *Izvestiya po Kazanskoy eparkhii*, no. 43, 1906, pp. 1364—1371.

Akhunzyanova F. T. “In a strange feast hangover”: the drama of the Russian intelligentsia of the early 20th century, *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2020, pp. 21—33.

The Russian intelligentsia at the beginning of the 20th century is characterized by a steady need for unity with the world. This need takes on an intertextual character, flowing into the interaction of ideas and cultural codes leading to the attainment of the status of Homo Cosmicus. One of these codes is a feast.

The purpose of the author of the article is to reconstruct the life-creation of the Russian intelligentsia at the beginning of the 20th century through the prism of an ancient feast. It seems that in the conditions of intense spiritual searches, in the struggle to find wholeness and completeness of human life, turning to antiquity became a truly metaphysical idea, where the feast was a significant cultural constant. In the process of moving to the highest point of spiritual development, the antique feast metaphorically reflects the cosmos of being, just as the violation of the order of the feast reflects the violation of the order of being.

This is what happens in Russian reality in the first half of the 20th century, where against the backdrop of tragic historical events, the Platonic “feast” turns into the vulgar “feast” of Petronius. After the revolution of 1917 the intelligentsia, with its own aspirations, found itself at a feast alien

to itself, where it could not find a place, and the “hangover” became too heavy and turned into a real drama.

Methodological approaches to the problem under study are based on the theoretical basis of modern scientific knowledge, which includes concepts and methods of philosophy (N. A. Berdyaev, P. A. Florensky, D. S. Merezhkovsky, V. V. Rozanov, Vl. S. Solovyov), cultural studies (I. A. Edoshina, M. S. Kagan, Yu. M. Lotman, N. O. Osipova), art history (I. A. Azizyan, A. Payman, A. A. Rusakova, D. V. Sarabyanov), intelligentia studies (V. S. Memetov, S. M. Usmanov).

Keywords: beginning of the 20th century, domestic intelligentsia, vitality, antiquity, feast, revolution.

References

- Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura Srednevekovyaya i Renessansa*, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990.
- Belyy A. *Krizis kultury*, Petersburg: Alkonost, 1920.
- Benua A. A. *Moi vospominaniya*: in 5 books, vol. 2, b. 4, 5, ed. by D. S. Likhachev, Moscow: Nauka, 1980.
- Blok A. *Sobraniye sochineniy*: in 8 vols, vol. 6: Proza, 1918—1921, Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1962.
- Gippius Z. N. *Dnevnik. Vospominaniya*, vol. 1, Moscow, 1999.
- Gippius Z. N. *Zhivyye litsa: Stikhi i dnevnik*, Tbilisi: Merani, 1991.
- Ivanov G. *Sobraniye sochineniy*: in 3 vols, vol. 3: Memuary. Literaturnaya kritika, Moscow: Soglasie, 1993.
- Ivanov Vyach. *Dnevnik, 1906*. Available at: <http://ivanov.lit-info.ru/ivanov/dnevnik/dnevnik-1906.htm> (accessed: 20.05.2020).
- Kuzmin M. A. *Dnevnik, 1905—1907*, St. Petersburg: Izdatelstvo Ivana Limbakha, 2000.
- Mandelshtam O. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*: in 3 vols, vol. 1: Stikhotvoreniya, Moscow: Progress-Pleyada, 2009.
- Merezhkovskiy D. S. *Polnoye sobraniye sochineniy*: in 24 vols, vol. 14, 22, Moscow: Tipografiya Tovarishchestva I. D. Sytina, 1914.
- Petroniy. *Satirikon*, Lukian. *Lukiy, ili Osel*, Leningrad: SP “SMarG”, 1991.
- Rozanov V. V. *Mimoletnoye*, Moscow: Respublika, 1994.
- Tyutchev F. I. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisma*: in 6 vols, comp. by V. N. Kasatkina, vol. 1, 2, Moscow: Klassika, 2002—2009.

Komissarov V. V. Magazines of science fiction and adventure “Ural Pathfinder” and “Seeker” as sources on the history of the Soviet intelligentsia, *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2020, pp. 34—48.

The article examines the source value of the Soviet popular magazines “Ural Pathfinder” and “Seeker”. First of all, the author considers the social and moral-political conditions in which these magazines were created. It is emphasized that both publications appeared at about the same time, at the turn of the 1950s and 1960s, at the beginning of the so-called “Golden age” of Soviet science fiction, when a galaxy of young and active science fiction writers entered the arena of literary life. The appearance of magazines was a response to the request of Soviet readers, first of all, the intelligentsia, who needed new publications of science fiction and adventure themes. The content of these publications was also analyzed. There were differences between the magazines. The “Ural Pathfinder” was not only a literary and artistic publication, but also a popular scientific, historical, geographical, and local history publication. “Seeker” was a literary supplement to “Around the world”. Also, over time, by the 1980s, magazines acquired different ideological colors in the eyes of the Soviet intelligentsia, which, however, did not affect their popularity. At the end, the research results are summarized. In relation to the history of the intelligentsia, the source potential of magazines is limited by a number of factors. Among them, censorship restrictions and ideological divisions among the Soviet intelligentsia occupy an important place. However, the analyzed publications can serve as sources on the following aspects: the history of the Soviet press, primarily popular publications; the development of regional journalism; coverage of local history and environmental issues, issues of youth education (based on the materials of the “Ural Pathfinder”); the composition of the authors of fantasy and adventure works, their plot component.

Keywords: intelligentsia, Khrushchev’s “thaw”, Soviet press, historical source, science fiction literature, adventure literature.

References

- Amis K. *New Maps of Hell: A Survey of Science Fiction*, New York: Harcourt Brace, 1960.
- Britikov A. F. *Russkiy sovetskiy nauchno-fantasticheskiy roman*, Leningrad: Nauka, 1970.
- Bugrov V. I. *1000 likov mechty*, Sverdlovsk: Sredne-Uralskoye knizhnoye izdatelstvo, 1988.

- Bulychev K. *Kak stat fantastom: Zapiski semidesyatnika*, Moscow: Drofa, 2003.
- Katalog gazet i zhurnalov (tematicheskii): Po sostoyaniyu na 19 maya 1965 g.*, Moscow: Soyuzpechat, 1965.
- Komissarov V. V. K voprosu ob istochnikovoy tsennosti nauchno-fantasticheskoy literatury v kontekste intelligentovedcheskogo issledovaniya, *Klio: Zhurnal dlya uchenykh*, no. 1, 2008, pp. 9—13.
- Lundwall S. J. *Science Fiction: An Illustrated History*, London: Grosset & Dunlap, 1978.
- Osipov A. N. *Fantastika ot A do Ya*, Moscow: Dograf, 1999.
- Tropy "Uralskogo sledopyta"*, Moscow: Molodaya gvardiya, 1978.

Repnikov A. V. Lev Tikhomirov against the background of his diary (1911), *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2020, pp. 49—67.

L. A. Tikhomirov (1852—1923) — revolutionary and ideologist of “People’s Will”, who passed the tsarist prison, later became a monarchist, P. A. Stolypin’s associate and editor of “Moskovskie vedomosti”. For more than 30 years he kept a diary that was in the State Archives of the Russian Federation. The article pays attention to the diary entries of 1911, allowing not only to reveal the specifics of Tikhomirov’s own views, but also to show a turning point for Russia in all its diversity.

Keywords: L. A. Tikhomirov, P. A. Stolypin, Russian conservatism, diary, “Moskovskie vedomosti”.

References

- Belyy A. *Nachalo veka*, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990.
- Belgard A. V. K istorii pervogo posmertnogo izdaniya sochineniy L. N. Tolstogo, *Mosty*, no. 6, 1961, pp. 313—318.
- Borodin A. P. *Petr Nikolayevich Durnovo: Russkiy Nostradamus*, Moscow: Algoritm, 2013.
- Cheb-v F. Lev Tikhomirov i 1 marta 1881 g., *Golos Moskvy*, no. 244, 1911.
- Dnevnik L. A. Tikhomirova, 1915—1917 gg.*, comp. by A. V. Repnikov. Moscow: ROSSPEN, 2008.
- Dnevnik L. A. Tikhomirova, 1905—1907 gg.*, comp. by A. V. Repnikov, B. S. Kotov, Moscow: ROSSPEN, 2015.
- Dnevnik L. A. Tikhomirova, 1908—1910 gg.*, comp. by A. V. Repnikov, B. S. Kotov, Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga, 2019.

- Iskhakova O. A. “Golos Moskvyy”, *Petr Arkadyevich Stolypin*: Entsiklopediya, Moscow: ROSSPEN, 2011.
- Kostylev V. N. *Lev Tikhomirov na sluzhbe tsarizma: (Iz istorii obshchestvenno-ideynoy borby v Rossii v kontse XIX — nachale XX v.)*: Dis. ... kand. ist. nauk, Moscow, 1987.
- Mikhaylova Ye. M. Iliodor (Trufanov S. M.), *Russkiy konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka*: Entsiklopediya, Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 194—195.
- P. A. Stolypin: Perepiska*, Moscow: ROSSPEN, 2004.
- Patriot. Bey trevogu, barabanshchik!, *Russkoye znamya*, no. 206, 1911.
- Stepanov S. A. Iliodor (S. M. Trufanov), *Politicheskaya istoriya Rossii v partiyakh i litsakh*, Moscow: Terra, 1993, pp. 341—364.
- Stolypin P. A. *Nam nuzhna Velikaya Rossiya...*: Polnoye sobraniye rechey v Gosudarstvennoy dume i Gosudarstvennom sovete, 1906—1911 gg. Moscow: Molodaya gvardiya, 1991.
- Stolypin: Zhizn i smert*: Sbornik, comp. by G. Sidorovnin, 2nd ed., Saratov: Sootechestvennik, 1997.
- Stremoukhov P. P. Moya borba s episkopom Germogenom i Iliodorom, *Arkhiv russkoy revolyutsii* [reprintnoe izdanie]: in 22 vols, vol. 15—16, Moscow, 1993.
- Struve P. B. Prestupleniye i zhertva, *Russkaya mysl*, b. 10, sec. 2, 1911, pp. 135—144.
- Tikhomirov L. A. Natsionalnye kurii i otstavka P. A. Stolypina, *Moskovskiy vedomosti*, no. 55, 1911.
- Tikhomirov L. A. *Khristianstvo i politika*, Moscow: Oblizdat, Alir, 1999.
- Varlamov A. N. *Grigoriy Rasputin-Novyy*, 2nd ed., Moscow: Molodaya gvardiya, 2008.
- Yefimenko A. R. L. A. Tikhomirov: obzor dokumentov lichnogo fonda, *Vestnik arkhivista*, no. 6, 1999, pp. 61—66.

Kalistratov A. Yu. Africa of the beginning of the 20th century in the notes and epistolary of the German physician Ludwig Kühzl, *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2020, pp. 68—100.

The article analyzes the notes and letters of the doctor of medicine Ludwig Külz, who from 1902 to 1913 worked as a doctor in the West African German colonies of Togoland and Cameroon. The methodical and methodological bases of the work are theories and research tools of relatively new disciplines of intelligentsia studies and imagology. L. Kühzl is considered by the author as a typical representative of the autonomous social and intellectual

colonial community, and the images formed around him about Africa and its inhabitants as a result that reflects the complex processes of modernization of the German Second empire and personal education, which were significantly influenced by education and medical practice the activities of the author, the source studied. The article concludes that the views of L. Kühlz fit into the colonial discourse traditional for his time. The readiness of this doctor of medicine to endure the hardships of African service in the name of the German Empire, to bear the burden of culture of the white man through the treatment of the natives and their enlightenment, was combined with paternalism towards local residents and a sense of superiority over them, in which grains of racism were sometimes seen.

Keywords: L. Kühlz, colonial physician, German East Africa, Togoland, Cameroon, ego sources, intelligentsial studies, imagology, imagery, paternalism, racism.

References

- Chernoperov V. L. Usmanov S. M. Russian intelligentsia in the socio-political transformations of the XX century: between ideals, virtuality and creation reality, *International Review of Management and Marketing*, vol. 6 no. 3S, 2016, pp. 65—70.
- Davidson A. B. *Sesil Rods i ego vremya*, Moscow: Mysl, 1984.
- Dreksler Kh. *Yugo-Zapadnaya Afrika pod germanskim kolonialnym gospodstvom, 1884—1915*, Moscow: Nauka, 1987.
- Fokin S. V. *Kolonialnaya politika Germanii v 1871—1941 gg.*: Dis. ... d-ra ist. nauk, Moscow, 2004.
- Gansser R. “*Nicht als Abenteurer bin ich hierhergekommen...*”: *100 Jahre Entwicklunge “Hilfe”: Tagebücher und Briefe aus Deutsch-Ostafrika, 1896—1902*, Frankfurt a/M.: Verlag für Interkulturelle Kommunikation, 1991.
- Golubev A. V. “*...Vzglyad na zemlyu obetovannuyu*”: *Iz istorii sovetskoy kulturnoy diplomatii 1920—1930-kh godov*, Moscow: Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk, 2004.
- Golubev A. V. “*Yesli mir obrushitsya na nashu Respubliku*”: *Sovetskoe obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1920—1940-e gg.*, Moscow: Kuchkovo pole, 2008.
- Golubev A. V. “*Podlinnyy lik zagranitsy*”: *obraz vneshnego mira v sovetskoy politicheskoy karikature, 1922—1941 gg.*, Moscow: Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk, 2018.

- Golubev A. V., Yesakov V. D. Sorok let Tsentra po izucheniyu otechestvennoy kultury Instituta rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk, *Trudy Instituta rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk*, Moscow: Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk, 2010, pp. 504—520.
- Grüntzig J. W., Mehlhorn H. *Expeditionen ins Reich der Seuchen, Medizinische Himmelfahrtskommandos der deutschen Kaiser- und Kolonialzeit*, München: Spektrum Akademischer Verlag, 2005.
- Gurevich A. Ya. O krizise sovremennoy istoricheskoy nauki, *Voprosy istorii*, no. 2—3, 1991, pp. 21—36.
- Istoriya germanskogo kolonializma v Afrike*, ed. by A. B. Davidson, Moscow: Nauka, 1983.
- Ivanova A. D. O ponyatiynom apparate sovremennoy imagologii, *Vestnik Vyatskogo universiteta*, no. 11, 2016, pp. 74—76.
- Kalistratov A. Yu. “Iz Afriki”: Utrachennyye illyuzii, *Novoe proshloe / The New Past*, no. 1, 2017, pp. 30—44.
- Kalistratov A. Yu., Chernoperov V. L. Obrazy-predstavleniya o Chernom kontinente i afrikantsakh u germanskogo kolonialnogo ofitsera Rudolfa Ganssera, *Intelligentsiya i mir*, no. 4, 2018, pp. 62—82.
- Kalistratov A. Yu., Chernoperov V. L. Germanskiy kolonialnyy ofitser Erikh fon Shaurot i ego predstavleniya ob afrikantsakh v period podavleniya vosstaniya nama 1904—1907 gg., *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, no. 6, 2018, pp. 23—31.
- Kornev V. P. Krizis istoricheskoy nauki v Rossii, *Kentavr*, no. 4, 1994, pp. 87—93.
- Külz L. *Blätter und Briefe eines Arztes aus dem tropischen Deutschafrika*, Berlin: Verlag Wilhelm Süsserott, 1910.
- Külz L. *Die Dysenterie: fünf gemeinverständliche Vorträge über ihr Wesen, ihre Verhütung und Selbstbehandlung bei Europäern und Farbigen in den Tropen*, Hamburg: Verlag von Fr. W. Thaden, 1913.
- Külz L. *Zur Biologie und Pathologie des Nachwuchses bei den Naturvölkern der deutschen Schutzgebiete*, Leipzig: Barth, 1919.
- Külz L. *Die Hausapotheke das Auslanddeutschen*, Hamburg: Verlag von Thaden, 1920.
- Kyults L. *Otvet na “Zapiski vracha” V. Veresaeva nemetskogo vracha*, Moscow: Tipolitografiya A. V. Vasilyeva i K°, 1902.
- Lettow-Vorbeck P. *Meine Erinnerungen aus Ostafrika*, Leipzig: Koehler Verlag, 1920.
- Lot G. *Vtorzheniye v Vostochnuyu Afriku*, Moscow: Nauka, 1971.
- Michael B.-Ud. *Die Prugelstrafe in den deutschen kolonien Afrikas: Ihre Bedeutung und Funktion für die Kolonialherrschaft*, Mainz, 2000.
- Militär und Geschichte*, no. 6 (Oktober-November), 2010, pp. 10—19.

- Nakhtigal G. *Sakhara i Sudan: Rezultaty shestiletneho puteshestviya po Afrike*, Moscow: Nauka, 1987.
- Neumann I.-B. *Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation*, Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
- Orishev A. B. Rets. na kn.: *Intelligentsiya i intellektualy v izmenyayushchey-sya sotsialno-politicheskoy deystvitelnosti: Kollektivnaya monografiya*, ed. by V. S. Memetov, V. L. Chernoperov, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2014, *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy*, no. 5, 2015, pp. 506—509.
- Pegushev A. M., Tupolev B. M. *Vosstaniye Madzhi-Madzhi: Stanovleniye i krizis germanskogo kolonialnogo pravleniya v Vostochnoy Afrike*, Moscow: Nauka, 1994.
- Peters C. *New Light on Dark Africa: Being the Narrative of the German Emin Pasha Expedition, Its Journeyings and Adventures Among the Native Tribes of Eastern Equatorial Africa, the Gallas, Massais, Wasukuma, Etc., Etc., on the Lake Baringo and the Victoria Nyanza*, London; New York; Melbourne: Ward, Lock, and Company, 1891.
- Peters K. *Die deutsche Emin-Pascha-Expedition*, München, Leipzig: Oldenbourg, 1891.
- Peters K. *Das Deutsch-ostafrikanische Schutzgebiet*, München, Leipzig: Oldenbourg, 1895.
- Peters K. *Lebenserinnerungen*, Hamburg: Rüsche, 1918.
- Pukhovskaya Ye. Yu. *Kolonialnaya ideya v kayzerovskoy Germanii: zamysly i voploshcheniye*: Dis. ... d-ra ist. nauk, Irkutsk.
- Ratzel F. Die Gesetze des raumlichen Wachstums der Staaten, Ein Beitrag zur wissenschaftlichen politischen Geographie, *Petermanns Geographische Mitteilungen*, jg. 42, 1886, pp. 97—107.
- Sofronova L. V., Khazina A. V. Intelligentsiya i intellektualy — takiye raznyye... i pokhozhiyye, *Dialog so vremenem*, no. 62, 2018, pp. 346—353.
- Schauroth E. von. *"Liebes Väterchen...": Briefe aus dem Namaaufstand 1905—1906*, Hrsg. B. Kroemer, Windhock: Glanz & Gloria, 2008.
- Schreiner A. *Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik 1871—1945*, Bd. 1: Riss and Fall Colonial Empire, 1871—1918, Berlin: Dietz, 1978.
- Sogrin V. V. Rossiyskaya istoriya na perelome: prichiny, kharakter, sledstviye, *Obshchestvennaya nauka i sovremennost*, no. 1, 1994, pp. 5—16.
- Usmanov S. M., Chernoperov V. L. Rossiyskaya intelligentsiya i zapadnyye intellektualy v sovremennom mire: modeli sotsialno-politicheskogo povedeniya: Vmesto vvedeniya, in: *Intelligentsiya i intellektualy v izmenyayushchey-sya sotsialno-politicheskoy deystvitelnosti: Kollektivnaya*

- monografiya, ed. by V. S. Memetov, V. L. Chernoperov, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2014, pp. 8—28.
- Usmanov S. M., Chernoperov V. L. *Intelligentsiya i intellektualy v sovremennom mire: samoopredeleniye, sotsialnyy profil, sudba*, in: *Intelligentsiya i intellektualy — takiye raznyye... i pokhozhiye: problemy samoopredeleniya i deyatelnosti v XX — nachale XXI veka*: Kollektivnaya monografiya, ed. by V. S. Memetov, V. L. Chernoperov, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2016, pp. 8—53.
- Usmanov S. M., Chernoperov V. L. Yevropa mezhdru proshlym i budushchim: poiski i nadezhdy Yurgena Khabermasa, *Labirint: Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 1—2, 2016, pp. 46—54.
- Usmanov S. M., Chernoperov V. L. Sila i bessiliye “transnatsionalnykh intellektualov”: sluchay Ralfa Darendorfa, *Intelligentsiya i mir*, 2020, no. 2, pp. 69—83.
- Yerusalimskiy A. S. *Kolonialnaya ekspansiya kapitalisticheskikh derzhav i osvoboditelnoye dvizheniye narodov Yuzhnoy Afriki i Kitaya v XVII—XIX vv.*, Moscow: Nauka, 1974.
- Zemskov V. B. Neskolko slov ob etoy knige, in: *Na perelome: obraz Rossii proshloy i sovremennoy v kulture, literature Yevropy i Ameriki (konets XX — nachalo XXI v.)*, ed. by V. B. Zemskov, Moscow: Novyy khronograf, 2011, p. 3.
- Zemskov V. B. Rossiya “na perelome”: Vvodnaya statya, in: *Na perelome: obraz Rossii proshloy i sovremennoy v kulture, literature Yevropy i Ameriki (konets XX — nachalo XXI v.)*, ed. by V. B. Zemskov, Moscow: Novyy khronograf, 2011, pp. 4—46.

Solovev A. A. Academic E. E. Golubinsky in the interior of the era, *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2020, pp. 101—114.

E. E. Golubinsky, one of the most prominent natives of the Kostroma land, the largest historian of the Russian Orthodox Church, the first of the professors of the Moscow Theological Academy, elected as an ordinary academician of the Imperial Academy of Sciences. Through the prism of the milestones of the historian’s biography, the article examines the general trends in the socio-cultural development of Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries. The specific features in the culture of everyday life of the Orthodox clergy are analyzed, the problem field of church educational institutions is structured, the portrait characteristic of the theological and academic corporation is personalized, its role in the historical and cultural development of Russian society is revealed. The amazing fate

of E. E. Golubinsky, his intellectual honesty, commitment to the religious, moral and institutional reorganization of the historical church are updated in the context of contemporary problems of Russian education and society as a whole. The problematic connotations in the development of theological and academic corporations are revealed — the lack of a single intellectual and spiritual space in their coexistence, a certain disconnectedness of their position in the socio-cultural development of society, the need to deepen their interaction with representatives of secular intelligentsia. The necessary consequence of the synergy of scientific knowledge and spiritual faith is the construction of the Orthodox philosophy of history, which in the context of the crisis that is being experienced today, essential discourse is of practical importance in the inevitability of dialogue and the inevitability of creative transformation of personality in the modern world.

Key words: Russian Orthodox Church, theological academies, theological academic corporation, socio-cultural development, the culture of everyday life.

References

- Filaret (Drozdov), mitropolit Moskovskiy. *Sobraniye mneniy i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po uchebnym i tserkovno-gosudarstvennym voprosam*, izdavayemoe pod redaktsiyey preosvyashchennogo Savvy, arkhiepiskopa Tverskogo i Kashinskogo, vol. 4, St. Petersburg: Sinodalnaya tipografiya, 1886.
- Golubinskiy Ye. Ye. *Vospominaniya*. Available at: <http://www.golubinski.ru/golubinski/vospdet.htm#d1> (accessed: 30.05.2020).
- Golubinskiy Ye. Ye. *O reforme v byte Russkoy Tserkvi*, Moscow: Imperatorskoye obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete, 1913.
- Memetov V. S., Budnik G. A. Vysshee obrazovaniye v Rossii: traditsii, preemstvennost, perspektivy razvitiya, *Intelligentsiya i mir*, no. 3, 2018, pp. 9—22.
- Pisma Moskovskogo mitropolita Filareta k pokoynomu arkhiyepiskopu Tverskomu Aleksiyu, 1843—1867*, Moscow: Tipografiya E. Lissner i Yu. Roman, 1883.
- Polunov A. Yu., Solovyev I. V. *Zhizn i trudy akademika Ye. Ye. Golubinskogo*, Moscow: Krutitskoye patriarsheye podvore, 1998.
- Segen A. Yu. *Moskovskiy Zlatoust, Zhizn, sversheniya i propovedi svyatitelya Filareta (Drozdova), mitropolita Moskovskogo*, Moscow: Blagovest, 2013.

Sysoyev T. *Svyatoy intellektual: 11 faktov o zhizni svyatitelya Filareta (Drozdova)*. Available at: <https://foma.ru/svyatoy-intellektual-11-faktov-o-zhizni-svyatitelya-filareta-drozdova.html> (accessed: 23.02.2019).

Yakovlev A. I. *Svetoch Russkoy Tserkvi: Zhizneopisanie svyatitelya Filareta (Drozdova), mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo*, Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo Podvorya Svyato-Troitskoy Sergiyevoy Lavry, 2007.

Kornilov A. A. Educator S. N. Bogolyubov and his remarks about the parish schools of the Russian Orthodox Church in the states of New York and Pennsylvania (1962—1968), *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2020, pp. 115—128.

The article studies publications of Semyon Nikolayevich Bogolyubov, 1889—1971, an outstanding educator of Russian Abroad. These publications were devoted to his trips to parish schools of the Russian Church Abroad (ROCOR). The educator S. N. Bogolyubov served in the 1960s as Chief Clerk of the Educational Council under Synod of Bishops of the Russian Church Abroad.

In order to maintain effective control over and to improve learning process the teacher visited a few parish schools in 1962—1968. In particular, he visited such famous parishes in the states of New York and Pennsylvania as the Holy Protection Church in Nyack, the Joy of All Who Sorrow Church in Philadelphia, the St. Vladimir Parish of the same city, and the Convent of New Diveyevo in Spring Valley. S. N. Bogolyubov reflected some results of his trips in reports which were published by the *Orthodox Russia* journal, the print organ of the ROCOR St. Trinity Monastery in Jordanville, New York.

Reading and analysis of the Bogolyubov publications give researcher an opportunity to reconstruct the little-known activities of this activist of Church and community, to show the daily work of the parish schools, to identify challenges and achievements that the parish institutions of educations had, to get to know the features of the most successful school teachers. The above issues have not yet been addressed in the studies of Russian historians and specialists on history of intelligentsia. That is why this article seems relevant.

The author used methods of criticism of historical source as well as methods of induction and deduction.

The author came to the conclusion that the parish schools of New York and Pennsylvania performed an important function, namely, they conserved and supported Russian ethnic and religious identity among Russian youth. During the trips to schools, the teacher opened and published the most successful methods of education. Hierarchs of the Church Abroad highly

appreciated the activities of the teacher and recommended that parishes make wide use of pedagogical methods of Bogolyubov.

Keywords: educator, parish school, learning process, education, enlightenment, Russian Orthodox Church Abroad.

References

- Aleksandrov Ye. A. *Russkiye v Severnoy Amerike: Biograficheskiy slovar*, ed. by K. M. Aleksandrov, A. V. Tereshchuk, Hamden, San Francisco, St. Petersburg, 2005.
- Aristova A. *Chto sokhranila pamyat: Vospominaniya o zhizni v Germanii 1945—1949 gg.*, San Francisco, 2004.
- Bogolyubov S. N. Nayakskaya shkola pri Svyato-Pokrovskoy tserkvi, *Pravoslavnaya Rus*, no. 9, 1962, p. 7.
- Bogolyubov S. N. Nashi tserkovnyye shkoly, *Pravoslavnaya Rus*, no. 3, 1964, p. 9.
- Bogolyubov S. N. Shkola v Novo-Diveevskom Uspenskom monastyre, *Pravoslavnaya Rus*, no. 9, 1962, pp. 7—8.
- Bogolyubov S. N. Nashi tserkovnyye shkoly, *Pravoslavnaya Rus*, no. 14, 1968, p. 11.
- Grachev S. I., Kornilov A. A. Deyatelnost rossiyskoy emigrantskoy intelligentsii v obshchestve “Beseda” g. Filadelfiya (SShA), *Intelligentsiya i mir*, no. 3, 2012, pp. 38—59.
- Kornilov A. A. “Perepravimsya na tu storonu...”: *Deyatelnost pravoslavnogo dukhovenstva v lagere peremeshchennykh lits Shlyaysgaym (1945—1951 gg.)*, Nizhny Novgorod, Munich, 2011.
- Semen Nikolayevich Bogolyubov (1889—1971): nekrolog, *Rossiya*, 8 sentyabrya, 1971.

Fedotov A. A. Archbishop Ambrose (Shchurov) in the memoirs of representatives of the Orthodox intelligentsia of Ivanovo region, *Intelligentsia and the World*, no. 3, 2020, pp. 129—142.

The article considers the significance of the personality of Archbishop Ambrose (Shchurov), who managed the diocese of Ivanovo (Ivanovo-Voznesensk) and Kineshma in 1977—2006 for the formation of the Orthodox intelligentsia in the Ivanovo region in 1990—2006. The memoirs of its representatives are given, reflecting their personal experience of communication with the Arch-pastor. Archbishop Ambrose was for many years a member of the editorial Board of the scientific journal “Intelligentsia and the world”.

The article is devoted to the 90th anniversary since the birth of this Hierarchy of the Russian Orthodox Church, who made a considerable contribution to building dialogue between the Church and the intelligentsia in the region, and many Church representatives of intelligentsia.

Keywords: Russian Orthodox Church, diocese, intelligentsia, Orthodoxy, Archbishop Ambrose (Shchurov).

References

- Agafangel (Gagua), igumen. Vladyka byl v postoyannom molitvennom obshchenii s Gospodom, i cherez nego Gospod poseshchal lyudey, in: *“Ya vozzhelal zapovedey Tvoikh”*: Pamyati arkhiepiskopa Amvrosiya (Shchurova), Ivanovo: Blagotvoritelnyy fond Svyateyshego Nikolaya Chudotvortsa, 2017, pp. 160—174.
- Aleksandr, mitropolit. On obladal zhivoy, goryachey veroy v Boga, in: *Arkipastyr: Pamyati arkhiepiskopa Amvrosiya (Shchurova), pochetnogo grazhdanina Ivanovskoy oblasti i goroda Ivanovo: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya*, comp. by A. A. Fedotov, R. M. Sharipov, Svyato-Bogolyubskiy Aleksiyeveskiy muzhskoy monastyr, Vladimir, Ivanovo: PresSto, 2020.
- Amvrosiy, arkhiepiskop. Vera. Nadezhda. Lyubov: Otklik na tvorchestvo narodnogo khudozhnika Rossii Ye. A. Korneeva, in: *“Ya vozzhelal zapovedey Tvoikh”*: Pamyati arkhiepiskopa Amvrosiya (Shchurova), Ivanovo: Blagotvoritelnyy fond Svyateyshego Nikolaya Chudotvortsa, 2017, pp. 439—440.
- Arkipastyr: Pamyati arkhiepiskopa Amvrosiya (Shchurova), pochetnogo grazhdanina Ivanovskoy oblasti i goroda Ivanovo: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya*, comp. by A. A. Fedotov, R. M. Sharipov, Svyato-Bogolyubskiy Aleksiyeveskiy muzhskoy monastyr, Vladimir, Ivanovo: PresSto, 2020.
- Belova T. P. Arkipastyr perioda sotsialnogo izloma, in: *“Ya vozzhelal zapovedey Tvoikh”*: Pamyati arkhiepiskopa Amvrosiya (Shchurova), Ivanovo: Blagotvoritelnyy fond Svyateyshego Nikolaya Chudotvortsa, 2017, pp. 303—307.
- Dobrodeeva I. Yu. Pastyr-molitvennik, in: *Arkipastyr: Pamyati arkhiepiskopa Amvrosiya (Shchurova), pochetnogo grazhdanina Ivanovskoy oblasti i goroda Ivanovo: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya*, comp. by A. A. Fedotov, R. M. Sharipov, Svyato-Bogolyubskiy Aleksiyeveskiy muzhskoy monastyr, Vladimir, Ivanovo: PresSto, 2020, pp. 52—53.

- Fedotov A. A. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov v 1942—2000 gg.: vnutritserkovnaya zhizn, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom: (Po materialam Tsentralnoy Rossii)*, Ivanovo, 2009.
- Ogloblin A. V. Vladyka obladal talantom uproschat voprosy, trebuyushchiye resheniya, in: *Arhipastyr: Pamyati arkhiepiskopa Amvrosiya (Shchurova), pochetnogo grazhdanina Ivanovskoy oblasti i goroda Ivanovo: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya*, comp. by A. A. Fedotov, R. M. Sharipov, Svyato-Bogolyubskiy Aleksiyevskiy muzhskoy monastyr, Vladimir, Ivanovo: PresSto, 2020.
- Okeanskiy V. P. Moy Vladyka Amvrosiy, in: “*Ya vozzhelal zapovedey Tvoikh*”: *Pamyati arkhiepiskopa Amvrosiya (Shchurova)*, Ivanovo: Blagotvoritelnyy fond Svyateyshego Nikolaya Chudotvortsa, 2017, pp. 295—298.
- Usmanov S. M. Vladyka Amvrosiy i intelligentsiya: vpechatleniya ochevidtsa, in: “*Ya vozzhelal zapovedey Tvoikh*”: *Pamyati arkhiepiskopa Amvrosiya (Shchurova)*, Ivanovo: Blagotvoritelnyy fond Svyateyshego Nikolaya Chudotvortsa, 2017, pp. 298—303.
- Usmanov S. M. Srazu sozdaval atmosferu mira i lyubvi Bozhiyey, in: *Arhipastyr: Pamyati arkhiepiskopa Amvrosiya (Shchurova), pochetnogo grazhdanina Ivanovskoy oblasti i goroda Ivanovo: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya*, comp. by A. A. Fedotov, R. M. Sharipov, Svyato-Bogolyubskiy Aleksiyevskiy muzhskoy monastyr, Vladimir, Ivanovo: PresSto, 2020.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.eeol.com).

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам современной науки:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (40 000 знаков с пробелами или 20 страниц текста в формате А4 через 1,5 интервала, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: ББК; на русском и английском языках: инициалы и фамилия автора, название материала, аннотация (объемом не менее 200 слов), ключевые слова; текст статьи (сообщения), примечания, библиографический список на русском языке, транслитерация списка литературы ("**References**").

3. Аннотация должна включать **обоснование проблемы, краткое описание целей, задач, методов исследования, базовые выводы**. Текст статьи обязательно делится на внутренние разделы, например: **введение, цель и задачи, выводы** и т. п.

4. Сноски в статье конечные со сквозной нумерацией. Список сносок располагается после текста статьи под названием «**Примечания**». В примечаниях следует применять **сокращенное** библиографическое описание источников: авторы, название, место и год издания, страницы, отсылающие к конкретному месту источника. В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

5. **Библиографический список** в алфавитном порядке **располагается дополнительно после примечаний**, сначала на русском языке, затем под заголовком "**References**" на латинице. Транслитерацию необходимо выполнить автоматически на сервисе: http://english-letter.ru/Sistema_transliterazii.html

В библиографических списках приводится только использованная в статье литература. В выходных сведениях обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует.

6. Статья должна содержать авторские данные на русском и английском языках: ф.и.о. полностью, ученая степень, ученое звание, должность и место работы (с названием структурного подразделения), контактная информация (e-mail и телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами и содержать дату отправления.

7. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2020. № 3

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 29.09.2020 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,77. Уч.-изд. л. 8,4. Тираж 40 экз.
Заказ № 97. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Факс: (+7920) 672-03-68. **E-mail:** int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. **E-mail:** publisher@ivanovo.ac.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

**Представлены
основные направления
интеллигентоведения**

**Роль
в современном
обществе**

**Сущностные
черты**

*Основан в 2001 году
Выходит ежеквартально*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР